

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Издается с июля 1993 года

Серия 6

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ**

№ 1 (197) 2017 год

Выходит два раза в год

Минск 2017

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Войтов Игорь Витальевич, доктор технических наук, доцент, Республика Беларусь

Редакционная коллегия журнала:

Дормешкин О. Б., доктор технических наук, доцент (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Жарский И. М., кандидат химических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Кунтыш В. Б., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Прокопчук Н. Р., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Неверов А. В., доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь;
Кулак М. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Наркевич И. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Торчик В. И., доктор биологических наук, Республика Беларусь;
Захарук Т., доктор педагогических наук, профессор, Республика Польша;
Пайвинен Ристо, доктор наук, профессор, Финляндская Республика;
Барчик Стэфан, доктор наук, профессор, Словацкая Республика;
Жантасов К. Т., доктор технических наук, профессор, Республика Казахстан;
Харша Ратнавир, доктор наук, профессор, Королевство Норвегия;
Рангелова Е. М., доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Шкляр Бенцион, профессор, Государство Израиль;
Хассель Л. Г., доктор наук, профессор, Королевство Швеция;
Файгле В., доктор наук, профессор, Федеративная Республика Германия;
Флорик Е. А., кандидат биологических наук, доцент (секретарь), Республика Беларусь.

Редакционная коллегия серии:

Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор (главный редактор серии), Республика Беларусь;
Шадурский В. Г., доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора серии), Республика Беларусь;
Забавский Н. М., доктор исторических наук, профессор, Республика Беларусь;
Короткая Т. П., доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Решетников С. В., доктор политических наук, профессор, Республика Беларусь;
Черота И. А., доктор филологических наук, профессор, Республика Беларусь;
Пунченко О. П., доктор философских наук, профессор, Украина;
Шалаев В. П., доктор философских наук, профессор, Российская Федерация;
Рангелова Е. М., доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Захарук Т., доктор педагогических наук, профессор, Республика Польша;
Острога В. М., кандидат исторических наук, доцент (ответственный секретарь серии), Республика Беларусь;
Русак О. В., кандидат филологических наук (секретарь серии), Республика Беларусь.

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 226-14-32;

главного редактора серии – (+375 17) 327-71-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации

№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований»

Educational institution
“Belarusian State Technological University”

PROCEEDINGS OF BSTU

Scientific Journal

Published monthly since July 1993

Issue 6

**HISTORY,
PHILOSOPHY**

No. 1 (197) 2017

Published biannually

Minsk 2017

Publisher – educational institution “Belarusian State Technological University”

Editor-in-chief – Voitau Ihar Vital’evich, DSc (Engineering), Associate Professor, Republic of Belarus

Editorial (Journal):

Dormeshkin O. B., DSc (Engineering), Associate Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;

Zharskiy I. M., PhD (Chemistry), Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;

Kuntysh V. B., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;

Prokopchuk N. R., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;

Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;

Neverov A. V., DSc (Economics), Professor, Republic of Belarus;

Kulak M. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;

Narkevich I. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;

Torchik V. I., DSc (Biology), Republic of Belarus;

Zacharuk T., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Poland;

Paivinen Risto, DSc, Professor, Republic of Finland;

Barčík Štefan, DSc, Professor, Slovak Republic;

Zhantasov K. T., DSc (Engineering), Professor, Republic of Kazakhstan;

Harsha Ratnaweera, DSc, Professor, Kingdom of Norway;

Rangelova E. M., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Bulgaria;

Shklyar Benzion, Professor, State of Israel;

Hassel L. G., DSc, Professor, Kingdom of Sweden;

Faigle W., DSc, Professor, Federal Republic of Germany;

Flyurik E. A., PhD (Biology), Associate Professor (secretary), Republic of Belarus.

Editorial (Issue):

Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor (managing editor), Republic of Belarus;

Shadurskiy V. G., DSc (History), Professor (sub-editor), Republic of Belarus;

Zabavskiy N. M., DSc (History), Professor, Republic of Belarus;

Korotkaya T. P., DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;

Reshetnikov S. V., DSc (Politics), Professor, Republic of Belarus;

Cherota I. A., DSc (Philology), Professor, Republic of Belarus;

Punchenko O. P., DSc (Philosophy), Professor, Ukraine;

Shalayev V. P., DSc (Philosophy), Professor, Russian Federation;

Rangelova E. M., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Bulgaria;

Zakharuk T., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Poland;

Ostroga V. M., PhD (History), Assistant Professor (executive editor), Republic of Belarus;

Rusak O. V., PhD (Philology) (secretary), Republic of Belarus.

Contact: 13a, Sverdlova str., 220006, Minsk.

Telephones: editor-in-chief (+375 17) 226-14-32;

managing editor (+375 17) 327-71-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

ИСТОРИЯ

УДК 929.921(476):7.016.4

С. Е. Рассадин

Белорусский государственный технологический университет

ОРНАМЕНТ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ ФЛАГЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ДРЕВНЕЙШИЕ ИСТОКИ

В статье обоснована историческая приоритетность национального орнамента, помещённого на Государственном флаге Республики Беларусь. Среди всех известных символов белорусской государственности он наидревнейший, поскольку впервые ромбический орнамент зафиксирован на Мезинском палеолитическом поселении, возрастом двадцать тысяч лет назад, а также на Доброборском, шесть тысяч лет назад, на Почепском, две тысячи лет назад, и т. д. Таким образом, символы, вытканые (или вышитые?) на рушнике в 1917 г. Матрёной Маркевич, восходят к древней и древнейшим эпохам. Эти символы означают производительную мощь природы, в частности плодоносящую силу земли.

Ключевые слова: исторический приоритет, символ белорусской государственности, ромбический орнамент.

S. Ye. Rassadin

Belarusian State Technological University

THE ORNAMENT ON THE NATIONAL FLAG OF THE REPUBLIC OF BELARUS: THE ANCIENT ORIGINS

The article substantiates the priority of national historic ornament placed on the national flag of the Republic of Belarus. Among all the famous symbols of the Belarusian statehood he it is the oldest because it was the first rhombic ornament fixed on the Paleolithic Mezin settlement, twenty thousand years ago, and Dobrobrska, six thousand years ago, at Pochep, two thousand years ago, etc. The symbols woven (or embroidered?) in the towel in 1917 by Matrena Markevich, rise to the ancient and most ancient eras. These symbols mean the productive power of nature, in particular fertile power of the earth.

Key words: historical precedence, a symbol of the Belarusian statehood, rhombic ornament.

Введение. Буквально для любого государства совершенно особое значение имеют его официальные символы. Принято считать, что чем древнее тот или иной символ, тем он, с одной стороны, почётней, а, с другой – эффективнее. В нашей стране вопрос о преимуществах того или иного её государственного символа, действующего или бывшего, не теряет общественной остроты. В данной статье приводятся некоторые доказательства в пользу исторической приоритетности Государственного флага Республики Беларусь.

Основная часть. В «Положении о Государственном флаге Республики Беларусь», утверждённом Указом Президента от 7 июня 1995 г. № 214, было сказано буквально следующее: «Около древка вертикально расположен белорусский национальный орнамент красного цвета на белом поле...». В преамбуле данного Указа – Законе Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. № 301-3 «О государственных символах Республики Беларусь» – использовано иден-

тичное описание: «У древка вертикально расположен белорусский национальный орнамент красного цвета на белом поле, составляющем 1/9 длины Государственного флага Республики Беларусь» (рис. 1) [1, 2].

Рис. 1. Государственный флаг Республики Беларусь

Понятно, что в обоих случаях имело место не учреждение вновь созданного символического элемента, а законодательная фиксация ранее уже существовавшего. Общеизвестно, что изображённый на нашем Государственном флаге орнамент копирует тот, который крестьянка деревни Костелище Сенненского уезда Могилёвской губернии Матрёна Сергеевна Маркевич на полотенце выткала (или вышила?) в 1917 г. Он увековечен в бронзе, в виде памятника, открытого в г. Сенно в 2015 г. (рис. 2).

Рис. 2. Памятник Матрёне Маркевич

Однако данный орнамент был, естественно, вовсе не Матрёниным изобретением. Он представляет собой лишь индивидуализированный вариант традиционного ромбо-меандрового, или, иначе, ромбо-крестового орнамента, очень характерного не только для белорусского, но и вообще для восточнославянского народного творчества [3, рис. 2]. Однако уже сто лет назад смысл этого орнамента стал нашим белорусским, украинским и русским мастерицам непонятен, он приобрел характер традиционно повторяющегося украшения. Такая ситуация сложилась, в историческом смысле, относительно недавно. «В начале XIX века, – пишет Г. П. Дурасов, – создатели вышивок ещё помнили смысловое значение украс, жив был и обряд чтения узоров. Девушки собирались на него в своих лучших нарядах, парни выбирали в провожатые старых женщин, и те, показывая им вышитые девушками передники и подола рубаш, поясняли

смысл узоров» [4, с. 5]. Впрочем, значение некоторых элементов восточнославянской народной вышивки довольно понятно и теперь. Например, ромб с прямыми углами, то есть квадрат, перекрещенный внутри, – это, поистине интернациональный древнеземледельческий знак возделанного поля. В подтверждение Б. А. Рыбаков ссылался, в частности, на древнекитайский иероглиф «тянь» (田), как раз и передающий понятие «поле». В этой связи просто поразительно, что не только в нашей орнаментике, но также и в сельской белорусской обрядности тот же самый мотив присутствовал буквально до недавнего времени. «Большой интерес, – писал Б. А. Рыбаков, – представляет запись этнографа В. В. Богданова о том, как применялась ромбо-точечная схема в Белоруссии в XIX в. При постройке новой избы (что являлось естественным продолжением образования новой семьи) глава семьи должен был освятить участок земли, отведенный под постройку нового жилища. С этой целью он чертил на земле большой квадрат, размером с усадьбу, делил этот квадрат на четыре части так, чтобы образовались четыре малых квадрата. Затем хозяин будущей усадьбы отправлялся «на все четыре стороны» и приносил с четырёх полей по большому камню. Камни укладывались в центре каждого малого квадрата, начерченного на земле. После этого земля будущей усадьбы считалась освящённой». Итак, очевидно, что вовсе не случайно центр каждого из сдвоенных ромбиков в исполнении М. С. Маркевич был помечен специальной точкой. Если присмотреться, то и у неё, и у других белорусских мастериц большой ромб делился на четыре части, каждая из которых помечалась точкой или крестиком. Такой орнамент называют «ромбо-точечным», или «шашечным ромбом». Считается, что точки здесь являются символами семян, или первых ростков [5, с. 25, 32].

Обозначая животворящую мощь природы, ромб использовался как символ не только земных, но и небесных сил. Не приходится удивляться, что в народной вышивке ромб, именованный, между прочим, «кругом», символизировал также небесное светило – солнце [6, с. 166]. Е. Н. Клетновой было предложено такое объяснение: «ромб, тоже квадратно ограниченная фигура, но поставленная на угол, давала впечатление чего-то более лёгкого, как бы не требующего материальной поверхности для своей опоры, а потому и более соответствовала символу солнца, плавающему в безбрежном океане неба» [7, с. 118]. Итак, как идеограмма щедрого солнца и возделанной, а потом засеянной земли должен расшифровываться, в принципе, ромбический орнамент, выполненный М. С. Маркевич.

К сожалению, это её произведение, датирующееся 1917 г., не сохранилось. Не удивительно, что не сохранилось также и бесчисленное множество подобных предметов прикладного искусства гораздо более отдалённых времён. «В большинстве районов Земли, – писал Л. Н. Гумилёв, – не сохраняются почти все нестойкие материалы: дерево, мех, ткани, бумага (или заменявшая её береста) и т. п. Никогда не известно, что именно пропало, а считать пропавшее несуществовавшим и не вводить на это поправки – ошибка, приводящая заведомо к неправильным выводам». [8, с. 46]. Поэтому совершенно естественным будет попытаться заполнить такую огромную лауну, обратившись к подобным ромбическим знакам на изделиях из более стойких материалов, – в частности, из керамики и кости. И оказалось, что на глиняных, изготовленных ещё без гончарного круга, сосудах, найденных Ф. М. Заверняевым при раскопках селища, которое в первые столетия нашей эры существовало на территории нынешнего Почапа, райцентра Брянской области России, изображены ромбы, у которых внутри не точки, а одна, или даже две, параллельные линии. Эти почепские ромбы оказались крючковатыми (рис. 3, а, б) [9].

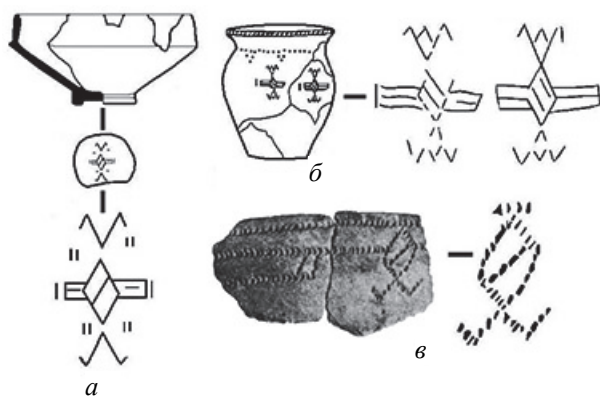

Рис. 3. Ромбические символы на древней керамике:
а, б – Почепское селище;
в – поселение Добрый Бор

Их крючки символизируют, по нашему мнению, след, оставленный упряжным пахотным орудием (сохой, ралом, плугом) при его повороте перед началом следующей борозды; следовательно, одна-две линии внутри ромба означают уже проложенные борозды. Крючковатые ромбы издавна трактуются как «знак земли-почвенной», то есть как изображение поля, обработанного для посева [10, с. 22]. Археологические памятники, культурно близкие

Почепскому селищу, представлены и на российской Брянщине, и на белорусской Гомельщине, и на украинской Черниговщине. Они были созданы, вне всякого сомнения, непосредственными предшественниками самых ранних славян, то есть общими предками трёх нынешних соседних народов [11, с. 248 сл.]. Поэтому и неудивительно, что в русском, белорусском, украинском народном творчестве одинаково даёт о себе знать один и тот же соответствующий архетип.

Но ромбический орнамент известен, однако, ещё эпохи камня, применительно к которой он иногда упрощённо трактуется как изображение рыбьей чешуи. Впрочем, как известно, ещё около пяти тысяч лет назад в пределах нынешней Беларуси на смену рыболовству, охоте и собирательству приходят животноводство и земледелие. В результате этой так называемой «неолитической революции» происходит глобальный переворот не только в экономике, но и в идеологии древнего общества. Её стержнем становится идея плодородия и урожайности. В этой связи для нашей темы особый интерес представляет одна находка с позднего неолитического поселения Добрый Бор в Барановичском районе Брестской области. Масса фрагментов глиняных доброборских сосудов относится к нёманской археологической культуре второй половины III тысячелетия до н. э. Большинство этих фрагментов было орнаментировано, в том числе также сплошной сеткой из ромбов [12, с. 61–67, рис. 47, 1]. Однако среди них выделяется один обломок венчика, то есть верхней части горшка, который ныне занимает своё законное место в экспозиции Национального исторического музея Республики Беларусь. На этом обломке ямками, выдавленными до обжига сосуда по сырой глине, был изображён не просто ещё один, так сказать, серийный ромб той же самой нёманской культуры. У него имеется «хвостик» в виде двойного крючка, – точно такого же, как и у ромбов почепских. Как и один из почепских, он посередине как бы перерезан. Итак, перед нами изображение не просто рыбьей чешушки, а, по-видимому, пиктограмма, то есть рисуночная запись, сообщение безымянного древнего земледельца об уже вспаханном, готовом к посеву, поле (рис. 3, в).

Ромбы в искусстве каменного века появились задолго до глиняной посуды и земледелия. Возраст открытого около с. Мезин Коропского района пограничной с Беларусью Черниговской областью. Украины палеолитического поселения – около двадцати тысяч лет назад. Здесь

был обнаружен изготовленный из бивня мамонта роскошный браслет (рис. 4, а).

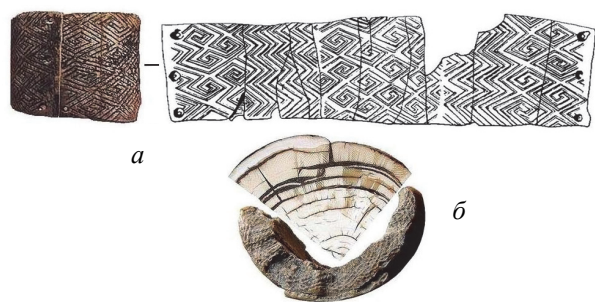

Рис. 4. Мезинский браслет (а) и срез мамонтова бивня (б)

Хорошо видно, что орнамент, вырезанный на поверхности этого браслета неизвестным мастером, очень близок к вышитому М. С. Маркевич. Орнамент этот также состоит как из ромбов, так и из «крючков». Но, с другой стороны, прототипом самого мезинского орнамента послужила, по-видимому, структура мамонтова бивня. Дело в том, что его вещество – дентин – нарастает подобно древесным годичным кольцам. На срезе бивня под углом 45° проступает естественный ромбовидный узор (рис. 4, б). «Постоянно имея дело с бивнями мамонта, – писала В. И. Бибикова, – мезинский резчик не мог не заметить проступающего под резцом

чёткого ритмического рисунка. Таким образом, в основе мезинских орнаментальных мотивов лежит простейший, построенный природой «узор» дентина бивня мамонта» [13, с. 7–8].

Наличие исторической связи между ромбическим орнаментом палеолита, с одной стороны, и неолита, с другой, предполагалось в своё время Б. А. Рыбаковым [14, с. 127–134]. Вполне естественным было добавить сюда таковой же, выявленный на предславянской почепской керамике, и, кроме того, белорусский национальный, выполненный сто лет назад нашей Матрёной-рукодельницей.

Заключение. Итак очевидно, что, если иметь в виду историческую приоритетность, то таковой из всех известных символов белорусской государственности объективно обладает именно наш национальный орнамент, помещённый на Государственном флаге Республики Беларусь. Этот ромбический символ возникает гораздо раньше всех остальных: не в новейшую, и даже не в средневековую, а в древнейшую, ещё палеолитическую, эпоху. Особая его ценность в том, что, несмотря на отдалённость той эпохи, даже через десятки тысяч и тысячи лет довольно чётко просматривается историческая преемственность между научно зафиксированными конкретными воплощениями этого символа в пределах древнейшего славянского ареала.

Литература

1. Об утверждении Положения о Государственном флаге Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 7 июня 1995 г., № 214 [Электронный ресурс]. URL: <http://old.bankzakonov.com/obsch/razdel192/time7/lavz6913.htm> (дата обращения: 10.02.2017).
2. О государственных символах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 5 июля 2004 г., № 301-3 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p2=2/1050> (дата обращения: 10.02.2017).
3. Фадзеева В. Я. Белорусская народная вышывка. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 199 с.
4. Изобразительные мотивы в русской народной вышивке: Музеи народного искусства. М.: Советская Россия, 1990. 317 с.
5. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 380 с.
6. Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. 215 с.
7. Клетнова Е. Н. Символика народных украс Смоленского края // Труды Смоленского государственного музея. 1924. Вып. I. С. 111–126.
8. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера земли. СПб.: Кристалл, 2001. 440 с.
9. Заверняев Ф. М. Почепское селище // Материалы и исследования по археологии СССР. 1969. № 160. С. 88–118.
10. Амброз А. К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // Советская археология. 1965. № 3. С. 14–27.
11. Рассадин С. Е. Первые славяне. Славяногенез. Минск: Изд-во Белорусского экзархата, 2008. 288 с.
12. Чарняўскі М. М. Неаліт Беларускага Панямоння. Минск: Навука і тэхніка, 1979. 144 с.
13. Бибикова В. И. О происхождении мезинского палеолитического орнамента // Советская археология. 1965. № 1. С. 3–8.
14. Рыбаков Б. А. Происхождение и семантика ромбического орнамента // Сборник трудов Научно-исследовательского института художественной промышленности. 1972. Вып. 5. С. 127–34.

References

1. *Ob utverzhdenii Polozheniya o Gosudarstvennom flage Respubliki Belarus'* [On approval of the Regulations on the State flag of the Republic of Belarus: Decree of the President of the Republic of Belarus of 7 June 1995, No. 214]. Available at: <http://old.bankzakonov.com/obsch/razdell92/time7/lavz6913.htm> (accessed 10.02.2017).
2. *O gosudarstvennykh simbolakh Respubliki Belarus'* [On state symbols of the Republic of Belarus: the Law of the Republic of Belarus of 5 July 2004, No. 301-Z]. Available at: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p2=2/1050> (accessed 10.02.2017).
3. Fadzeeva V. Ya. *Belaruskaya narodnaya vyshyuka* [Belarusian folk embroidery]. Minsk, Navuka i tekhnika, 1991. 199 p.
4. *Izobrazitel'nye motivy v russkoy narodnoy vyshivke: Muzei narodnogo iskusstva* [Visual motifs in Russian folk embroidery: Museums of folk art]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1990. 317 p.
5. Rybakov B. A. *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of ancient Slavs]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 380 p.
6. Maslova G. S. *Ornament russkoy narodnoy vyshivki kak istoriko-etnograficheskiy istochnik* [Ornament of Russian folk embroidery as a historical-ethnographic source]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 215 p.
7. Kletnova Ye. N. The symbolism of the folk decoration to increase the Smolensk region. *Trudy Smolenskogo gosudarstvennogo muzeya* [Proceedings of the Smolensk State Museum], 1924, vol. I, pp. 111–126 (In Russian).
8. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the earth]. St. Petersburg, Kristall Publ., 2001. 440 p.
9. Zavernyaev F. M. Pochep settlement. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and researches on archeology of the USSR], 1969, no. 160, pp. 88–118 (In Russian).
10. Ambroz A. K. Early agricultural symbol (“a rhombus with hooks”). *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1965, no. 3, pp. 14–27 (In Russian).
11. Rassadin S. Ye. *Pervye slavyane. Slavyanogenez* [First Slavs. Llvanneres]. Minsk, Belorusskiy Ezkarkhat Publ., 2008. 228 p.
12. Charnyauski M. M. *Nealit Belaruskaga Panyamonnya* [Neelt The Belarusian Paniamonne]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1979. 144 p.
13. Bibikova V. I. On the origin of Mezin Paleolithic ornament. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1965, no. 1, pp. 3–8 (In Russian).
14. Rybakov B. A. The Origin and semantics of the rhombic ornament. *Sbornik trudov Nauchno-issledovatel'skogo instituta khudozhestvennoy promyshlennosti* [Proceedings of Scientific-research Institute of art industry], 1972, vol. 5, pp. 127–134 (In Russian).

Информация об авторе

Рассадин Сергей Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: habdank@rambler.ru

Information about the author

Rassadin Sergey Yevgen'yevich – DSc (History), Professor, Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk). E-mail: habdank@rambler.ru

Поступила 20.02.2017

УДК 008(470+571)

В. Е. Козляков

Белорусский государственный технологический университет

**К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА
«РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ» (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

В статье рассматриваются основные компоненты социокультурного феномена «русская цивилизация». Сегодня основные дискуссии и споры сосредоточены вокруг трех главных существующих типов цивилизаций – западной, русской и восточно-азиатской. Между тем к идеям «русской цивилизации» многие лучшие представители России обращались еще в дореволюционный период. В советское время эта тема практически исчезла из официальной коммунистической идеологии. Развал СССР, демократизация общественной жизни, плюрализм мнений сделали тему «русской цивилизации» вновь актуальной. Анализируя многие работы исследователей, автор определяет содержание и дает характеристику главных компонентов социокультурного феномена «русская цивилизация»: созиданию, стремлению к справедливости, духовности и соборности. Делается вывод о том, что русская цивилизация может и должна стать основой для евразийской интеграции народов, а также для формирования будущей мировой цивилизации реального гуманизма.

Ключевые слова: цивилизация, русская цивилизация, русская культура, созидание, справедливость, духовность, соборность.

Ul. Ye. Kazliakou

Belarusian State Technological University

**ABOUT SOCIOCULTURAL PHENOMEN “RUSSIAN CIVILIZATION”
(HISTORICAL ASPECT)**

The article is about the main components of the socio-cultural phenomenon of “Russian civilization”. Today, most of the discussion and debate focused on the three main types of existing civilizations – Western, Russian and East Asian. Meanwhile, many of the best representatives of Russian turned to the ideas of “Russian civilization” even before revolution. This topic has disappeared from the official communist ideology in Soviet times. The topic of “Russian civilization” regained its relevance due to the collapse of the Soviet Union, the democratization of public life, diversity of opinions. The author defines the content and gives a description of the main components of the socio-cultural phenomenon of “Russian civilization”: creation, the pursuit of justice, spirituality and catholicity, analyzing the work of many researchers. Russian civilization can and should be the basis for the integration of the Eurasian peoples, as well as for the formation of the future world civilization real humanism – is the main conclusion.

Key words: civilization, russian civilization, russian culture and creativity, justice, spirituality and collegiality.

Введение. Термин «цивилизация» был введен в обществоведение для обозначения качественной характеристики общества, уровня его развития. Однако не секрет, что этот термин, кроме определенных регламентирующих функций, еще и призван указать и вектор развития общества.

Сегодня основные дискуссии и споры сосредоточены вокруг трех главных существующих типов цивилизаций – западной, русской и восточно-азиатской. Подавляющее большинство политической элиты бывших советских республик стремится доказать приверженность «титულных» этносов, определяющих название того или иного независимого государства, западной цивилизации. При этом не прекращаются попытки «удревнить» свою историю, пока-

зать близость (или даже отождествить) своего исторического опыта с Западом. Привлекают, конечно, потребительские интересы, стремления заполучить на свои эгоистические цели западные кредиты. Причем, это делается под аккомпанемент откровенной русофобии, утверждений о том, что беды того или иного народа происходят от «имперской, азиатской России».

Между тем к идеям «русской цивилизации» лучшие представители России обращались еще в дореволюционный период. В трудах Н. Данилевского, Ф. Тютчева, Ф. Достоевского, Н. Трубецкого, И. Ильина, других известных деятелей в той или иной степени находили отражение различные компоненты этого социокультурного феномена. В советский период сама категория «русская цивилизация» вызывала насто-

женность и непринятие официальных властей, поскольку пугала опасностью реставрации монархизма. Распад СССР, демократизация общественной жизни, поиски идей цивилизационного развития вновь сделали эту тему актуальной. В работах В. Кожина, Е. Троицкого, О. Платонова, А. Панарина, других исследователей основные компоненты «русской цивилизации» получили новое звучание. Эта же тема присутствует в трудах белорусских авторов – Л. Криштаповича, О. Романова, А. Геращенко. В этих работах постсоветского периода нашли отражение размышления о судьбах русского народа, русской цивилизации, русского мира в условиях глобализации.

Основная часть. Русская цивилизация – это многообразие культур. Формирование Русского государства, как правило, проходило на добровольной основе. При этом русские люди, первопроходцы, в большинстве своем, с уважением относились к традициям, быту и культуре других этносов. Впоследствии огромное количество дворянских родов (а дворянство в течение долгого времени было сословием, определявшим лицо страны) имело нерусское происхождение.

Но русский народ всегда являлся стержнем государства, потому что русские в системе страны оставались единственным евразийским народом. Евразийство русского народа заключается в том, что с самого начала своего существования он серьезно и глубоко контактировал как с европейскими, так и с азиатскими народами. По меткому замечанию В. Кожина, «лишь попав в магнитное поле России, другие народы тоже приобретают евразийские черты». При этом В. Кожин считает, что русский народ никогда не двигался в русле национальной идеи. «Русский народ жил во многом хуже, чем другие народы, – отмечает писатель. – В служении целому континенту и тем самым всему миру не остается места для обеспечения собственного благосостояния, для чисто бытового устройства жизни. Тот, кто берет на себя ответственность за человечество, должен за это платить. Но в награду за служение русский народ создал свою культуру» [1, с. 122].

Таким образом, социокультурный феномен «русская цивилизация» включает в себя различные черты и компоненты, созвучные восточно-славянской цивилизации. Среди них следует, на наш взгляд, выделить главные: *созидание, стремление к справедливости, духовность и соборность*.

В структуре любой цивилизации присутствует дух народа-строителя, народа-созидателя. Но если западная цивилизация строилась на основе грабежа, колониальных захватов дру-

гих, зачастую «нецивилизованных» народов, в то же время создававших своеобразный сырьевой, ресурсный фундамент для будущих западных научно-технических открытий и изобретений, то русская цивилизация воплощала в себе *самостоятельную созидательную деятельность*, прежде всего, в освоении широких бескрайних просторов при непростых природных и климатических условиях. При этом характерной чертой русского образа жизни испокон веков было единство человека с природой. Не случайно слова «народ», «Родина», «род», «природа» и другие уже содержат общие корни. Нарушение этих связей не без влияния западно-рыночных установок привело к Чернобылю, загрязнению почвы и воды, разграблению лесных богатств.

Уже к середине I тысячелетия духовно-нравственные определяющие русской цивилизации получают конкретные формы, выражавшиеся в особых свойствах и характере древнерусского народа. Суммируя все имеющиеся письменные и археологические источники, можно утверждать, что древнеславянское население этого периода отличалось мирным трудовым характером, занимаясь земледелием, животноводством, охотой и рыболовством, изготавливая орудия труда и украшения. Военная деятельность была преимущественно оборонительной, направленной на защиту своих земель и селений. Самоуправление, взаимопомощь (счастье и несчастье общие), общинность сочетались с твердой властью племенных вождей и военачальников.

Вера в единого главного бога сочеталась с верой во второстепенных божеств, злых и добрых духов. Причем поклонение осуществлялось добрым началам жизни. Славяне верили в неизбежность победы добра, закладывались основы добротолубия. Древние славяне не были склонны к накопительству, к стяжанию богатств, у них закладывались основы нестяжательства. В семейной жизни ценилось целомудрие и супружеская верность. Природу славяне считали живым существом и поклонялись ей, особенно обожествлялись дубравы и Мать Земля.

Во 2-й половине I тысячелетия Древняя Русь достигает высокой для того времени культуры земледелия и животноводства. Русские пашни засеяны рожью, пшеницей, ячменем, овсом, просом, расширяются на север. Совершенствуются сельскохозяйственные орудия. В VIII–IX вв. на русских просторах начинают использовать плуги с железным лемехом, позволившие значительно увеличить производительность сельскохозяйственного труда. Высокого уровня мастерства достигают ремесла: гончарное, металлообработка, ювелирное. Дре-

внерусские ремесленники создают красивые ювелирные изделия с перегородчатой эмалью, фибулы, гривны.

В *созидательной деятельности* русского народа четко проявились общинные и артельные традиции. Крестьянская община в России возникла как важный институт совместного коллективного труда в развитии земледелия, обращении в сельскохозяйственный оборот, казалось, непригодных для этих целей угодий. Но крестьянская община в России не была столь прочной, как, например, в Японии. Община в России не была склонной к подчинению какой-либо вышестоящей «корпорации». Попытки самодержавия превратить общину в послушный орган так называемого «крестьянского самоуправления» в итоге привели к ее разрушению, хотя общинные традиции сохранялись еще долго и сохраняются по сей день.

Общинные традиции проявлялись и в менталитете белорусского народа – своеобразного носителя русской цивилизации. Достаточно привести старинный народный обычай толоку, своеобразную форму коллективной помощи в хозяйственных работах. Как правило, на толоку приглашали родственников, соседей, односельчан для срочной и трудоемкой работы: срубить хату, скосить сено, помочь убрать урожай, вывести лес и др. Не секрет, что хитроумные помещики использовали народный обычай и вводили принудительные толоки для крепостных крестьян в своих помещичьих целях.

Не менее важное значение в созидательной деятельности русского, белорусского, украинского народов играли артели – добровольные союзы (товарищества) равноправных работников, решавших производственные и хозяйственные задачи на основе самоуправления, взаимопомощи и взаимовыручки. Объединение людей в артель не только не ограничивало духа самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а, напротив, поощряло его. Артель позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями. Равноправность артельщиков резко отличала их от капиталистических предприятий. Попытки эксплуатации одних членов артели другими, как правило, жестко пресекались. Но равноправие, конечно, не означало уравниловки – распределение доходов осуществлялось по труду [2, с. 5, 25].

Корни артелей уходят в глубокую древность Руси. Артели складывались по воле своих членов и опять-таки по собственной воле подражались на те или иные работы. В 1890-х гг. именно артелями, включавшими в себя в общей сложности не более 10 млн. человек, была по-

строена знаменитая Транссибирская магистраль (7,5 тыс. км рельсового пути, 55 км тоннелей, 5 мостов через великие реки). Эта стройка получила признание всего мира, ее называли «чудом» того времени. Все это отнюдь не означает, что необходимо идеализировать различные мелкие товарищества, но традиции взаимоотношений конкретных производителей необходимо сохранять и развивать. Важно отметить, что созидательный компонент русской цивилизации включает в себя производительную многоукладность экономики страны.

Другой важной характерной чертой русской цивилизации является *стремление народа к социальной справедливости и свободе*. Причем, свободу он понимал как осознанную необходимость. Существовавшее крепостное право прошло через несколько этапов своего оформления. Но при этом нельзя не учитывать, что крепостничество распространялось менее чем на половину русских крестьян. К тому же около половины из этих крестьян были оброчными, т. е. жили, где хотели, и подчас становились более богатыми, чем их владельцы-помещики. Большинство русских купцов и промышленников вышло именно из рядов оброчных крестьян. Уместно сказать и о том, что многие деятели русской культуры начинали свой путь в качестве крепостных, но в силу русского «своеобразия» многие бывшие «рабы» стали известными не только в своей стране, но и во всем мире.

Борьбой за социальную справедливость отмечены многие восстания, крестьянские выступления и революции. Восстания Булавина и Болотникова, войны Разина и Пугачева, крестьянские бунты в начале XX в., последовавшие за ними революции: 1905–1907 гг., Февральская и Октябрьская, крушение СССР в 1991 г. – вот далеко не полный перечень катаклизмов, включавших в себя как гроздь народного гнева, так и проявления стихийного, порой бессмысленного бунта.

Разумеется, противоречия социально-экономического характера сыграли роль катализаторов этих потрясений, но решающим фактором стала все-таки утрата доверия к власти со стороны значительной части населения. Эта утрата доверия происходила по-разному. Тут и проблемы законности царствующих лиц, несостоятельность властного аппарата в руководстве страной, отсутствие элементарных свобод и т. д. Однако, если возникала угроза существованию русской государственности, самому народу, разногласия и противоречия уходили в сторону. Русский народ консолидировался вне зависимости от сословной принадлежности и вел решительную борьбу за свою независи-

мость. Вспомним русскую смуту начала XVII в., Отечественную войну 1812 г., Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Важным значением в консолидации народа на патриотической основе стало возвращение Крыма в состав России в 2014 г.

Важнейшим компонентом русской цивилизации стала *духовность*. Не материальная, а духовная сторона – вот что определяет специфику русской цивилизации. Не алчный, эгоистический интерес, а сострадание, готовность помочь людям, попавшим в беду, поиск истины – эти качества присущи русскому народу. Следует отметить глубокую специфичность русского язычества, создавшего довольно стройную философско-космологическую систему представлений о мире. Но если язычество было связано с поклонением людям Природе, то православное христианство обращалось непосредственно к самому Человеку, страдания и поучения Христа были понятны людям. Поэтому принятие христианства в его православной сущности было назревшим, закономерным и прогрессивным. Оно отвечало духовным нуждам, нравственным чертам и устремлениям восточных славян.

Культура Киевской Руси становилась единой для всех русских земель. С XI в. в Русской Православной Церкви появляются письменные труды своих соборных духовных наставников. Самые известные из них: поучения и послания Феодосия Печерского, «Поучение» князя Владимира Мономаха, «Слово о Законе и Благодати» Митрополита Иллариона. Эти произведения знали и читали на белорусских землях. Каждое из этих творений богато содержанием, и все они вместе несут высокие идеалы христианской духовности древнерусского общества [3, с. 25].

Распространение и утверждение Православия привело к тому, что национальное миропонимание стало все больше исходить из служения идеалам добра, правды, справедливости, милосердия и жертвенности, выполнения святого долга перед Отчиной. Об этом свидетельствует, например, просветительская деятельность Ф. Скорины, «русина» из славного града Полоцка, издавшего «Библию руску». Ф. Скорина привык гордиться людьми «посполитыми», народом «языка рускаго», а затем пришел к мысли «дать соплеменникам свет знаний, приобщить их к культурной жизни Европы» [4, с. 218].

Но уникальность и своеобразие Православия заключалось в том, что эта ветвь христианства не являлась агрессивным антиподом верованиям и традициям других народов. Поэтому не случайно нерусские народы внесли весомый вклад в развитие русской цивилизации.

Наиболее конкретно духовно-нравственные ценности русской цивилизации проявляются в православной этике и добротолубии, русской иконе, церковном зодчестве, трудолюбии как добродетели, нестяжательстве, взаимопомощи и самоуправлении русской общины и артели. Речь идет о той структуре бытия, где духовные мотивы жизни преобладали над материальными, где целью жизни было не потребление, а совершенствование, преображение души, стремление к Божественному идеалу.

Опираясь на ценности своей цивилизации, русский народ сумел создать величайшее в мировой истории государство, объединившее в гармоничной связи многие народы, развить великие культуру, искусство, литературу, ставшие духовным богатством всего человечества.

Духовный компонент русской цивилизации тесно связан с компонентом *соборности*. Существуют разные определения этого всеобъемлющего понятия, но главное заключается в том, что понятие «соборность» прямо противоположно понятию индивидуализма. Соборность – это не только принцип организации церковной православной деятельности. Это еще и принцип организации национальной, общественной, культурно-нравственной, экономической жизни, утверждение добра, справедливости, гражданского согласия, свободы, благосостояния этноса, его гармоничного взаимодействия с другими народами.

Русскую нацию в моменты ее организованных действий можно определить как активную соборную волю. Без возрождения соборности не возродить ни русский, ни белорусский, ни украинский народы. Соборность – это деятельность сообща, интеграция интеллекта и души [5, с. 104].

Однако русская цивилизация как сложное явление включает в себя массу противоречий и противоречивых тенденций. Например, свободное гармоничное развитие лучших черт русской национальной психологии в свое время сдерживалось феодально-крепостническими порядками. Крепостничество мешало проявляться инициативе и предприимчивости. Общинность зачастую несла в себе негативные моменты «круговой поруки», кстати, поддерживаемой властями, когда ответственность за моральные преступления отдельных лиц возлагалась на всех общинников.

Диалектическая противоречивость русской цивилизации состоит в том, что русские люди разные по складу: одним нужны экономические стимулы, хозрасчет, предпринимательская инициатива, другим – морально-этические, коллективистские ценности. Если удастся одновременно дать простор развитию ценных качеств,

проистекающих из общины, артельности, и не менее ценным – предприимчивости и подвижничеству, можно сделать очень многое. И тогда мировые кризисы нам будут не страшны.

Заключение. Таким образом, русская цивилизация – это совокупность способов жизнедеятельности народа в экономике, политике и культуре, включающих в себя компоненты созидания материальных и духовных благ на основе многоукладности экономики, стремление к социальной справедливости во властных решениях и распределении резуль-

татов труда, преобладание духовно-нравственных начал над материальными, и соборности, воплощающей единство свободы и ответственности. Указанные компоненты проявились в той или иной степени на всех этапах существования Русского государства, Российской империи, СССР.

Русская цивилизация как важнейший социокультурный компонент может и должна стать основой для евразийской интеграции народов, а также для формирования будущей мировой цивилизации реального гуманизма.

Литература

1. Кожин В. В. Основы национализма. М.: Алгоритм, 2012. 256 с.
2. Русская артель / составитель, автор предисловия, отв. редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации. 2013. 673 с.
3. Пратаіерэй Сергій Гардун. Праваслаўе як падмурак беларускай нацыі // Беларуская думка. 2016. № 1. С. 21–29.
4. Франциск Скорина и его время. Энциклопедический справочник. Минск: Белорусская советская энциклопедия, 1990. 631 с.
5. Троицкий Е. С. Что такое русская соборность. М.: Ассоциация по изучению русской нации, 1993. 104 с.

References

1. Kojinov V. V. *Osnovy natsionalizma* [Nationalism bases.]. Moscow, Algoritm Publ., 2012. 256 p.
2. *Russkaya artel'* [Russian Artel]. Ed. by O. A. Platonov. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2013. 673 p.
3. Protoieres Sergiy Gordun. Eastern orthodoxy as the foundation of the belarusian nation. *Belaruskaya dumka* [Belarusian idea], 2016, no. 1, pp. 23–29.
4. *Frantsisk Skorina i ego vremena. Entsiklopedicheskiy spravochnik* [Francis Skorina and his time. Encyclopedic reference]. Minsk, Belarusian Soviet Encyklopedia, 1990. 631 p.
5. Troitskiy Ye. S. *Chto takoe russkaya sobornost'* [What is the Russian collegiality]. Moscow, Association for the study of Russian nation, 1993. 104 p.

Информация об авторе

Козляков Владимир Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси и политологии, Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь) E-mail: kozlyakov-ve@mail.ru

Information about the author

Kazliakou Uladzimir Yegorovich – DSc (History), Professor, Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kozlyakov-ve@mail.ru

Поступила 31.03.2017

УДК 947.2:323.311

А. А. Дамарад

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ЭВАЛЮЦЫЯ ПРАВОЎ І ПРЫВІЛЕЯЎ ШЛЯХТЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА
ЛІТОЎСКАГА Ў КАНЦЫ XIV – ПАЧАТКУ XVI СТ.**

Эпоха феадалізму ў Еўропе замацавала спецыфічныя адносіны паміж дваранствам і манархіяй, вядомая як васалітэт. Узаемныя інтарэсы дзяржавы і феадалаў прывялі да фарміравання ў апошніх спецыфічнага кола правоў, якія вынікалі з патрэбы дзяржавы ў лаяльнай ваеннай сіле. У Вялікім Княстве Літоўскім манархічная ўлада вымушана была дастаткова моцна пашыраць палітычныя і эканамічныя правы шляхты па прычыне спецыфічнасці парадку наследавання вялікакняжацкай улады, неабходнасці захавання дынастычнай уніі з Польшчай, а таксама з-за знешнепалітычнага становішча.

Ключавыя словы: манархія, шляхта, закон, палітычныя правы, спадчыная маёмасць.

A. A. Damarad

Belarusian State Technological University

**EVOLUTION OF THE RIGHTS AND PRIVILEGES
OF THE NOBILITY OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA
IN THE LATE 14TH – EARLY 16TH CENTURY**

The era of feudalism in Europe strengthened the special relationship between the nobility and the monarchy, known as vassalage. Mutual interests of the state and the feudal lords led to the formation of the specific circle rights. This feature arose because of the needs of the state in loyal military force. Monarchs of the Grand Duchy of Lithuania was forced to expanded political and economic rights of the nobility due to the specificity of the grand order of succession to power, the need to preserve the dynastic union with Poland, but also because of the foreign policy position.

Key words: monarchy, nobility, the law, political rights, property inheritance.

Уводзіны. Саслоўная структура сярэднявечага грамадства Вялікага Княства Літоўскага была тыповай для свайго часу. Вышэйшым станам з'яўляліся феадальныя землеўласнікі, якія на працягу XIV–XVI стст. аформіліся ў адзіную ў прававых адносінах групу – шляхту.

З канца XIV ст. пачынаецца пэрыяд заканадаўчага афармлення правоў шляхецкага саслоўя, які насіў эвалюцыйны характар. Афармленне правоў шляхты праходзіла ў неразрыўнай сувязі з міждзяржаўнымі ўніямі Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага. Працэс заканадаўчага афармлення феадалізму заняў працяглы час, але менавіта на канец XIV – пачатак XV ст. прыходзяцца важныя рашэнні па замацаванню за шляхтай палітычных і грамадскіх правоў.

Асноўная частка. Аўтарытэтны спецыяліст па гісторыі сярэднявечча М. К. Любаўскі калісьці выказаў тэзіс, які доўга дамінаваў сярод гісторыкаў, што саслоўе феадалаў ў Вялікім Княстве Літоўскім было створана адным актам – Гарадзельскім прывілеем 1413 г. [1, с. 74]. Аднак, для прызнання асобы шляхціцам першапачаткова не патрабавалася якіх-небудзь фармальных умоў увогуле, для гэтага трэба было несці ваенную павіннасць. Толькі з канца XIV ст. феадальнае саслоўе пачынае выдзяляцца з

агульнай масы насельніцтва, авалодвае правамі і вольнасцямі. Патлумачыць гэта можна тым, што стаў даступным вопыт польскай шляхты. Персанальныя і міждзяржаўныя ўніі адчынілі дзверы для пераймання традыцый і правоў. Першая дынастычная ўнія Вялікага Княства Літоўскага з Польшчай 1385 г. «стала першым крокам да набліжэння прававога статусу палітычнай эліты дзвюх дзяржаў» [2, с. 9]. Выкананне ўсіх патрабаванняў феадалы дабіваюцца ў так званых земскіх прывілеях, альбо жалаваных шляхецкіх граматах, «созданных по образцу привилегий польской шляхты и имевших большое влияние на характер развития литовско-русского права» [3, с. 7]. Да гэтага часу польская шляхта ўжо мела асаблівыя правы і прывілеяванае становішча ў дзяржаве. Надаўшы такія ж правы знаці Вялікага Княства, Ягайла хацеў зрабіць яе лаяльнай. З гэтай мэтай ён выдае першы агульназемскі прывілей (а дакладней тры акты, з якіх для нашага даследавання найбольш цікавы першы – ад 20 лютага 1387 г.). У прывілеі Ягайла даруе баярству Вялікага Княства Літоўскага шэраг канкрэтных вольнасцяў. Па-першае, замацоўвалася права шляхты на сваю нерухомаму маёмасць. У прыватнасці, «кожны рыцар альбо баярын... маюць і будуць мець поўную і ўсялякую мажлівасць уладаць,

трымаць, карыстацца, прадаваць, абмяняць, дараваць, паводле сваёй волі і думкі, замкі, воласці, вёскі і дамы, усё чым уладараць і карыстаюцца...» [4, с. 210–211]. Жанчынам баярскага паходжання дазвалялася свабодна ўступаць у шлюб і свабодна распараджацца маёмасцю памёрлага мужа. Важным з’яўляецца звужэнне юрысдыкцыі вялікага князя над шляхтаю. Яна вызвалялася ад усялякіх работ на карысць манарха акрамя пабудовы замкаў, калі «склікаецца ўся зямля літоўская» [4, с. 211].

Адзіным важным абавязкам землеўласнікаў стала ваенная служба за ўласны кошт.

Трэба заўважыць, што для атрымання правоў, гарантаных прывілеем 1387 г., неабходна было выканаць адну ўмову – прыняць каталіцкую веру. Гэтым самым вялікі князь Ягайла выконваў абавязацельствы перад польскімі феодаламі, якіх жадалі ліквідаваць розніцу ў рэлігіі і грамадскім ладзе паміж Польшчай і ВКЛ.

Далейшыя спробы злучэння дзвюх суседніх дзяржаў і Гарадзельскай ўніі 1413 г. выклікалі выданне ад імя Ягайлы і Вітаўта аднаіменнага прывілея. Гарадзельскі прывілей быў выдадзены ў той час, калі яшчэ, як трапна заўважыў М. К. Любаўскі, «не остыла католіцкая ревность короля Ягайло и польских панов, мечтавших об обращении литовцев в католическую веру, чтобы положить прочное начало для слияния Литвы с Польшей» [5, с. 4].

Паводле дакумента, паны, шляхта і баяры Вялікага Княства Літоўскага, якія прымуць каталіцкую веру і атрымаюць гербы, могуць карыстацца ўсімі правамі і свабодамі згодна са звычаямі Каралеўства Польскага. Пацвярджалася іх права на свабоднае распараджэнне сваёй маёмасцю і атрымманне спадчыны. Гарантавалася права жанчын на валоданне маёнткамі. Новым стала права шляхты каталіцкага веравызнання на збіранне сходаў і сеймаў, права выбіраць караля і вялікага князя [4, с. 213].

Прывілей 1413 г. устанавіў, што некатоlíкі не павінны дапускацца да дзяржаўных пасадаў. Гэта выклікала адхіленне ад ўлады мясцовых удзельных князёў, а на іх месца прыйшлі «второстепенные литовско-русские князья, но главным образом литовские бояре» [1, с. 49].

Адказваючы на пытанне, чаму феодалы Вялікага Княства, большасць з якіх былі праваслаўныя, згадзіліся з абмежаваннем правоў некатоlíкоў, трэба мець на ўвазе, што згоду далі не ўсе «паны, шляхта і баяры», як пра гэта гаворыцца ў прывілеі, а толькі 47 чалавек, якіх нішто не ўпаўнаважваў на вырашэнне гэтага пытання. У пацвярджанне гэтага можна прывесці неаднаразовыя заявы прадстаўнікоў ВКЛ аб зняважлівых нормах, што ўтрымліваюцца ў Гарадзельскім прывілеі.

Зразумела, што парадкам, ўсталяваным пасля Гарадзельскай ўніі, не маглі быць задаволены шматлікія «рускія» князі і баяры Вялікага Княства Літоўскага. Атрымлівалася, што яны паводле новага закона не дапускаліся да вышэйшых дзяржаўных пасадаў, да ўдзелу ў нарадах з вялікім князем. Праваслаўныя нават былі адхіленыя ад выбарання вялікага князя. Тым не менш, хутка стала зразумела, што так доўга працягвацца не можа. Ахаладжэнне адносін Вітаўта з Ягайлам пасля няўдалай спробы першага стаць каралём і яго смерць у 1430 г. прывялі да сітуацыі, калі на каранацыі дэлегаты ад ВКЛ і слухаць не пажадалі пра кандыдатуру Ягайлы на вялікакняжацкі пасада. Гэтым скарысталіся праваслаўныя князі і баяры, выставіўшы сваю кандыдатуру – Свідрыгайлу Альгердавіча. Шляхта і набілітэт каталіцкага веравызнання, не бачачы іншай альтэрнатывы Ягайлу, вымушаны былі падтрымаць кандыдатуру Свідрыгайлы.

Узвядзенне Свідрыгайлы на вялікакняжацкі пасада было першым ударам па парадкам, створаным Гарадзельскім прывілеем. Сапраўды, выбранне Свідрыгайлы адбылося не толькі без волі Ягайлы і палякаў, але і з удзелам праваслаўных, што не толькі не прадугледжвалася, але і строга выключалася Гарадзельскім прывілеем 1413 г.

Свідрыгайла і надалей абапіраўся на праваслаўных князёў і баяр, якіх ён увёў у склад Рады нароўні з каталікамі. Праваслаўныя ўдзельнічалі і ў сеймах пры вырашэнні важных дзяржаўных пытанняў, прызначаліся на пасады. Невыпадкова, што непрыняцце ўмоў Гарадзельскага прывілея прывяло да складвання змовы супраць вялікага князя. 1 верасня 1432 г. ён падвергнуўся нападу змоўшчыкаў і вымушаны быў збегчы ў Полацк.

На пасаду вялікага князя быў узведзены Жыгімонт Кейстутавіч, які быў адным з удзельнікаў змовы. Аднак новы князь і польскае каталіцкае лоббі не адважыліся на аднаўленне парадкаў Гарадзельскай ўніі. Праваслаўныя князі і баяры былі моцнай сілай, з якой трэба было лічыцца. Ягайла разумеў, што аднавіць унію Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы можна толькі пры ўмове заахвочвання ўсіх службых і радавітых людзей, незалежна ад веравызнання.

Таму, адпраўляючы паслоў у ВКЛ, Ягайла вырашыў змяніць некаторыя артыкулы новай ўніі. З гэтай мэтай 15 кастрычніка 1432 г. ад імя Ягайлы і Жыгімонта быў выдадзены прывілей, у якім праваслаўныя падданыя Вялікага Княства Літоўскага ўраўноўваліся у правах з каталікамі.

У дакуменце гаварылася, што ў той час, як катоlíкі Вялікага Княства Літоўскага былі надзе-

лены прывілеямі і свабодамі, князі, баяры і шляхта праваслаўнай веры павінны былі быць пазбаўлены права карыстання падараванымі свабодамі. Таму, жадаючы, каб у будучым паміж жыхарамі гэтых земляў не ўзнікала разлады і варожасць, якія падрывалі б сілы гэтых земляў, і для таго, каб яны карысталіся роўнымі правамі і захоўвалі адзінства, больш энергічна і настойліва імкнуліся захаваць у цэласці гэтыя землі, ім і надаваліся аднолькавыя правы [6, с. 117].

З тэксту дакумента відаць, што ён фактычна пазбаўляў законнай сілы дыскрымінацыйныя нормы Гарадзельскага прывілея і сведчыў пра тое, што каталіцкай шляхта і духавенства ў інтарэсах саслоўнай салідарнасці гатовыя былі крыху аслабіць палітыку аддалення некатолікаў у кіраванні дзяржавай. Даючы ацэнку прывілею 1432 г., можна сказаць, што ён ствараў менавіта правыя асновы для згуртавання ўсяго саслоўя феадалаў у прывілеяванае саслоўе шляхты, аб'ядноўваючы яго па сацыяльнай аснове, незалежна ад веравызнання.

Нягледзячы на выданне прывілея 1432 г., у Жыгімонта Кейстутавіча заставалася вялікая апазіцыя на чале са Свідрыгайлам. У Вялікім Княстве Літоўскім ішла феадальная вайна. Таму фактычнае дзеянне прывілея абмяжоўвалася тэрыторыяй, падкантрольнай Жыгімонту. Сам Ягайла вымушаны быў прыехаць у пачатку 1434 г. у ВКЛ, каб падтрымаць апошняга. Сам жа вялікі князь з мэтай большага прыцягнення на свой бок шляхты Літвы і Русі 6 мая ў Троках выдаў чарговы агульнадзяржаўны прывілей на розныя правы і вольнасці [1, с. 81].

У ім атрымалі далейшае развіццё прынцыпы саслоўнага, агульнадзяржаўнага права. Прывілеем 1434 г. пацвярджалася роўнасць правоў католікаў і праваслаўных, гарантавалася права валодання маёнткамі і перадача іх у спадчыну; сяляне і падданыя землеўласнікаў вызваліліся ад некаторых агульнадзяржаўных падаткаў; пацвярджалася права праваслаўных феадалаў карыстацца гербамі і іншымі знакамі шляхецтва; абвяшчалася захаванне ў сіле «усе граматы, прывілеі і міласці... на вечнасць» [4, с. 217].

Галоўнае новаўвядзенне гэтага акта было ў тым, што вялікі князь абавязаўся «не караць князеў і баяр паводле даноса або тайнага абвінавачвання з боку якога-небудзь чалавека, ці благой падазронасці... калі яны перш не яны будуць рэальна абвінавачаны ў публічным судзе...» ў адпаведнасці з законам [4, с. 216].

Надалей пераемнікі Жыгімонта Кейстутавіча пацвярджалі гэтую гарантыю, якая «зрабілася першым асноўным законам, які знайшоў месца ў Літоўскім статуце» [1, с. 82].

Наступны вялікі князь, Казімір, таксама вымушаны быў выдаць агульназемскі прывілей,

які яшчэ больш пашыраў правы шляхецкага саслоўя. Калі ў 1445 г. палякі абралі Казіміра каралём, склалася сітуацыя, што ў выпадку яго ад'езду ў Польшчу праціўнікі вялікага князя атрымлівалі выдатную магчымасць заняць ягонае месца. Таму Казімір, каб зрабіць феадальных землеўласнікаў больш лаяльнымі, выдаў 2 мая 1447 г. новы прывілей, які меў вялікае значэнне для гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Паводле П. А. Лойкі гэты дакумент прэтэндаваў на сваім месце на першую канстытуцыю ВКЛ [2, с. 10].

У дакуменце ўжо не было ранейшага падзелу на асоб каталіцкай і праваслаўнай веры. Акрамя пацверджання папярэдніх правоў і вольнасцяў шляхты Казімір гарантаваў новыя. Найперш, у артыкуле 5 змяшчалася норма аб праве феадалаў свабодна вызджаць за мяжу «для лепшого шчасця набытця, а либо учинков рытэрских» [6, с. 125].

Таксама вызначальнае значэнне мела тое, што пад юрысдыкцыю землеўласнікаў трапляла належнае ім сельскае і гарадское насельніцтва. Пасля такога кроку вялікага князя па словах да паловы насельніцтва была перададзена пад уладу феадалаў [7, с. 87].

Працэс узмацнення панавання шляхецкага саслоўя над сялянамі атрымаў афармленне ў артыкуле 11, дзе ўказвалася, што ні манарх, ні яго намеснікі не павінны прымаць на дзяржаўныя і вялікакняжцкія землі прыватнаўласніцкіх сялян. Адначасова тое ж забаранялася і феадалам. Шляхта атрымала права судзіць сваіх падданных самастойна: закладваліся асновы юрыдычнага афармлення феадальнай залежнасці сялян.

Важнае значэнне мелі два апошнія артыкулы прывілея. У іх замацоўваўся прынцып тэрытарыяльнага адзінства дзяржавы, яе суверэнітэт і адасобленасць ад іншых краін. Прывілей 1447 г. забараняў вялікаму князю раздаваць маёмасць і пасады іншаземцам. Гэтыя артыкулы былі накіраваны супраць пранікнення польскай шляхты ў Вялікае Княства Літоўскае, што адлюстроўвала прэтэнзіі мясцовай шляхты на выключнае становішча ў дзяржаве [6, с. 125].

Цікавую і слушную думку на конт прывілея 1447 г. выказаў М. К. Любаўскі. Насуперак перакананням, што шляхецкае права было запазычана з Польшчы, ён указвае на тое, што на агульнадзяржаўным узроўні юрысдыкцыю над сялянамі палякі атрымалі пазней, чым шляхта ВКЛ, а менавіта: у Нешаўскім статуце Казіміра 1454 г. і ў Петрыкаўскім статуце 1496 г. [1, с. 100]. Гэта пацвярджае тое, што права Вялікага Княства не капіравала замежнае, а проста было выразнікам агульнаеўрапейскіх тэндэнцый у сферы феадальных адносін.

З прывілея 1447 г. пачынаецца паступовае абмежаванне правоў манарха на карысць усяго ваенна-служылага саслоўя. Калі раней вялікі князь раіўся толькі са знатнымі землеўласнікамі, то цяпер ён павінен быў пытацца згоды ўсіх шляхціцаў.

Вызваленне ад «сярэбшчыны» феадалаў-землеўласнікаў і іх падданых стала рызыкаўным крокам Казіміра. Патрэба ў грошах прымушала яго і нашчадкаў на княжацкім пасадзе звяртацца да сеймаў. Шляхта, якая згаджалася на фінансаванне дзяржавы, у адказ стала патрабаваць новыя правы, законы і г. д. Прывілей Казіміра стаў на думку М. Ясінскага вынікам дагаварных пачаткаў паміж вялікім князем і шляхтай, «которая ко времени Казимира достигла значения господствующего сословия в государстве» [2, с. 19].

Абранне вялікім князем Аляксандра ў 1492 г. было адзначана выданнем новага прывілея. Паводле У. І. Пічэты, ён «не даў шляхце новых правоў за выключэннем артыкула пра неўзвышэнне людзей ніжэйшага стану над шляхтай» [8, с. 537].

З гэтым меркаваннем можна пагадзіцца, паколькі ў прывілеі 1492 г. у асноўным замацоўваліся ранейшыя правы шляхты. Новыя паўнамоцтвы атрымалі толькі вышэйшыя прадстаўнікі ваенна-служылага саслоўя, якія ўваходзілі ў склад Рады ВКЛ. Вялікі князь цяпер не меў права адмяняць або змяняць законы, пастановы і судовыя рашэнні, прынятыя разам з радай. Яе пастановы, прынятыя большасцю галасоў, павінны былі выконвацца вялікім князем. У выпадку яго адсутнасці рада самастойна вырашала пытанні дзяржаўнага значэння. Прывілей 1492 г. з'явіўся важным крокам у заканадаўчым афармленні асноўных прынцыпаў дзяржаўнага права, меў характар феадальнай канстытуцыі. Выключнае дзяржаўна-правое значэнне яму надавалі і сучаснікі, называючы яго «генеральным прывілеем» [9, с. 186].

Характар прывілея 1492 г. становіцца яшчэ больш выразным з тымі дапаўненнямі, якія былі зроблены ў гарадзенскім прывілеі 1506 г. Пасля смерці Аляксандра, перад ганаровым узвядзеннем Жыгімонта на вялікае княжанне паны-рада духоўныя і свецкія і ўсе падданыя Вялікага Княства Літоўскага, якія прысутнічалі на сейме, прасілі новага манарха пра пацверджанне ўсіх правоў і вольнасцей, атрыманых станами ад яго папярэднікаў. Жыгімонт абяцаў выдаць гэтую просьбу і 18 кастрычніка выдаў пісьмовыя абавязацельствы на гэты конт, а затым, ужо

пасля ўступлення на пасад, 7 снежня 1506 г., знаходзячыся ў Гародні, выдаў прывілей на правы і вольнасці, замацаваўшы яго прысягай перад Святым Пісаннем [1, с. 150].

Прывілей пачынаўся агульнапрынятым для тых часоў уступам, але змест яго адрозніваецца ад іншых. Тут захоўваецца формула «боскай міласці», але адначасова падкрэсліваецца, што абранне Жыгімонта адбылося са згоды і па жаданню духоўных і свецкіх феадалаў. Дакумент пацвярджаў асноўныя палажэнні Аляксандравага прывілея 1492 г. Новым стаў запіс пра права падданых падаваць скаргі на дзеянні адміністрацыі ВКЛ [4, с. 227].

Заклучэнне. Выданнем прывілея 1506 г. завяршыўся першы этап развіцця права Вялікага Княства Літоўскага ў цэлым і шляхецкіх правоў у прыватнасці. Наступныя прывілеі, выданыя ў 1522, 1529, 1547, 1551 гг. толькі паўтаралі законнасць папярэдніх. Далейшае пашырэнне правоў шляхты праходзіла ў новых сацыяльна-эканамічных і палітычных умовах, звязаных з больш цеснай кансалідацыяй ваенна-служылага саслоўя ў закрытую прывілеяваную групу, а таксама з новым узроўнем яе палітычнай актыўнасці і як вынік – новай ступенню пашырэння правоў дадзенага стану.

Такім чынам, асобныя ільготы, дадзеныя спачатку невялікаму колу асоб, пашыраюцца паступова ў сваім аб'ёме і роўнасцю набыткам усёй шляхты. Пацверджанне шляхецкіх правоў кожным новым вялікім князем становіцца нібыта абавязкам, прычым шляхта, разумеючы сваю значнасць як ваенная сіла, дабіваецца ўсё большых правоў, якія не абмяжоўваюцца ўжо адной гарантыяй асабістай і маёмаснай недатыкальнасці. Цяпер мэта феадалаў – атрыманне правоў палітычных і ўплыў на справы дзяржавы. Са звычайных жалаваных шляхецкіх граматаў, або прывілеяў, выпрацоўваецца нешта накіраванае канстытуцыйных хароты, што выдаваліся кожным новым вялікім князем пры ўступленні на пасад.

Так на працягу канца XIV – пачатку XVI ст. шляхце Вялікага Княства Літоўскага ўдаецца цалкам вылучыцца з грамадства, атрымаўшы юрыдычна замацаваныя правы і прывілеі. Гэта яшчэ не была цалкам і канчаткова сфарміраваная сацыяльная група, але ў сярэдзіне XVI ст. гэты працэс падыходзіць да завяршэння, пачынаючы са з'яўлення Першага Статута ВКЛ 1529 г. Такім чынам, прыватныя прывілеі паступова аформіліся ў агульнасаслоўнае шляхецкае права, а з выданнем Статута 1529 г. і ў агульны закон.

Літаратура

1. Любавский М. К. Литовско-русский сейм. Опыт из истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М.: Об-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1900. 850 с.

2. Лойка П. А. Шляхта беларускіх зямель у гамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. Мінск: БДУ, 2002. 99 с.
3. Ясинский М. Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев: Унив. тип., 1898. 210 с.
4. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах (IX–XVIII стст.): у 2-х т. Т. 1 / пад рэд. В. К. Шчарбакова. Мінск: Выд-ва АН, 1936. 678 с.
5. Любавский М. К. К вопросу об ограничении прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии. М., 1909. 17 с.
6. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Т. 1 / редкол.: А. И. Азаров [и др.]. Минск, Издательство АН БССР, 1959. 516 с.
7. Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М.: Об-во истории и древностей рос., 1915. 401 с.
8. Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. Исследования по истории социально-политического и культурного развития. М.: Из-во АН СССР, 1961. 815 с.
9. Юхо Я. А. Крыніцы беларуска-літоўскага права. Мінск: Беларусь, 1991. 236 с.

References

1. Lyubavskiy M. K. *Litovsko-russkiy seym. Opyt iz istorii uchrezhdeniya v svyazi s vnutrennim stroem i vneshney zhizn'yu gosudarstva* [Lithuanian-Russian Sejm. Experience from the history of the institution in connection with the internal system and the external life of the state]. Moscow, Obshchestvo istorii i drevnostey rossiysskikh. 1900. 850 p.
2. Loyka P. A. *Shlyakhta belaruskhikh zyamel' u gramadska-palitychnym zhytstsi Rechy Paspalitay drugoy palovy XVI – pershay treti XVII st.* [Gentry of Belarusian lands in the socio-political life of Rzeczpospolita the second half of 16th – first third of the 17th century]. Minsk, BGU Publ., 2002. 99 p.
3. Yasinskiy M. N. *Ustavnye zemskie gramoty Litovsko-Russkogo gosudarstva* [Statutory letters of the Lithuanian-Russian state]. Kiev, Universitetskaya press, 1898. 210 p.
4. *Gistoryya Belarusi u dokumentakh i materialakh: v 2 t. T. 1* [History of Belarus in the documents and materials]. Minsk, AN Publ., 1936. 678 p.
5. Lyubavskiy M. K. *K voprosu ob ogranichenii prav pravoslavnykh knyazey, panov i shlyakhty v Velikom knyazhestve Litovskom do Lyublińskiej unii* [On the issue of limiting the rights of Orthodox princes, princes and gentry in the Grand Duchy of Lithuania to the Lublin Union]. Moscow, 1909. 17 p.
6. *Belorussiya v epokhu feodaslisma: v 3 t. T. 1* [Belorussia in the era of feudalism]. Minsk, AN Publ., 1959. 516 p.
7. Lyubavskiy M. K. *Ocherk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Lyublińskiej unii vkluychitel'no* [An outline of the history of the Lithuanian-Russian state before the Lublin Union]. Moscow, Obshchestvo istorii i drevnostey Publ., 1915. 401 p.
8. Picheta V. I. *Belorussiya i Litva XV–XVI vv.* [Belorussia and Lithuania 15th – 16th centuries. Stuiies on the history of socio-political and cultural development]. Minsk, AN Publ., 1961. 815 p.
9. Yukho Ya. A. *Krynitsy belarуска-litouskaga prava* [Sources of the Belarusian-Lithuanian law]. Minsk, Belarus' Publ., 1991. 236 p.

Інфармацыя пра аўтара

Дамарад Аляксей Анатольевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларуска-літоўскі тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: domorad@belstu.by

Information about the author

Damarad Aliaksei Anatolievicy – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (220006, Minsk, 13a, Sverdlova str., Republic of Belarus). E-mail: domorad@belstu.by

Пасмыніў 02.03.2017

УДК 94(474/476)«1625/1629»+94(438)«1625/1626»+94(485)«1625/1629»

А. В. Дземідовіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ПАЛІТЫЧНАЯ АКТЫЎНАСЦЬ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА ПАДЧАС ВАЙНЫ ШВЕЦЫІ З РЭЧЧУ ПАСПАЛІТАЙ 1625–1629 ГГ.

Артыкул разглядае палітычную актыўнасць Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) падчас вайны паміж Швецыяй і Рэччу Паспалітай 1625–1629 гг., якая з'явілася працягам барацьбы за дынастычную карону і панаванне на Балтыцы. На аснове крыніц ацэнены пазіцыя і дзеянні Княства адносна дадзенага канфлікту. У асноўным шляхта ВКЛ жадала закончыць вайну шляхам мірнага пагаднення. Самастойнае падпісанне перамер'яў прадстаўнікамі ВКЛ у адзначаны перыяд можна патлумачыць цяжкім становішчам дзяржавы падчас вайны: недахопам грашовых сродкаў, ваеннымі паразамі, агульнай стомленасцю. Падобныя крокі ВКЛ выклікалі негатывную рэакцыю манарха і прадстаўнікоў Каралеўства Польскага, якія сцвярджалі, што такія дзеянні супярэчаць Люблінскай уніі 1569 г. Гэтыя супярэчнасці сведчылі пра тое, што ВКЛ у знешняй палітыцы кіравалася рэальнай сітуацыяй, а не ўніверсальнымі імператывамі.

Ключавыя словы: Рэч Паспалітая, Вялікае Княства Літоўскае, Каралеўства Польскае, Швецыя, шляхта, вайна.

A. V. Dzmidovich

Belarusian State University

THE POLITICAL ACTIVITY OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA DURING THE WAR BETWEEN SWEDEN AND POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH IN 1625–1629

The article considers the political activity of the Grand Duchy of Lithuania during the war between Sweden and Polish-Lithuanian Commonwealth in 1625–1629. It was a continuation of dynastic struggle for the crown and the domination of the Baltic Sea. The article reveals on the basis of the sources the position and actions of the Duchy to this conflict. Generally the gentry of the Duchy wanted to finish the war by a peace agreement. Separate signing of the truces by representatives of the Grand Duchy of Lithuania can be explained by the difficult situation of the state in the war: lack of money, military defeats, general fatigue. Such actions of the Duchy caused a negative reaction of the monarch and the nobility of the Kingdom of Poland. They argued that such actions are contrary to the Union of Lublin in 1569. These contradictions showed that the foreign policy of the Duchy was guided by the actual situation, but not imperatives of the Union.

Key words: The Polish-Lithuanian Commonwealth, the Grand Duchy of Lithuania, the Kingdom of Poland, Sweden, gentry, war.

Уводзіны. Вайна 1625–1629 гг. паміж Швецыяй і Рэччу Паспалітай з'явілася працягам канфлікту, які разгарнуўся паміж імі ў пачатку XVII ст. У другім дзесяцігоддзі XVII ст. у барацьбе са Швецыяй Рэч Паспалітая выглядала знясіленай, што было абумоўлена дэфіцытам дзяржаўнага скарбу, ваеннымі і дыпламатычнымі паражэннямі (асабліва моцна пазіцыі дзяржавы падарваў захоп шведамі Рыгі ў 1621 г.). Тым не менш Жыгімонт III Ваза не збіраўся адмаўляцца ад змагання, ігнаруючы пры гэтым настрой шляхты ВКЛ, якое па вядомых прычынах не магло не быць заангажаваным у канфлікт, які на той момант ужо выйшаў за рамкі ўласна дынастычнай барацьбы. Больш таго, менавіта ў гэты перыяд надзвычай праявілася палітычная актыўнасць Княства, якая выразілася ў спецыфічнай, адметнай пазіцыі (у параўнанні з пазіцыяй Каралеўства Польскага і манарха) ад-

носна вайны са Швецыяй. Мэта артыкула – ахарактарызаваць палітычную актыўнасць ВКЛ у кантэксце вайны Швецыі з Рэччу Паспалітай 1625–1629 гг.

Асноўная частка. У чэрвені 1625 г. выходзіў тэрмін папярэдняга перамер'я паміж Рэччу Паспалітай і Шведскім Каралеўствам. Усведамляючы мажлівы працяг канфлікту, дзяржавы-суперніцы рыхтаваліся да яго. Праўда, вынік падрыхтоўкі быў розны: Швецыя здолела сабраць грошы і рэсурсы, правесці рэарганізацыю арміі і флота, удасканаліць зброю і ваеннае майстэрства. У Рэчы Паспалітай падрыхтоўка да вайны можна ахарактарызаваць хутчэй як «тэарэтычную»: пытанне абмяркоўвалася на шляхецкіх форумах, шмат намаганняў ішло на тое, каб выпрацаваць адзінае бачанне знешнепалітычнага курсу паміж цэнтральнай уладай і Каралеўствам Польскім з аднаго боку і ВКЛ з другога.

Летам 1625 г. пачынаецца адкрытая фаза чарговага супрацьстаяння паміж дзяржавамі, на чале якіх стаялі прадстаўнікі розных галін дынастыі Вазаў – Жыгімонт III і Густаў II Адольф.

Поспехі Швецыі (былі захоплены Біржы, Баўска, Мітава на працягу верасня – кастрычніка 1625 г.) заклапоцілі Рэч Паспалітую і асабліва ВКЛ. Соймікі ВКЛ, якія сабраліся перад соймам 1626 г., актыўна абмяркоўвалі дадзеную праблему. Вядома шэраг інструкцый гэтай перадсоймавай кампаніі. У якасці прыкладаў, па якіх можна меркаваць аб пазіцыі ВКЛ, прывядзем наступныя. Ашмянская шляхта адразу ж звярнула ўвагу на тую шкоду, якую прынесла ВКЛ парушэнне перамір'я [1, арк. 1]. Было заўважана, што прадстаўнікоў Каралеўства Польскага гэта таксама павінна хваляваць, так як яны трымаюць альтэрнату, а значыць павінны дапамагчы грашовымі сродкамі. У цэлым інструкцыя прадпісвала раіцца аб абароне і вяртанні Інфлянтаў са станамі кароннымі [1, арк. 1, 3]. Шляхта Упіцкага павета адносна вайны, узноўленай па віне Швецыі, выказалася ў дастаткова рэзкім тоне. Так, павятовая шляхта выступіла з жаданнем не толькі выцесніць непрыяцеля з Інфлянтаў і Курляндый, але таксама перанесці наступальныя дзеянні на тэрыторыю Швецыі. Апошняе, верагодна, было абумоўлена тым, што Упіцкі павет непасрэдна межаваў з Інфлянтамі. У інструкцыі зафіксаваны скаргі на тое, што пра вераломны ўчынак шведаў (аднаўленне ваенных дзеянняў – А. Д.) мясцовыя жыхары даведзілі не толькі праз каралеўскага пасла, але і са свайго ўласнага досведу, бо спазналі спусташэнні і разбурэнні [2, арк. 2].

Больш памярковым, і можна сказаць, нават пасіўным настроем прасякнута віленская інструкцыя [3, арк. 2]. Яна наказвала абмеркаваць меры супраць непрыяцеля з іншымі пасламі з ВКЛ і Каралеўства Польскага. Дазваляла сваім паслам ухваліць на абарону некалькі пабораў. Гэтая інструкцыя зафіксавала рэдкі выпадак у дадзенай перадсоймавай кампаніі (акрамя яшчэ інструкцыі Аршанскага павета), калі выказвалася надзея на заключэнне міру з непрыяцелем [3, арк. 1; 4, s. 30]. Аршанскі павет загадаў сваім паслам у першую чаргу дамаўляцца аб дапамозе з кароннымі пасламі, маючы на ўвазе небяспеку, якая пагражае ВКЛ ад Густава II Адольфа: «Каб нам у гэтым выпадку, паколькі да зямлі Інфлянцкай аднолькавыя маем інтарэсы, таварышылі і аднолькава з намі цяжары неслі, не менш» [5, арк. 1]. Інструкцыя вылучаецца пацыфісцкім характарам: у ёй не толькі адсутнічаюць агрэсіўныя намеры і ідэі, але і выказваецца гарачае жаданне, каб нават гэтая абарончая вайна найхутчэй была закончана мірам.

Своеасаблівым папрокам цэнтральнай уладзе з'явілася інструкцыя Мінскага ваяводства. Шляхта выказвала незадавальненне тым, што дзеля абмеркавання пытання аб падатках штогод збіраюцца соймы. Узгадала таксама, што неаднаразова прасіла аб захаванні міру са Швецыяй, аднак супрацьстаянне з ёю працягвалася. Падкрэслівалася, што дакладна вядома, што гэта вайна «магла бы быць на некалькі гадоў перамір'ем спынена. Але асабліва шкада, што па прычыне затрымання ратунку, непрыяцель вялікую шкоду ВКЛ і ў Курляндый здзейсніў» [6, арк. 1]. Шляхта наказвала сваім паслам прасіць караля, каб той спыніў на час гэту вайну і падумаў аб мірных перамовах [6, арк. 1–2].

Троцкае ваяводства даручала паслам дамаўляцца па надзённых праблемах з усімі станамі Рэчы Паспалітай, падкрэсліваючы пры гэтым, што неабходна разглядаць справы так, каб «непрыяцелю не толькі адпор даць, але каб захопленыя замкі вернуты быць маглі» [7, арк. 2]. Зноў жа было ўзгадана, што палякі адпаведна ўніі і «Канстытуцыі аб зямлі Інфлянцкай» павінны дапамагчы грашыма ў абароне гэтай тэрыторыі [7, арк. 2].

У хуткім часе ваенныя дзеянні Густава Адольфа былі распаўсюджаны на тэрыторыю Прусіі. У такіх умовах Жыгімонт III накіроўвае гетману Льву Сапегу ў ліпені 1626 г. загад аб тым, каб падпарадкавання яму войска ВКЛ былі накіраваны да Прусіі. У выніку ў Інфлянтах заставалася 4 тысячы войска, а астатняе павінна было рушыць да Торуня [8, s. 14]. Поспехі шведаў у Прусіі прымусілі вялікага гетмана ВКЛ Льва Сапегу накіраваць ліст, датаваны 20 ліпеня 1626 г., да абывацеляў Жамойцкага Княства, у якім ён паведамляў, што «такое блізкае суседства» ўяўляе значную пагрозу, і папярэджаў аб неабходнасці быць падрыхтаванымі на выпадак раптоўнага нападу ворага і спадзявацца ў гэтым пакуль што толькі на саміх сябе [9, nr 47, s. 195–196].

Рэч Паспалітая ў цэлым, і ВКЛ у прыватнасці, на той момант знаходзіліся ў цяжкім становішчы, абумоўленым шэрагам прычын: недахопам грашовых сродкаў; непаразуменнем паміж вялікім гетманам і гетманам польным ВКЛ – Сапегам і Радзівілам адпаведна, што прывяло да паражэння пад Вальгафам у студзені 1626 г.

Крытычнае становішча ВКЛ падчас доўга-тэрміновага канфлікту са Швецыяй прывяло да таго, што па ўласнай ініцыятыве прадстаўнікі Княства заключалі са шведскім бокам пагадненні (жнівень 1622 г.; сакавік 1626 г.; студзень 1627 г.). Усім гэтым пагадненням была ўласціва наступная рыса: заключаліся яны без узгаднення манарха, што выклікала адпаведную рэакцыю ў Жыгімонта III Вазы, з якім салідарызавалася вышэйшае саслоўе Каралеўства Польскага.

Асабліва характэрным у гэтым плане з'яўляецца студзеньскае перамір'е 1627 г. у Балдэнмойжа, заключанае прадстаўнікамі ВКЛ і Швецыі. 19 студзеня 1627 г. на Інфлянцкім памежжы ў Балдэнмойжа дэлегаты, прызначаныя Львом Сапегай, заключылі дамову ад імя вялікага гетмана ВКЛ са шведскім бокам, прадстаўленым Якубам Дэлагардзі і Густавам Горнам. Сярод умоў было – зразумела, часовае спыненне ваенных дзеянняў, абмен палоннымі, свабодны гандаль. Рашэнне аб заключэнні гэтага перамір'я прымала вузкае кола магнатаў ВКЛ. Вядома, што ў абмеркаванні прынялі ўдзел гетман ВКЛ Леў Сапега, віленскі біскуп Астафій Валовіч, мсціслаўскі ваявода Мікалай Кішка, троцкі ваявода Ян Скумін Тышкевіч, падскарбі ВКЛ Крыштоф Нарушэвіч [10, s. 29; 11, s. 271]. З улікам складаных абставін вайны са Швецыяй і сфарміравалася ідэя заключэння вышэйзгаданага перамір'я. Сярод цяжкасцей, якія ўскладняюць яе правядзенне, прадстаўнікі ВКЛ узгадвалі і фінансавыя: патрэба ў сродках, што вылівалася ў невыносны цяжар падаткаў.

Перамір'е 1627 г. (павінна было дзейнічаць да 11 чэрвеня 1627 г.) выклікала хвалю абурэння і гневу манарха і шляхты кароннай, якія ўгледзелі ў гэтым падрыў аўтарытэта каралеўскай улады і дэзінтэграцыйныя тэндэнцыі, якія пагражалі будучыні Рэчы Паспалітай.

Вядомы ліст кракаўскага біскупа Марціна Шышкоўскага ад 24 лютага 1627 г., у якім ён выказаўся наконт гэтага перамір'я, прычым зрабіў гэта ў дастаткова дэталёвай форме. Паказваючы разуменне цяжкай сітуацыі, якая прымусіла заключыць дагавор, біскуп, аднак, выказаў меркаванне, што ВКЛ не варта было спадзявацца і разлічваць на дапамогу ўсёй Рэчы Паспалітай, а клапаціцца аб сваёй бяспецы самому, як гэта робіць Каралеўства Польскае. Да таго ж, выказвалася асцярога, што гэты ўчынак можа паслужыць дрэнным прыкладам [12, арк. 1].

Шляхта ВКЛ вымушана была тлумачыць матывы сваіх дзеянняў. Шэраг уплывовых асоб Каралеўства Польскага атрымалі лісты, у якіх апавядалася аб прычынах заключэння перамір'я са шведамі. Безумоўна, гэта былі ваенныя поспехі непрыяцеля і няздольнасць аказаць яму належнае супраціўленне, крытычны стан войска Рэчы Паспалітай, а таксама чуткі, што шведы плануюць працягнуць наступленне ўглыб тэрыторыі ВКЛ. Таксама гаворка ішла пра недахоп сродкаў на вайну, асабліва пра цяжкі матэрыяльны стан ВКЛ, пры гэтым падкрэслівалася, што Княства не мае дапамогі на працягу немалого часу з Кароны. Утрымлівалася просьба і аб тым, каб магнаты Каралеўства Польскага дапамаглі ім паўплываць на Жыгімонта III, каб ён не абражаўся «гэтым заключэннем тако-

га патрэбнага і карыснага перамір'я», бо ўчынак гэты здзейснены «з дабром і выгадай» для Рэчы Паспалітай [13, к. 203].

Нягледзячы на спецыфічную палеміку, якую выклікала такая дыпламатычная акцыя ВКЛ, Княства і далей працягвала здзяйсняць падобныя крокі. Сведчаннем гэтага з'явілася спатканне ўпаўнаважаных пад Баўскай, дзе 28 мая 1628 г. абмяркоўвалася пытанне абмену палоннымі, а таксама новае перамір'е тэрмінам ад 3 красавіка да 15 чэрвеня (потым працягнутае да 1 верасня) 1629 г. [14, s. 50–51].

Падзеі, звязаныя з вайной са Швецыяй, апынуліся ў цэнтры ўвагі перадсоймавых соймаў 1627 г. Шляхта ВКЛ узяла для абмеркавання наступныя пытанні: мажлівасць заканчэння вайны мірным шляхам [15, s. 29] і апраўданне «аўтараў» перамір'я 1627 г. [16, арк. 1].

На 9 студзеня 1629 г. быў скліканы ў Варшаве сойм, каб абмеркаваць, у тым ліку, і працяг вайны. Вядомыя пасьольскія інструкцыі з соймаў ВКЛ (наваградскага, ашмянскага, упіцкага) зноў закраналі праблемы, звязаныя з канфліктамі Рэчы Паспалітай са Швецыяй. Папершае, відавочны непакой адносна закрыцця партоў, якое пацягнула за сабою матэрыяльныя страты, як вынік – гучаў наказ паслам дамагацца іх адкрыцця і аднаўлення гандлю праз Нёман і Вілію. Па-другое, шляхта ВКЛ дамагалася перадачы ў скарб Княства сумы ў 100 тысяч злотых, выдаткаваных Каралеўствам Польскім у якасці кампенсацыі за закрыццё партоў. Патрэбнае, выказвалася незадаволенасць, што жаўнеры ў Інфлянтах не атрымалі належнай зарплаты за службу, у сувязі з чым ВКЛ выказала жаданне мець кантроль над грашовымі сродкамі, прызначанымі на гэтыя мэты [17, s. 29].

У 1628–1629 гг. становішча ВКЛ было цяжкім. Выразна ахарактарызавалі стан спраў лісты сенатараў ВКЛ да манарха і каронных сенатараў. У лісце-звароце да караля, датаваным 8 ліпеня 1629 г., уплывовыя асобы ВКЛ, сярод якіх былі Астафій Валовіч і Леў Сапега, апісалі тыя нязгоды, якія мусіла цягнуць ВКЛ. Першапачаткова гаворка ішла пра голад і неўраджаі, наступствам якіх былі альбо адыход людзей з межаў Княства ў пошуках сродкаў для існавання, альбо смерць. Далей закраналася тэма знешняй небяспекі. Адрасанты звярталі ўвагу на тое, што вораг не толькі сам ваюе з імі, але таксама іншых непрыяцеляў пабуджае на іх, і асабліва – «маскоўскага». Ужо ў гэты час адчуваўся подых Смаленскай вайны: лісты ўтрымлівалі інфармацыю, што Расія збірае войска, жадаючы распачаць вайну і вярнуць сабе Смаленск разам з іншымі тэрыторыямі. Была выказана боязь за лёс ВКЛ, бо, як паведамлялася, непрыяцель, ведаючы аб слабасці войска і беднасці скарбу Рэ-

чы Паспалітай, па-ранейшаму пагражае ВКЛ [18, арк. 1]. Прадстаўнікі ВКЛ данеслі да ведама манарха, што Княства не мае неабходных сродкаў для працягу вайны, што слабая надзея атрымаць іх і ад пабораў. З улікам усяго вышэйпералічанага, з мэтай прадухіліць «блізкі заняпад айчыны», шляхта ВКЛ у лісце да Жыгімонта III выказала распачную просьбу: знайсці сродак вырашыць гэтыя праблемы дзеля таго, каб ВКЛ засталася ў цэласнасці і не прыйшло да «шкоднай і ніколі неаплаканай згубы» [18, арк. 1]. Падобны зместам ліст быў напісаны крыху раней, 3 ліпеня 1629 г., да сенатараў Каралеўства Польскага [18, арк. 3–4].

Легітымным карэктаваннем аднаасобных знешнепалітычных дзеянняў ВКЛ, як часткі федэратыўнай дзяржавы, з’явілася заключэнне Альтмаркскага перамір’я ў верасні 1629 г. паміж Рэччу Паспалітай і Швецыяй, якое тым не менш не паставіла канчатковую кропку ў складаных адносінах гэтых дзяржаў. Канфлікт меў працяг, і ў сярэдзіне XVII – пачатку XVIII ст. Шведскае Каралеўства з’яўлялася тым суб’ек-

там, які ўяўляў сабой не толькі знешнепалітычную небяспеку для Рэчы Паспалітай, але спрычыніўся і да ўнутранага разладу гэтай дзяржавы.

Заключэнне. Як бачна, падчас вайны 1625–1629 г. ВКЛ дэманструе актыўную палітычную пазіцыю. Па-першае, шляхта ВКЛ выкрышталізавала ўласнае бачанне канфлікту Рэчы Паспалітай са Швецыяй: жадала ўрэгуляваць яго шляхам міру; імкнулася прыцягнуць Каралеўства Польскае да належнага фінансавання вайны. Па-другое, палітычная эліта Княства неаднаразова заключала сепаратныя (без узгаднення з партнёрам па федэрацыі і цэнтральнай уладай) пагадненні з варагуючым бокам. Па-трэцяе, ВКЛ узяло і паставіла на павестку дня неабходнасць быць падрыхтаванымі да верагоднага ўзнаўлення вайны з боку Расіі. Некаторыя з вышэйадзначаных момантаў сведчылі пра тое, што сістэма функцыянавання Рэчы Паспалітай як адзінай дзяржавы прадэманстравала збой, чарговы (і не апошні) раз спатыкнуўшыся аб выклікі свайго часу.

Літаратура

1. AGAD. AR. II. nr 940.
2. AGAD. AR. II. nr 942.
3. AGAD. AR. II. nr 935.
4. Kwak J. Sejm warszawski 1626 r. Opole: Wyższa Szkoła Ped., 1985. 139 s.
5. AGAD. AR. II. nr 943.
6. AGAD. AR. II. nr 944.
7. AGAD. AR. II. nr 936.
8. Seredyka J. Sejm w Toruniu z 1626 roku. Wrocław: Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1970. 194 s.
9. Biblioteka Muzeum Narodowego im. Czartoryskich w Krakowie. Rkps. 118.
10. Wisner H. Spór o rozejm litewsko-szwedzki w Baldenmojzie z 1627 roku // Zapiski Hist. 2001. T. 66, z. 1. S. 23–36.
11. Wisner H. Rozejm w Baldenmojzie (1627) // Lietuva ir jos Kaimynai. Nuo normanų iki Napoleono: straipsniu rinkinys. Vilnius: Vilniaus univ., 2001. S. 266–277.
12. AGAD. AR. II. nr 975.
13. Biblioteka Jagiellońska w Krakowie. Rkps. 211.
14. Wisner H. Dyplomacja polska w latach 1572–1648 // Historia dyplomacji polskiej (połowa X–XX w): w 6 t. Warszawa: Państw. Wydaw. Nauk, 1982–1999. T. 2. S. 5–161.
15. Seredyka J. Sejm zawiedzionych nadziei. Opole: Wyższa Szkoła Ped. im. Powstanców śląskich w Opolu, 1981. 127 s.
16. AGAD. AR. II. nr 979.
17. Filipczak-Kocur A. Sejm zwyczajny z roku 1629. Warszawa; Wrocław: Państw. Wydaw. Nauk., 1979. 142 s.
18. AGAD. AR. II. nr 1023.

References

1. Central Archives of Historical Records in Warsaw. AR. II. No. 940.
2. Central Archives of Historical Records in Warsaw. AR. II. No. 942.
3. Central Archives of Historical Records in Warsaw. AR. II. No. 935.
4. Kwak J. Sejm warszawski 1626 r. [Warsaw Sejm 1626]. Opole, Wyższa Szkoła Ped. Publ., 1985. 139 p.
5. Central Archives of Historical Records in Warsaw. AR. II. No. 943.
6. Central Archives of Historical Records in Warsaw. AR. II. No. 944.
7. Central Archives of Historical Records in Warsaw. AR. II. No. 936.

8. Seredyka J. Sejm w Toruniu z 1626 roku [Sejm in Torun in 1626]. Wrocław, Zakł. Nar. im. Ossolińskich Publ., 1970. 194 p.
9. The Library of the National Museum in Krakow. Manuscript 118.
10. Wisner H. Spór o rozejm litewsko-szwedzki w Baldenmojzie z 1627 roku. *Zapiski Hist* [Historical Records], 2001, vol. 66, z. 1, pp. 23–36.
11. Wisner H. Rozejm w Baldenmojzie (1627). *Lietuva ir jos Kaimynai. Nuo normanu iki Napoleono: straipsniu rinkinys* [Lithuania and its neighbors. From Norman to Napoleon: a collection of articles], Vilnius, Vilniaus univ., 2001, pp. 266–277.
12. Central Archives of Historical Records in Warsaw. AR. II. No. 975.
13. Jagiellonian Library in Krakow. Manuscript 211.
14. Wisner H. Dyplomacja polska w latach 1572–1648. *Historia dyplomacji polskiej (polowa X–XX w.)* [History of Polish diplomacy (half of the 10th – 20th centuries)], vol. 2. Warsaw, Państw. Wydaw. Nauk. Publ., 1982–1999, pp. 5–161.
15. Seredyka J. Sejm zawiedzionych nadziei [Sejm of the disappointed hopes]. Opole, Wyższa Szkoła Ped. im. Powstanców śląskich w Opolu Publ., 1981. 127 p.
16. Central Archives of Historical Records in Warsaw. AR. II. No. 979.
17. Filipczak-Kocur A. Sejm zwyczajny z roku 1629 [Ordinary sejm 1629]. Warsaw; Wrocław, Państw. Wydaw. Nauk. Publ., 1979. 142 p.
18. Central Archives of Historical Records in Warsaw. AR. II. No. 1023.

Інфармацыя пра аўтара

Дзямідовіч Алена Васільеўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта, Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт (220030, г. Мінск, вул. Чырвонаармейская, 6, Рэспубліка Беларусь). E-mail: Helen1062@tut.by

Information about the author

Dzemidovich Alena Vasil'yevna – PhD (History), Assistant Professor, the Department of Belarus History of the Ancient Time and the Middle Ages. Belarusian State University (6, Krasnoarmeyskaya str., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Helen1062@tut.by

Пасмыніў 17.02.2017

УДК 930(=161.3)(470.6)

О. В. Матвеев

Кубанский государственный университет

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ БЕЛОРУСОВ
К ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ И ПРИРОДНОЙ СРЕДЕ
(НА ПРИМЕРЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ)**

В статье на основе опубликованных и архивных документов, фольклорных текстов рассматриваются вопросы адаптации белорусов к этносоциальной и природной среде в условиях военно-административного освоения Российской империей Кавказа. Автор приходит к выводу, что служение интересам многонациональной империи ставило солдат и офицеров белорусского происхождения в положение связующего звена между Россией и родиной, а адаптация в местном этнокультурном пространстве вводила в среду особой общности «кавказцев». При этом восприятие друг друга двух восточнославянских народов обнаруживает не непроходимые барьеры, а стыковые зоны непростого, но благотворного общения, которое создавало условия для компромиссного существования в рамках единого государства.

Ключевые слова: адаптация, этнокультурное пространство, Кавказская война, национальная идентичность, субкультурная характеристика.

O. V. Matveev

Kuban State University

**SOME ASPECTS OF ADAPTATION BELARUSIANS
TO ETHNO-SOCIAL AND NATURAL ENVIRONMENT
(FOR EXAMPLE OF THE CAUCASIAN WAR)**

On the basis of published and archival documents, folklore texts considered Belarusians issues of adaptation to the ethno-social and natural environment in terms of military and administrative development of the Caucasus by the Russian Empire. The author comes to the conclusion that serving the interests of the multinational empire the soldiers and officers of Belarusian origin to position a bridge between Russia and the homeland, and the adaptation to local ethnocultural space introduced on Wednesday a special community of “Caucasians”. This perception of each other two eastern Slavic peoples finds no impassable barriers, and abutting a difficult area, but beneficial dialogue, which created the conditions for the existence of a compromise within the framework of a single state.

Key words: adaptation, ethno-cultural space, the Caucasian war, national identity, subcultural characteristics.

Введение. В современных интерпретациях русско-белорусских отношений в XIX в. концепция исторически сложившегося единого этнокультурного пространства восточнославянских народов нередко подвергается нападкам. Так, польский исследователь Р. Радзик считает, что «белорусский православный крестьянин, даже перенимая русский язык, не осознавал себя русским. Частично это вытекало из отождествления русских с государственной властью, прежде всего с армией» [1, с. 46]. При этом упускается из виду, что белорусы служили в Императорской армии, отстаивали и защищали единое Отечество. Если бы все они, возвращаясь домой, приобретали статус «москалей» (в белорусско-русском словаре И. И. Носовича 1870 г. одно из значений слова «москаль» – русский солдат [2]), «чужаков», растерявших «национальное самосознание», то от белорусского народа скоро ничего бы не осталось. В данной работе предпринята попытка характе-

ристики самоощущения белорусов в контексте их вовлеченности в Кавказскую войну.

Основная часть. В литературе можно встретить мнение о том, что белорусы попали в Отдельный Кавказский корпус за участие в польском восстании 1830 г. Однако официальные данные говорят о том, что подавляющее число солдат из Виленской, Ковенской, Могилевской, Минской и других белорусских губерний были призваны в качестве рекрутов. Из сохранившейся в бумагах А. М. Дондукова-Корсакова ведомости явствует, что в 1835–1846 гг. в Отдельный Кавказский корпус было призвано 14 430 выходцев из западных губерний. Число же участников восстания 1831 г., прибывших в Отдельный Кавказский корпус, по подсчетам польского историка В. Цабана, составило всего 1865 человек. Нехитрый подсчет показывает, что призванные на действительную службу в обычном порядке из польских, украинских и белорусских губерний почти в восемь раз

превышали число участников вооруженных выступлений против царской власти.

Попадали белорусы и в ряды кавказского казачества, которое находилось на переднем крае противостояния с горцами. Активное участие в заселении Кавказской линии приняли белорусские поветы Черниговской губернии. К сожалению, в уже значительной историографии, посвященной переселенцам из малороссийских губерний на Северный Кавказ в первой половине XIX в., этот интересный вопрос специально не рассматривался [3, 4, 5, 6, 7 и др.]. Между тем, еще подполковник Генерального штаба М. Домонтович, составивший в 1865 г. статистико-этнографическое описание Черниговской губернии, отмечал, что в Мглинском, Суражском, Новозыбковском, Стародубском и отчасти Городнянском уездах этой губернии был представлен «чистый тип белоруса в полной силе» [8, с. 533]. «В Малороссии, – констатировал тот же автор, – жители задесенской части Черниговской губернии известны под общим названием «литвинов». Этим именем малороссыяне зовут вообще всех белорусов, полагая отличительными их чертами: в говоре – дзеканье, а в одежде – белый цвет и лапти. Признаки эти имеют и черниговские литвины, отличаюсь ими от коренных малороссыян» [8, с. 532]. Поэтому определенная часть «черниговских литвин» оседала и в казачьих станицах Старой и Новой линий [9, с. 276–277; 10, с. 13, 22, 76, 104].

Офицерский состав Кавказского Линейного казачьего войска также нередко пополнялся в первой половине XIX в. представителями белорусской шляхты [11, л. 6 об.; 12, л. 675; 13, л. 195 об.; 14, л. 112 об.]. Их «белорусскую» идентичность выявить достаточно сложно, поскольку дворянство западных российских губерний в этот период оставалось во многом ориентированным на польскую культуру и католицизм [15, с. 105]. Однако это не мешало им быть храбрыми казачьими офицерами и незаурядными администраторами, гармонично включавшимися в формируемое местное этнокультурное пространство [16, л. 12]. Так, уроженцем Гродненской губернии был знаменитый атаман Кавказского Линейного казачьего войска Феликс Антонович Круковский, ставший героем многочисленных песен и преданий кубанских и терских казаков. Войцех Фомич Побоевский из дворян Минской губернии стал начальником Воздвиженской станицы [13, л. 169 об.]. В 1860 г. начальником ст. Михайловской был хорунжий Иосиф Игнатьевич Садлуцкий из дворян Могилевской губернии Мстиславского уезда [17, л. 347 об.].

Большинство офицеров и солдат белорусского происхождения, служивших в Дагестане,

Чечне, в укреплениях Черноморской береговой линии, добросовестно выполняли свой воинский долг. Документы фонда дают немало свидетельств о боевой доблести белорусов в боях с горцами. Так, Иван Матвеевич Банковский являлся кавалером орденов Св. Георгия 4-й степени, Св. Анны 3-й степени, имел серебряную медаль за турецкую кампанию. Он происходил «из вольноопределяющихся Ковенской губернии города Шевич». В службу вступил в 1820 г., с переводом в марте 1841 г. в Черноморский Линейный 4-й батальон его служебная карьера пошла по нарастающей: 15 июня 1842 г. пожалован «за отличие по службе капитаном», 16 июля 1846 г. «за отличие по службе майором», 23 декабря 1846 г. «за примерный подвиг противу горцев подполковником». И. М. Банковский находился «в 1845 году июля 30 числа при отражении горцев, сделавших сильное нападение на форт Головинский; в 1846 году ноября 28 при штурме форта Головинского скопищем горцев в 6000 человек в мужественной обороне гарнизона того форта в 500 человек при совершенном поражении неприятеля, отступившего с значительной потерей и за оказанное в этом деле мужество пожалован орденом Св. Георгия 4-й степени и полугодовым денежным жалованием» [18, л. 2].

Подпоручик Александр Викентьевич Галисевич (из дворян Гродненской губернии) в 1845 г. участвовал «в перестрелках с горцами, 23 января напавших на команду, высланную из форта Навагинского для рубки дров, 3 апреля с пикетами и командою, высланной для работ на огородах, 21 декабря при отражении горцев, напавших на команду, высланную для рубки дров. За отличие, оказанное в этих перестрелках, Всемилостивейше награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» [19, л. 126].

Комендант крепости Новороссийск Марк Константинович Ясинский (из дворян Могилевской губернии) за отличие по службе в 1832 г. был пожалован чином подполковника, а 16 ноября 1839 г. произведен «за отличие в делах против горцев в полковники».

В боях и походах Кавказской армии белорусы хорошо вписывались в местные условия, становились обладателями общенациональной идентичности. О стрелке 1-й роты 19-го стрелкового батальона Алексееве дореволюционный военный историк С. С. Эсадзе писал: «Он был родом белорус, солдат бедный; закалившись в своих родных лесах, Алексеев одарен был железным здоровьем и во время действий батальона в лесах он чувствовал себя как у себя дома: при наступлении всегда был впереди, при отступлении

всегда из последних показывалась его сухая фигура и улыбающееся лицо. Его примерная служба всем в батальоне была известна, и вот когда прислали командиру один Георгиевский крест, то командир наградил им Алексеева» [20, с. 91]. В процитированном тексте примечательны два обстоятельства. Во-первых, отмечена способность солдат из западных лесных губерний адаптироваться к кавказской природно-географической среде. Кубанский этнолог М. В. Семенцов справедливо отмечает, что адаптация к внешней среде, основанная на традиционном природопользовании, способствует формированию нового этнокультурного пространства [21, с. 73]. Во-вторых, мы видим, что белорус Алексей полностью усвоил систему ценностей и своеобразный кодекс Георгиевских кавалеров Российской Императорской армии, и, несмотря на бедное происхождение, обладал высоким чувством собственного достоинства. С. С. Эсадзе сообщает, что рота очень была недовольна награждением Алексева и встретила нового кавалера недружелюбно. Дело в том, что по обычаям кавказских войск раздачу крестов поручали самой роте. При этом обычно «выбор падал на отличившегося солдата из старослужащих, которые обязаны были после оказанной им чести устроить роте магарыч – угостить водкой». Сводивший концы с концами Алексей не мог позволить себе организовать такую пирушку. Однако вскоре он сумел доказать, что товарищи к нему несправедливы. При штурме устроенного горцами завала он бросился один против трех горцев, одного застрелил, другого заколол, а третьего обратил в бегство. «Когда Алексева спросили, – отмечает историк, – почему он не пользовался оружием с убитых им горцев, он ответил: «Ваше дело рвать, а мне стыдно – я кавалер». После этого геройского подвига Алексей пользовался общим уважением батальона» [20, с. 92].

В выстраивании белорусской традиционной культурой образа русского в XIX в. исследователи Ю. Борисенок и В. Лобач акцентируют внимание на представлениях о «москале» как одном из наиболее опасных чужаков [1, с. 49]. Однако фольклорная картина мира далеко не всегда совпадает с реальной. В белорусских сказках характеристика «москаля» относится не к этническому образу, а к субкультурной характеристике этого персонажа – к его солдатству. Поэтому правы исследователи, утверждающие, что сказочный «москаль» мог быть и белорусом, и украинцем, а связь с Москвой означает принадлежность к российской армии [22, с. 207]. Москаль, благодаря своей мобильности и инициативности, в белорусских сказках выполняет во многом роль культурного героя, обучает му-

жика практическим и полезным навыкам. Неходим Москаль мужику и в плане самопознания [22, с. 213]. Белорусский сказочный Москаль не только не инородец, но и не иноверец.

Характерно, что в белорусских рекрутских песнях народ с уважением относится к Царю – общенациональному символу народов России в то время. В тексте, записанном в деревне Дровошев Германишской волости Вилейского уезда Виленской губернии, солдаты откровенно говорят о своих нуждах Белому Царю: «*Вот, як беленьки цвяточак, едзець Белы Руски Царь, / Наш бацюшка Гасударь, / Здравствуй, здравствуй вам рабята, здравствуй дети мае...*». В песне пинчуков, зафиксированной Д. Г. Булгаковским, говорится: «*Из-за саду, из-за зеленого / Выкатилось сонце, то наш батюшка, / То наш білы царь, / За собою веде силушку / Нэ большую, нэ малую*» [23, с. 135]. В западнорусском фольклоре, отмечал Е. Ф. Карский, «белый царь», «белый Русский царь», «биларускай царь» (в смысле белый – светлый, ясный, свободный) занимает особое место: «*Биларускай царь всім царям ацец, / Іон дзяржыць веру хрысціянскую, / Хрысціянскую, багамольную, / Калі будзе время апаследня / – Вси царі-каралі к яму прыклонюцца*». Рекрутская песня, записанная в XIX в. в деревне Мальцы Диснейского уезда Виленской губернии, практически идентична подобным же рекрутским текстам, зафиксированным в Орловской губернии: «*Дзетки маі все родныя, / Служыць маі усе верныя / Да і идзіце-ж вы да в чыстае поле / Да выломце-ж вы да на прутыку, / Да вазміцеся на жерабя – / Катораму выпадзіць у салдатышці. / Да і вытало самаму апаследняму*». Героическая военная история России нашла отражение в историческом фольклоре белорусов, в том числе в песнях о татарском и турецком полоне. Е. Ф. Карский выделяет в белорусских солдатских исторических песнях целый ряд сюжетов, характерных в целом для русского фольклора. Не раз фигурирует «грап Паскевич», который командовал русскими войсками на Кавказе. В одном из текстов, имеющем аналогии в русском солдатском фольклоре [24, с. 310–314], говорится: «*Ай, да князь Паскевич генерал / по ўсей варміі разьезжаў, / Его меч и булаў по ўсёй варміі блищаў*» [24, с. 385].

Мотивы дезертирства солдат и офицеров польского и белорусского происхождения нередко трактуются в литературе как желание бороться «за нашу и вашу свободу». Анализ архивных дел фонда Черноморской береговой линии показывает, что часто причиной ухода в горы было вовсе не стремление «поддерживать освободительную борьбу горских народов», а проступки по службе, халатность, недовольство

тяжелыми условиями. Так, в объяснении вышедшего из гор бывшего рядового Мартына Фёдоровича Лапицкого (из помещичьих крестьян Минской губернии Десенского уезда села Ковкова помещика Демета) причины побега нет и намёка на осознанное желание «борьбы с царизмом»: «По прибытии в укрепление Геленджик в 1840 году и по замещении в 3 роту в одном из означенных выше батальонов я месяца через два бежал в горы без всяких побудительных к тому со стороны начальства причин, по одной моей глупости». На вопрос о возможном участии в акциях против русских войск Лапицкий категорично ответил: «Проживая в горах, я никакого противозаконного поступка сам не сделал и ни с кем другим в том не участвовал» [25, л. 44 об.].

Царские власти не препятствовали разжалованному в рядовые сделать в войсках Отдельного Кавказского корпуса военную карьеру. Так, Андрей Иванович Красовский, «из дворян бывшей Белостокской области», «за укрывательство по разным местам и имение у себя непозволительных революционных сочинений» был отдан в солдаты в Отдельный Кавказский корпус» [18, л. 127 об.]. При штурме и обстреле горцами Навагинского укрепления Красовский 15 августа 1841 г. с несколькими солдатами сумел заклепать 3 орудия, спрятанные черкесами, за что был награжден знаком отличия военного ордена Св. Георгия 4-й степени. За мужество при защите форта Головинского Красовский получил звание унтер-офицера [18, л. 133]. В январе 1849 г. «за отличие против горцев» Красовский получил чин прапорщика.

Батальонный адъютант подпоручик Франц Павлович Вояковский, из дворян Гродненской губернии, римско-католического вероисповедания, 34 лет, учился в Виленской медико-хирургической академии. 8 февраля 1839 г. «признан виновным в соучастии в возмутительном обществе между студентами этой Академии и прочими лицами, назначен в военную службу и определен в Отдельный Кавказский

корпус» [18, л. 129 об.]. В 1842 г. «за отличие против горцев произведен в унтер-офицеры, в 1843 г. «за отличие по службе произведен в прапорщики», в этом же году «за отличие против горцев произведен в подпоручики», имел знак военного ордена Св. Георгия [26, л. 129 об.]. Впоследствии дослужился до чина генерал-майора. Провиантмейстер штаба начальника Черноморской береговой линии штабс-капитан Андрей Николаевич Горегляд (в 1849 г. исполнилось 52 года) происходил из дворян Минской губернии, римско-католического вероисповедания. По окончании уездного училища был определен на службу в канцелярию Подольского губернатора. В 1833 г. был «разжалован из коллежских регистраторов в рядовые без лишения дворянства впредь до отличной выслуги и определен в Отдельный Кавказский корпус по подозрению в списывании копий с секретных министерских бумаг о переселении шляхты на Кавказ, во время служения его в канцелярии Каменец-Подольского гражданского губернатора и переданных в сторонние руки» [27, л. 106 об.]. Воевал в Тенгинском пехотном полку, заслужил орден Св. Георгия, в 1841 г. «за отличие в делах против горцев произведен в офицеры» [27, л. 199 об.].

Заключение. Таким образом, участие белорусов в Кавказской войне было во многом связано с состоянием, которое часто называют «культурным билингвизмом». Служение интересам многонациональной империи ставило солдат и офицеров белорусского происхождения в положение связующего звена между Россией и родиной, а адаптация в местном этнокультурном пространстве вводила в среду особой общности «кавказцев». При этом восприятие друг друга двух восточнославянских народов обнаруживает не непреходимые барьеры, а стыковые зоны непростого, но благотворного общения, которое создавало условия для компромиссного существования в рамках единого государства.

Литература

1. Борисёнок Ю., Лобач В. Восточный сосед: образ русского в белорусской традиционной культуре // Родина. М., 2002. № 7. С. 143–146.
2. Насович І. І. Слоўнік беларускай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1983. 567 с.
3. Бентковский И. В. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области на 1881 год. Екатеринодар, 1881. С. 1–125.
4. Шкуро В. И. Второе пополнение Черноморского казачьего войска (1821–1825 гг.) // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002. С. 64–85.
5. Шкуро В. И. Первое пополнение Черноморского казачьего войска малороссийскими казаками (1808–1811 гг.) // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 2. Краснодар: Картика, 2007. С. 90–94.
6. Самовтор С. В. Переселенческий комитет Черноморского казачьего войска (1821–1826 гг.) // Козацька спадщина. Альманах Інституту суспільних досліджень. Випуск 4. Дніпропетровськ, 2008. С. 142–146.

7. Сазонова С. Е. Переселение украинского населения на земли Черноморского и Кавказского Линейного казачьих войск в 1848–1849 гг. // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 16. М.: Армавир, 2010. С. 154–159.

8. Домонтович М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Черниговская губерния. Составил Генерального штаба подполковник М. Домонтович. СПб., 1865. 670 с.

9. Колесников В. А. Былое Невинного мыса. К 185-летию переселения Хопёрского казачьего полка на Кубань и основания станицы Невинномысской. Ставрополь: ЮРКИТ, 2011. 676 с.

10. Колесников В. А. Станицы Ставрополя. Историко-статистический и топонимический справочник (последняя треть XVIII в. – 1917 г.). М.: Изд. Надыршин А. Г., 2012. 352 с.

11. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 2. Д. 173.

12. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 526.

13. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 173.

14. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 526.

15. Белорусы. М.: Наука, 1998. 503 с.

16. ГАКК Ф. 396. Оп. 2. Д. 180.

17. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 181.

18. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 950.

19. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 951.

20. Эсадзе С. С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и на Черноморском побережье. Составил начальник Военно-Исторического Отдела полковник Семён Эсадзе. Майкоп: Меоты, 1993. 120 с.

21. Семенцов М. В. Материалы к историческому природопользованию кубанских казаков (вторая половина XIX – начало XX в.) // Кубанский сборник. Т. III (24). Краснодар: Книга, 2008. С. 73–118.

22. Чернявская Ю. Белорусы: от «тутэйшых» к нации. Минск: ФУАинформ, 2010. 512 с.

23. Булгаковский Д. Г. Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверия и местный словарь. Собрал в Пинском уезде Минской губернии Д. Г. Булгаковский // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1890. Т. XIII. Вып. 3. 200 с.

24. Карский Е. Ф. Белорусы. В 3 т. Минск: БелЭн, 2007. Т. 3. Очерки словесности белорусского племени. 704 с.

25. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 859.

26. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 944.

27. ГАКК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 95.

References

1. Borisyonok Yu., Lobach V. Eastern neighbor: the image of Belarus in the Russian traditional culture. *Rodina* [Homeland], 2002, no. 7, pp. 143–146 (In Russian).

2. Nasovich I. I. *Slounik belaruskay movy* [Belarusian vocabulary]. Minsk, Science and Technology Publ., 1983. 567 p.

3. Bentkovskiy I. V. Check Black Sea coast from 1792 to 1825. *Pamyatnaya knizhka Kubanskoj oblasti na 1881 god* [The memorial book of the Kuban region in 1881]. Ekaterinodar, 1881. P. 1–125.

4. Shkuro V. I. The second replenishment of the Black Sea Cossack Army (1821–1825). *Osvoenie Kubani kazachestvom: voprosy istorii i kul'tury* [Development of Kuban Cossacks: questions of history and culture]. Krasnodar, 2002. P. 64–85.

5. Shkuro V. I. The first replenishment of the Black Sea Cossack Little Russian Cossacks (1808–1811). *Kuban' – Ukraina: voprosy istoriko-kul'turnogo vzaimodeystviya* [Kuban-Ukraine: issues of historical and cultural interaction. Vol. 2]. Krasnodar, Kartika, 2007. P. 90–94.

6. Samovtsov S. V. Resettlement Committee of the Black Sea Cossack Army (1821–1826). *Kozatska spadschyna. Almanac Institutu suspilnih doslidzhen. Vip. 4*. Dnipropetrovsk, 2008. P. 142–146.

7. Sazonova S. Ye. Relocation of the Ukrainian population to the lands of the Black Sea and the Caucasus Line Cossack troops in 1848–1849. *Voprosy yuzhnorossiyskoj istorii* [Questions of South Russian history. Vol. 16]. Moscow, Armavir, 2010. P. 154–159.

8. Domontovich M. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami general'nogo shtaba. Chernigovskaya guberniya. Sostavil General'nogo shtaba podpolkovnik M. Domontovich* [Materials for Geography and Statistics Russia collected by officers of the General Staff. Chernigov province. Of the General Staff, Lt. Col. M. Domontovich]. St. Petersburg, 1865. 670 p.

9. Kolesnikov V. A. *Byloe Nevinnogo mysy. K 85-letiyu pereseleniya Khoperskogo kazach'yego polka na kuban' i Kumu i osnovaniya stanitsy Nevinnomysskoy* [Past Cape innocent. By the 185 th anniversary of resettlement Hoperskogo Cossack regiment of the Kuban and the Kuma and the grounds of the village Nevinnomysskaya]. Stavropol', YURKIT Publ., 2011. 676 p.

10. Kolesnikov V. A. *Stanitsy Stavropol'ya. Istoriko-statisticheskiy i toponimicheskiy spravochnik (poslednyaya tret' XVIII v. – 1917 g.)* [Villages of Stavropol. Historical and statistical and toponymic reference (the last third of the XVIII century – 1917)]. Moscow, Nadyrshin A. G. Publ., 2012. 352 p.

11. State Archives of the Krasnodar Territory (SAKT). Fund 396. I. 2. F. 173.

12. SAKT. Fund 318. I. 1. F. 526.

13. SAKT. Fund 396. I. 2. F. 173.

14. SAKT. Fund 318. I. 1. F. 526.

15. Belarusians. Moscow, Nauka Publ., 1998. 503 p.

16. SAKT. Fund 396. I. 2. F. 180.

17. SAKT. Fund 396. I. 2. F. 181.

18. SAKT. Fund 260. I. 1. F. 950.

19. SAKT. Fund 260. I. 1. F. 951.

20. Esadze S. S. *Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoy voyny. Istoricheskiy ocherk Kavkazsko-gorskoy voyny v Zakubanskom krae i na Chernomorskom Poberezh'ye. Sostavil polkovnik Semyon Esadze* [Conquest of Western Caucasus and the end of the Caucasian War. Historical Sketch of the Caucasian highlanders, the war in Trans-Kuban region and the Black Sea coast. Compiled by the Division of Military History Colonel Simon Esadze]. Maikop, Meotians Publ., 1993. 120 p.

21. Sementsov M. V. Materials for the historical Environment Kuban Cossacks (second half of XIX – early XX century). *Kubanskiy sbornik* [Kuban collection]. Vol. III (24). Krasnodar, Kniga Publ., 2008. P. 73–118.

22. Chernyavskaya Yu. *Belorusy: ot «tuteyshikh» k natsii* [Belarusians from “tuteyshyh” to the nation]. Minsk, Ainform Publ., 2010. 512 p.

23. Bulgakovskiy D. G. Pinchuk. Ethnographic collection. Songs, riddles, proverbs, rituals, omens, superstitions, beliefs, superstitions and the local dictionary. Gathered in Pinsk district of Minsk province D. G. Bulgakovskiy. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society in the department of ethnography]. St. Petersburg, Vladimir Bezobrazov Printing and Comp, 1890. Vol. XIII. Issue 3. 200 p.

24. Karskiy Ye. F. *Belorusy* [Belarusians]. In 3 vol. Minsk, BelEn Publ. 2007. Vol. 3. Essays tribe Belarussian literature. 704 p.

25. SAKT. Fund 260. I. 1. F. 859.

26. SAKT. Fund 260. I. 1. F. 944.

27. SAKT. Fund 260. I. 2. F. 95.

Информация об авторе

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России. Кубанский государственный университет (350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, Российская Федерация). E-mail: vim12@rambler.ru

Information about the author

Matveev Oleg Vladimirovich – DSc (History), Professor, Professor, the Department of Russian History. Kuban State University (149, Stavropolskaya str., 350040, Krasnodar, Russian Federation). E-mail: vim12@rambler.ru

Поступила 30.03.2017

УДК 94(476) «1906/...»:325

П. С. Крючек

Белорусский государственный технологический университет

**КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ИЗ БЕЛАРУСИ
В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ**

Белорусская история XIX – начала XX в. насыщена важнейшими для развития общества событиями. Важную роль в его эволюции играло переселенческое движение выходцев с белорусских земель в различные области Российской империи. Наибольших размахов переселение достигло в годы столыпинской реформы, когда оно стало приоритетом государственной политики, имея одновременно аграрное и геополитическое значение.

В статье анализируются масштабы крестьянских переселений из Беларуси в начале XX в., характеризуется правовая база, регламентирующая эти процессы, а также рассматриваются причины массового возвращения крестьян на родные земли.

Ключевые слова: переселение, этнос, Беларусь, реформа, миграция.

P. S. Kruchek

Belarusian State Technological University

**PEASANT RESETTLEMENT OF BELARUS IN THE YEARS
OF THE STOLYPIN AGRICULTURAL REFORMS**

Belarusian history of 19th – early 20th century is full of events that are important from the point of view of social development. An important role in its evolution played a migration movement of immigrants to the Belarusian lands in different areas of the Russian Empire. The largest scale migration has reached in the years of the Stolypin reforms, when it became a priority of state policy, having at the same time agricultural and geopolitical importance.

The article analyzes the scale of peasant migration from Belarus in the early twentieth century, features-technology bases of the legal framework regulating these processes, and discusses the reasons for the mass return of peasants to their native lands.

Key words: resettlement, ethnicity, Belarus, reform, migration.

Введение. Сложность исторического развития Беларуси предопределила специфику миграционных процессов ее населения. Дело в том, что промышленное развитие Беларуси в дореволюционный период осуществлялось крайне медленно. Это вызывалось двумя причинами – политикой царизма, не заинтересованного в росте крупной национальной промышленности (особенно это стало заметно после подавления восстаний 1831 и 1863 гг.), и бедностью сырьевых источников для промышленного развития.

Реформа 1861 г., освободив крестьян от крепостной зависимости, дала тем самым определенный простор развитию производительных сил, что выразилось также в ускорении демографического роста. Однако к концу XIX в. реформа исчерпала себя политически и экономически. Примерно к 80–90 гг. XIX в. обнаружилось несоответствие демографического и технико-экономического развития. Дело в том, что в земледелии по-прежнему преобладали экстенсивные способы ведения хозяйства. Форма и структура крестьянского хозяйства были таковы, что к этому периоду были исчерпаны возможности сохи и трехполья. По расчетам дореволюци-

онных статистиков и экономистов, трехполье могло выдержать примерно 50 чел. на квадратном километре полезной площади [1, с. 165]. В Беларуси к этому периоду на такую площадь приходилось 70–80 чел., что свидетельствовало о большой аграрной перенаселенности. На рубеже XIX–XX вв. она составила не менее 1/3 ко всему сельскому населению северо-западного края. Слабое развитие промышленности в белорусских городах не могло поглотить огромную, превышающую 1,5 миллиона избыточную армию сельских тружеников.

Основная часть. В таких условиях переселение в другие районы страны, преимущественно в Сибирь, стало явлением неизбежным. Так, за 1885–1906 гг. из северо-западных губерний России переселились в Забайкальскую область, Томскую и Тобольскую губернии 194,2 тыс. чел., почти две трети из них были выходцы из Могилевской и Витебской губерний. Южные территории Российской империи, такие как Бессарабская, Екатеринославская и Херсонская губернии, области Донского и Кубанского войск и ряд других, также приняли переселенцев с белорусских земель. В столице Российской империи – Санкт-Петербурге –

проживали выходцы из Беларуси, главным образом творческая интеллигенция из Минской и Виленской губерний.

Миграция на рубеже XIX–XX вв. превратилась в крупный фактор экономического и демографического развития Беларуси. В 1897 г., например, Могилевская губерния дала 3602 переселенцев и Витебская – 3490. В последующие годы число переселенцев значительно возросло. В 1908 г. на долю белорусских губерний пришлось 17,2% всех переселенцев России. Об интенсивности и масштабах переселенческого движения в Беларуси можно судить по следующим фактам. Из 4650 тыс. всех переселенцев и ходоков России в период 1869–1915 гг. белорусские губернии (Виленская, Витебская, Могилевская, Минская и Гродненская) дали свыше 600 тыс. Значение этого факта будет особенно понятно, если учесть, что шесть центрально-промышленных губерний России дали всего 66 тыс. переселенцев.

Лишь в 1904–1905 гг. (предреволюционный и революционный годы) переселение резко замедлилось. Однако с началом проведения столыпинской аграрной реформы переселенческие процессы снова ускорились.

В годы столыпинской реформы переселение стало приоритетом государственной политики, имея одновременно аграрное и геополитическое значение.

С 6 мая 1905 г. вопросы, регулирующие переселение, перешли под контроль Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). ГУЗиЗ стал ведущей государственной организацией, осуществляющей столыпинскую аграрную реформу.

За годы реформ была сформирована нормативная база, регулирующая переселение. Так в сентябре 1906 г. был издан указ о передаче под переселение свободных кабинетских земель Алтайского округа, в 1908 г. – Нерчинского горного округа. 10 марта и 29 ноября 1906 г. были приняты положения Совета министров, предусматривавшие процедуру отправки ходоков для приискания, осмотра и зачисления свободных казенных земель в некоторых районах Сибири и Урала. Данное право предоставлялось всем желающим, независимо от их местожительства или имущественного статуса. Позднее было принято решение сохранить данный порядок и в 1908 г., распространив его на весь Урал. 4 марта 1911 г. Николаем II было утверждено Положение «О порядке ходяческого движения за Урал». Также при организации переселения применялись указ от 9 ноября 1906 г. о праве крестьян закреплять находящиеся в их пользовании земли в частную собственность.

Территория Азиатской России была разделена на 12 переселенческих районов с землеустроительными и землеотводными партиями, агрономическими, медицинскими, школьными, дорожными, гидротехническими отделами. Впоследствии переселенческие земли ежегодно распределяли между губерниями и уездами Европейской России по особой предварительной разверстке в виде долей, на которые направлялись ходоки. В строгом соответствии с количеством этих долей выдавались в местах выхода переселенцев ходяческие свидетельства.

Технологически процесс переселения состоял из нескольких этапов. На первом создавались организованные ходяческие группы, состоящие, как правило, из домохозяев. Ходок мог отправляться не только от имени одной семьи, но и по поручению сельского общества или товарищества. Таким организованным ходокам выдавались на руки переселенческие свидетельства, удостоверяющие их статус и дающие транспортные льготы. Количество ходоков, равно как и количество запросов от сельских обществ, соответствовало числу земельных долей, определяемых Переселенческим управлением в соответствии с проведенным мониторингом свободных и пригодных для заселения территорий.

На втором этапе, в случае договоренностей между ходоком и местной администрацией, на место поселения выезжала семья переселенца или целое крестьянское поселение. При этом и проезд ходока, и перемещение его семьи (в один или оба конца) полностью (впоследствии частично) оплачивались за счет казны. Лица, проживающие за Уралом, могли получать ходяческие свидетельства только при переселении на Дальний Восток.

С 1906 по 1914 гг. в Сибирь мигрировало 3772,2 тыс. чел., из которых 3040,1 тыс. – переселенцев и 731,8 тыс. – ходоков. Это было в два раза больше, чем за предыдущие 20 лет [2, с. 251]. На Кавказ за аналогичный период мигрировало около 55 тыс. чел. Число обратных переселенцев за указанный период составило 17,4% и ходоков 67,8%. Переселением были охвачены все губернии Европейской России, а также Украины и Беларуси. Однако некоторые регионы давали наибольший процент ходоков и переселенцев [2, с. 69].

4 марта 1911 г. переселение было объявлено свободным, нерегламентированным в любые районы по выбору самих переселяющихся после обязательного осмотра участка ходоками, которые закрепляли землю на новом месте за крестьянами. В случае ухода с места водворения, участок ходока или переселенца сохранялся за ним в течение двух лет. Однако этот срок был уменьшен.

Был разработан комплекс мер для финансовой поддержки переселенцев. Еще 5 июня 1894 г. вступили в силу «Временные правила о пособиях от правительства нуждающимся семействам переселяющихся». Они пересматривались и дополнялись в 1896, 1899, 1903, 1909 гг. В окончательном виде они составили закон от 19 апреля 1909 г. «О порядке выдачи ссуд на общепользные надобности переселенцев».

В Сибири и на Дальнем Востоке земля отводилась крестьянам-переселенцам в «частное владение на правах постоянного наследственного пользования». Это был шаг к введению здесь частной собственности на землю.

Норма отвода земли в Сибири крестьянам-переселенцам составляла 15 десятин в расчете на одну «мужскую душу». При этом семья получала 35–40 десятин земли. Ей также предоставлялось государством единовременное пособие на обустройство хозяйства в сумме 165 руб. в Сибири и 200 руб. – на Дальнем Востоке [3].

Государство полностью брало на себя расходы на переезд в Сибирь крестьян и его организацию. Столь льготные условия благоприятствовали быстрому переселению крестьян за Урал. За 1906–1915 гг. за Уралом было отведено крестьянам-переселенцам 36 млн. десятин земли.

С июня 1912 г. было законодательно установлено, что кредиты и ссуды переселенцам будут выдаваться в зависимости от особенностей осваиваемого района. По созданной шкале ссуд максимальная трудность района – Приамурье – давала возможность получить 400 руб., 200 из которых – в виде безвозвратной помощи. Также в расчет бралось то, насколько государство заинтересовано в скорейшем освоении региона. Преимущество отдавалось тем нуждающимся, которые производили существенные улучшения участков, либо возводили строения. Всего за 1906–1915 гг. ссуды получили 851,9 тыс. чел.

Следует отметить, что П. Столыпин, сохраняя кредиты, на первое место выдвигал все же вещественные рычаги помощи. Помощь реализовалась в натуральном виде, а именно: путем создания инфраструктуры, в виде семян, инвентаря. Все это можно было использовать только в хозяйственной деятельности (продать это в Сибири было некому).

Межевые экспедиции не только выявляли новые земли, но и проводили съемки, составляли проекты отвода земель переселенческим хозяйствам и проводили единоличное землеустройство.

Размещение переселенцев в Сибири, т. е. в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, происходило в двух направлениях: во-первых, на землях, которые частично были

заняты ранее переселившимися старожилами и коренным населением; и во-вторых, на совершенно свободных местах. В соответствии с этим способы землеустройства были различными.

В первом случае проводилась съемка фактического пользования, составлялся проект ограничения земельного надела с расчетом не более 15 десятин на наличную мужскую душу и лесной надел до трех десятин. Оставшиеся земли отводились для размещения новых переселенцев.

Во втором случае отвод участков переселенцам производился непосредственно вслед за изысканием пригодных для земледелия массивов. После обследования и съемки производился расчет возможной площади по числу душ, исходя из указанной выше нормы земли на душу.

Переселенческие участки отводились сначала размером по 6–7 тыс. десятин в общее пользование переселенческим семьям. С 1909 г. размеры отводов были уменьшены до 1–3 тыс. десятин. На территории каждого отвода проектировалось размещение усадьбы. Внутриселенное землеустройство с распределением земли между отдельными дворами Переселенческим управлением вначале не проводилось. Это должны были делать переселенцы своими силами, устанавливая общинно-передельный или подворный порядок пользования землей.

В дальнейшем административные органы Сибири при устройстве переселенцев начали внедрять хутора и отруба предварительной разбивки переселенческих отводов на семейные участки из расчета на каждый по три душевные доли. Такое устройство потребовало не только разбивки семейных участков на плане и нарезку их в натуре, но и прокладку дорожной сети с подъездом к каждому хутору и отрубам, устройство колодцев, в лесных местах – раскорчевку.

Наиболее мощная волна переселений из белорусских губерний приходится на 1907–1909 гг. Так за период с 1904 по 1914 гг. из пяти западных губерний переселилось 356 378 чел. Из них в течение 1904–1906 гг. выехало 21 012 чел., что составляло 5,9% переселенцев. В то же время на 1907–1909 гг. приходится 248 354 чел., или 69,8% всех переселившихся [4, с. 122].

В 1907 г. переселенческое движение приобрело особенно массовый характер. В частности газета «Могилевский Вестник» отмечала, что губернию «охватила какая-то переселенческая горячка. Уезжали стар и млад, уезды выбрасывали ежедневно в губернский город сотни переселенцев, и мечта «ў Томск!» сделалась лозунгом всех и всякого» [5].

Переселенческое движение по отдельным губерниям было неравномерным. Наибольшее число переселенцев пришлось на Могилевскую и Витебскую губернии, где крестьяне испыты-

вали наиболее острый земельный голод. Так из 294 367 переселенцев из пяти западных губерний за период с 1907 по 1911 гг. на две восточные пришлось 211 694 чел., или 71,9%. Могилевская губерния по численности переселенцев занимала третье, а Витебская – восьмое место среди всех губерний Российской империи. В то же время переселенческое движение в Гродненской губернии было весьма незначительным. Это было связано с тем, что крестьяне здесь не испытывали острого малоземелья. К тому же более высокий уровень развития капитализма и повышенный спрос на наемную рабочую силу давали возможность разорившимся крестьянам найти работу в пределах родной губернии [6, с. 205]. Переселялась в основном крестьянская беднота. Так 64% переселенцев имели на Родине надел меньше пяти десятин на двор и только 2% имели надел свыше 15 десятин [7, с. 91].

Сопоставление данных переселений из белорусских губерний с переселениями в общероссийском масштабе показывает, что за годы реализации Столыпинской аграрной реформы общая численность переселенцев по России составила 2 901 269 чел., из них на пять западных губерний приходилось 335 369 чел., или 11,6%. В то же время за 12 лет, предшествующих реформе, 73 губернии России дали 1 560 905 переселенцев. В том числе из пяти западных губерний – 278 124 чел., или 18%. Таким образом удельный вес белорусских губерний в общей массе сократился. Тем не менее общая численность переселенцев значительно возрасла [4, с. 125–126].

Следует отметить, что в годы Столыпинской реформы качественный состав переселенцев значительно изменился. Если в 70–80-х гг. XIX в., когда переселенческие процессы всячески сдерживались властями, среди мигрантов преобладали активные элементы, которые «надеялись лишь на себя и на Бога», то когда эти процессы разрешили, «хлынула серая масса, которая всегда ждет милости от начальства» [1, с. 168]. То есть переселялись в основном те, кто не смог перестроить свое традиционное хозяйство дома.

В то же время Сибирь выдвигала свои требования. Как отмечал известный российский либеральный экономист А. Кауфман, «Сибирская тайга не годится для массового переселенца. Он ее боится» [1, с. 166].

В результате переселенцы столкнулись с огромными сложностями. По официальным данным за 1908 г. по всей России на каждую тысячу переселенцев приходилось 118 чел., погибших от тяжелых условий в пути и на новых местах [4, с. 131]. Итогом всего этого стало массовое обратничество т. е. возвращение кре-

стьян в родные места. В течение 1907–1914 гг. в Беларусь возвратилось 36 544 чел., или 10,9% всех переселившихся. Наибольшая волна возвращенцев пришлась на 1910–1911 гг., когда в родные места вернулось 13 597 чел., или 37,2% всех возвратившихся [4, с. 132].

В качестве главных причин возвращения крестьяне указывали плохие условия климата и нехватку угодий (41% возвращенцев), постоянные неурожаи (15%), нехватку средств для обустройства на новом месте (10%). Остальные заявили, что вернулись временно или по другим причинам [7, с. 92].

Однако на родине возвращенцев ждали не меньшие трудности, так как перед выездом они распродали свою землю и имущество, вернуть которые было уже невозможно. Тем самым возвратившиеся крестьяне пополнили ряды сельского пролетариата. В результате социальное расслоение в белорусской деревне значительно усилилось.

Тем не менее следует отметить, что переселение крестьян на просторы Сибири разрешило в большей степени проблему «земельного голода». Обустроившиеся на новых местах крестьяне преобразили сельское хозяйство Сибири.

За четыре неполных года аграрной реформы Россия по производству мяса, хлеба, животного масла стала теснить на мировом рынке ведущие европейские страны, а также США и Канаду.

Темпы роста посевных площадей и валовых сборов зерна в Сибири были значительно выше, чем в среднем по России, и выше, чем в США. Особенно пользовались спросом сибирская сильная и твердая пшеница. По качеству она не имела себе равных на международном рынке.

Успехи в земледелии сопровождался ростом численности скота. Из европейских стран только Дания по количеству скота на 100 жителей приближалась к Сибири. Канада и США уступали Сибири по количеству овец и лошадей на 100 жителей. Среднегодовой вывоз мяса из одной Западной Сибири накануне первой мировой войны составлял 500 тыс. т.

Заключение. Таким образом, переселенческая политика, призванная ослабить остроту малоземелья, привела к тому, что в течение 1907–1914 гг. из пяти западных губерний переселилось в Сибирь 335,4 тыс. чел. (11,6% переселенцев из Европейской России). Из них 71,8% приходилось на Витебскую и Могилевскую губернии. Наибольшее число переселений состоялось в 1907–1909 гг. Переселялась в основном крестьянская беднота, значительная часть которой не смогла приспособиться к неблагоприятным условиям Сибири и была вынуждена вернуться на Родину, пополнив здесь армию сельской бедноты.

Литература

1. Кауфман А. А. Община. Переселение. Статистика. М.: Г. Леман и Б. Плетнев, 1915. 512 с.
2. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.
3. Дубровский С. Столыпинская реформа // АПК: экономика, управление. 1953. № 8. С. 84–90.
4. Липинский Л. П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск: Издательство БГУ, 1978. 221 с.
5. Могилевский вестник, 1913, 10 марта.
6. Налівайка Н. М. Сталыпенская аграрная рэформа на Гродзеншчыне // Гродна і гродзенцы: дзесяць стагоддзяў гісторыі. Гродна: ГрДУ, 2008. 526 с.
7. Дудкоў Д. А. Сталыпінская рэформа ў Віцебскай губерніі. Мінск: Беларускае акадэмія навук, 1931. 121 с.
8. Верещагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (Вторая половина XIX в.). Минск: Наука и техника, 1978. 146 с.

References

1. Kaufman A. A. *Obshchina. Pereselenie. Statistika* [Community. Relocation. Statistic]. Moscow: G. Lehmann and B. Pletnev Publ., 1915. 512 p.
2. Tyukavkin V. G. *Velikorusskoe krest'yanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma* [Great Russian peasantry and the Stolypin agrarian types]. Moscow: Monuments of historical thought Publ., 2001. 275 p.
3. Dubrovskiy S. Stolypin types. *APK: ekonomika, upravlenie* [APK: economy, management], 1953, no. 8, pp. 84–90.
4. Lipinskiy L. P. *Stolypinskaya agrarnaya reforma v Belorussi* [Stolypin agrarian types in Belarus]. Minsk, BSU Publ., 1978. 221 p.
5. *Mogilevskiy vestnik* [Mogilev Bulletin]. 1913, March 10.
6. Nalivayka N. M. Stolypinsky agrarian reform in Grodno. *Grodna i grodzentsy* [Grodno and citizens of Grodno: ten centuries of history]. Grodno, Grodno State University, 2008. 526 p.
7. Dudko D. A. *Stalypinskaya reforma u Vitsebskay gubernii* [Stolypin's reform in the Vitebsk province]. Minsk, Belaruskaya akademiya navuk Publ., 1931. 121 p.
8. Vereshchagin P. D. *Krest'yanskie pereseleniya iz Belorussii (vtoraya polovina XIX veka)* [Peasant resettlements of Belarus (second half of the 19th century)]. Minsk, BSU Publ., 1978. 144 p.

Информация об авторе

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Information about the author

Kruchek Peter Stepanovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Поступила 25.03.2017

УДК 37(091)(476)«18/19»

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Во второй половине XIX – начале XX в. во всех сферах жизни Российской империи, включая духовную, происходят значительные изменения. Сохраняющаяся культурная отсталость населения, с одной стороны, и напор общественной активности, с другой, вынуждают власти корректировать образовательную политику, в том числе связанные с ней вопросы кадрового обеспечения всех типов учебных заведений. В статье подчеркивается, что общественное положение и обеспеченность разных слоев педагогической интеллигенции Беларуси были далеко не одинаковыми. На более высокой ступени материального благополучия находились учителя средних учебных заведений. Их годовое содержание состояло, как правило, из оклада, прибавок за каждые пять лет службы, вознаграждений за дополнительные уроки, проверку ученических тетрадей, проведение лабораторных работ, организацию экскурсий и классное наставничество. Дополнительным источником заработка было выполнение функций секретаря Педагогического совета или заведывание библиотекой, а также частные уроки и доходы от сдачи внаем комнаты в своем доме или в квартире учащимся.

Ключевые слова: учителя средних учебных заведений, социальный статус, материальное положение, «оклад жалованья», уровень заработной платы, пенсионное обеспечение.

V. M. Ostroga

Belarusian State Technological University

THE FINANCIAL SITUATION OF TEACHERS IN SECONDARY EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

In the second half of 19th – early 20th centuries in all spheres of life of the Russian Empire, including the spiritual, there are significant changes. Persistent of cultural backwardness of the population, on the one hand, and the pressure of public activity, on the second, forcing the authorities to adjust the education policy, including associated staffing in all types of educational institutions. The article stresses that social status and security of different layers pedagogical intelligent people of Belarus were not the same. At a higher level of material well-being were teachers in secondary schools. Their annual maintenance consisted, as a rule, the salary, extra pay for every five years of service, remuneration for extra lessons, checking pupils' notebooks, conducting laboratory work, excursions and classroom mentoring. Additional source of income was the implementation of the functions of the Secretary of faculty Council facility or library, as well as private lessons and income from renting rooms in your house or apartment to students.

Key words: teachers, secondary schools, social status, financial status, «salary salary», salary levels, pensions.

Введение. Осознание экономического, военно-технического и культурного отставания России от стран Запада, неизбежность социальных конфликтов в середине XIX в. толкали правящие элиты империи к решительным действиям по обновлению существующей общественной системы. Буржуазные реформы 1860–1870 гг. создавали благоприятные условия для модернизации страны, хотя многие из них по-прежнему преследовали цели сугубо политические. Российская школа рассматриваемого периода находилась в эпицентре многих происходивших в стране процессов: рост демократических и революционных настроений, оживление экономики, развитие капиталистических отношений, внутреннего и внешнего рынков,

урбанизация и др. Это ставило задачи ликвидации неграмотности и повышения образовательного уровня населения, расширения профессиональных умений и навыков, преодоления культурного отставания. Реформа в сфере образования, возрастающие с каждым годом требования к расширению сети учебных заведений, совершенствованию процессов обучения и воспитания обуславливали крайнюю необходимость поиска эффективных средств и методов для их осуществления. Безусловно, ключевой фигурой в этой цепи являлся педагог. Качество образования населения зависело не только от уровня его теоретической и методической подготовки, но и от социального статуса учителя, в первую очередь обеспечения и

гарантий достойного правового и материального положения в обществе.

Основная часть. Во второй половине XIX – начале XX в. в Беларуси, которая входила в состав Российской империи, не было единой средней общеобразовательной школы. Главными ее типами являлись мужские гимназии, мужские реальные училища и женские гимназии (как министерские, так и частные). Неполное среднее образование можно было получить в мужских и женских прогимназиях. Эти учебные заведения посещали в основном дети господствующих классов. Здесь особое внимание обращалось на происхождение и образовательный ценз учителей. В отличие от учителей начальной школы, которые в основном были выходцами из среды крестьян и мещан, учителя средней школы происходили главным образом из дворянских и буржуазных слоев, духовенства, а также из зажиточных горожан. Чтобы преподавать в гимназиях и реальных училищах, необходимо было иметь высшее образование (исключение составляли преподаватели так называемых новых, современных европейских языков, которым разрешалось поступать на службу и со средним образованием).

Директора средних учебных заведений, значительная часть которых по своим чинам принадлежали к высшему чиновничеству, пользовались сравнительно большим весом и влиянием в провинциальных городах, где их общество и круг общения составляли другие чиновники высоких рангов, а также общественные деятели. Преподаватели составляли значительную группу буржуазной интеллигенции, имели уже несколько иной социальный статус и по материальному положению приближались к среднему чиновничеству.

Согласно гимназическому уставу 1871 г. в средних учебных заведениях доходы штатных учителей от своей службы складывались из фиксированных окладов за преподававшиеся 12 уроков в неделю (для учителей рисования – за 15 уроков), а также из поурочного вознаграждения за уроки сверх указанного числа, из вознаграждения за исполнение дополнительных обязанностей, из различных прибавок и пенсии.

В 1971–1912 гг. штаты мужских гимназий и реальных училищ предусматривали распределение учителей в зависимости от срока их службы по четырем разрядам жалованья. В каждом учебном заведении к 1-му разряду относились 4 учителя с окладами 750 руб. в год, ко 2-му – 5 учителей с окладами по 900 руб., к 3 и 4-му – по одному учителю с окладами в 1250 и 1500 руб. в год. Низший оклад назначался при поступлении на службу и в первые 5 лет рабо-

ты. В дальнейшем повышение окладов производилось при открытии соответствующих вакансий по старшинству учебной службы, «за продолжительную, полезную и ревностную деятельность, преимущественно в одном и том же учебном заведении» [1, с. 110–111]. При условии увольнения из гимназии какого-нибудь педагога такая возможность появлялась, если кандидат имел достаточный стаж работы и хорошую характеристику «учебного начальства». Те учителя, которые получали высший оклад, имели звание «заслуженный». Большинство учителей работали без особой надежды дожидаться получения двух высших «окладов жалованья» (штатами прогимназий высший оклад не предусматривался, поэтому максимальный составлял 1250 руб. за 12 уроков).

Например, состоящий на службе в Гомельской мужской гимназии преподаватель физики и математики Кон Р. О., выпускник Санкт-Петербургского университета, в 1902 г. за год получал 1270 руб. (750 руб. за 12 уроков, 360 руб. за 6 дополнительных уроков и 160 руб. за классное наставничество). При назначении на службу предложением управляющего Виленским учебным округом от 16 декабря 1898 г. было назначено «третнее не в зачет жалованья» (это так называемые «подъемные деньги» в размере 1/3 от положенного годового оклада, которые выдавались при условии дальнейшей службы в течение не менее 3 лет). Кроме этого, формулярный список преподавателя содержит информацию о «назначении пособия по случаю вступления в брак двести рублей» [2, л. 1–2].

Заработная плата в прогимназиях была очень близка к плате в гимназии и начислялась также из расчета 12 часов в неделю. Если, например, в 1859 г. по утвержденным штатам в Мозырской прогимназии «оклад жалованья» директора составлял 800 руб. в год, старшего учителя – 600 руб., младшего учителя – 550 руб., за исполнение должности инспектора – 180 руб., учителя чистописания и рисования – 400 руб., то после 1871 г. его размер увеличился и соответствовал установленным нормам для преподавателей гимназий [3, с. 102–103].

Инспектора получали 1500 руб. в год (из них 750 руб. назывались «квартирными» деньгами), директора – 2000 руб. в год (из них 800 руб. назывались «столовыми» деньгами). Если директор и инспектор проводили уроки, то им за это полагалось такое же вознаграждение, как и учителям – из расчета 12 часов [4, с. 51]. В отличие от преподавателей и других служащих, директора и инспектора имели казенные квартиры, которые очень часто размещались в самом здании среднего учебного заведения.

Заработная плата в частных учебных заведениях не всегда соответствовала официально установленным ставкам. Все зависело от финансовых возможностей учебного заведения. Например, в Витебской частной мужской гимназии И. Р. Неруша преподаватель русского языка коллежский ассесор Н. А. Крачковский за 13 уроков получал 780 руб. в год, преподаватель истории и латинского языка А. К. Кактын за 14 уроков получал 840 руб., преподаватель математики статский советник Е. И. Пораневич за 16 уроков имел 960 руб. [5, л. 17].

Материальное положение учителей и учительниц женских средних учебных заведений было хуже. В женских гимназиях окладов жалования не существовало, там действовала только поурочная система оплаты труда, так как служили «из платы по найму». Размер учительского жалования в основном зависел от размера платы за учебу, которую вносили родители гимназисток, и пособий от органов местного самоуправления. Поэтому данным учебным заведениям было тяжело конкурировать с мужскими гимназиями и реальными училищами, в которых оплата труда учителя была значительно выше. Поэтому преподаватели смотрели на возможность работы в женских гимназиях как на временное занятие или как на источник дополнительного дохода. Согласно закону от 19 декабря 1811 г. преподавательницы получали право на такую же систему материального обеспечения, которая действовала в отношении преподавателей-мужчин [6, с. 453].

Существовали также и некоторые другие формы доплаты гимназическим педагогам. Если, например, в гимназии оказывалась свободной ставка инспектора, то его функции мог выполнять один из опытных учителей. За это полагалась доплата к основному жалованию в размере $\frac{1}{2}$ от зарплаты инспектора, что составляло 375 руб.

Учитель, исполнявший одновременно обязанности классного наставника, получал дополнительно 160 руб. в год, обязанности библиотекаря (фундаментальной или ученической библиотеки) или секретаря педагогического совета – по 120 руб. в год.

«Поурочное» вознаграждение было достаточно высоким и составляло 60 руб. в год за 1 урок, преподававшийся еженедельно на протяжении учебного года.

Например, ни один штатный учитель Минской мужской гимназии с высшим образованием не получал меньше 2350 руб. в год. Размер заработной платы некоторых учителей достигал 3–4 тыс. руб. [7, с. 74]. Высокие должностные оклады имели директора и инспектора гимназий, которым дополнительно начислялись еще значи-

тельные суммы в виде «квартирных» и «столовых». Например, в 1915 г. заработная плата директора Полоцкой мужской гимназии А. С. Еленева составляла за год 4800 руб. [8, л. 4]. Директор Минской мужской гимназии С. П. Григорьев получал в 1915 г. 5355 руб., а исполняющий обязанности инспектора В. А. Климонзович – 3925 руб. [9, л. 125–126].

Оплата труда учителей мужских средних учебных заведений была в целом увеличена законом «Об улучшении материального положения служащих в средних общеобразовательных мужских учебных заведениях и окружных инспекторов» от 10 мая 1912 г. Он дифференцировал оплату труда учителей со средним и высшим образованием, точно определил сроки, через которые начинали производиться прибавки к окладам. Учителям «наук и языков» гимназий, прогимназий и реальных училищ, имевших высшее образование, был назначен первоначальный оклад в размере 900 руб. в год (для учителей со средним образованием – 750 руб. в год.) за 12 уроков в неделю на протяжении учебного года (учителям рисования и черчения реальных училищ – за 15 уроков). При этом учителя пользовались правом на 4 прибавки жалования раз в 5 лет в размере 400 руб. каждая (учителям со средним образованием – 200 руб., учителям рисования и чистописания – 125 руб.). Дополнительные уроки (сверх 12 уроков в неделю, входивших в преподавательскую ставку) стали оплачиваться в размере 75 руб. за один урок в неделю на протяжении учебного года. Вознаграждение за классное наставничество было повышено до 600 руб. в год [10, с. 277].

Устав гимназий и прогимназий предусматривал также выплату преподавателям русского, латинского и греческого языков особого денежного вознаграждения за «исправление» письменных «ученических упражнений по отечественному и древним языкам»: не менее 100 руб. в год на каждого учителя в гимназии, 300 руб. в год на всех учителей этих предметов в 6-классной прогимназии и 180 руб. в 4-классной прогимназии (не менее 60 руб. каждому учителю). Также отмечалось, что «если учителям новых иностранных языков не полагается особого вознаграждения за исправление письменных работ учеников», то не следует упускать из виду, что эти учителя «во всех других отношениях сравнены с прочими», несмотря на то, что в большинстве своем они не имеют университетского образования [11, с. 111–113].

Циркулярном министерства от 7 мая 1901 г. вознаграждение за проверку тетрадей было установлено и для учителей математики и физики в гимназиях и прогимназиях. В этом же году разрешалось устанавливать аналогичное вознаграждение

граждение учителям «новых» языков гимназий и прогимназий и преподавателям математики и физики реальных училищ, однако выплаты были поставлены в зависимость от состояния «специальных средств» учебных заведений и разрешения попечителя учебного округа. В 1908 г. при управлении Виленского учебного округа была создана специальная комиссия, которая рассматривала вопрос «о нормальном вознаграждении за исправление письменных работ в средних учебных заведениях» в зависимости от предмета преподавания [12, л. 1].

С 1907 г. учителя естествознания реальных училищ получали за подготовку лабораторных работ по химии по 15 руб. за один урок в неделю по этому предмету на протяжении учебного года (годовой урок).

Накануне Февральской революции 1917 г. выплата учителям вознаграждений за проверку тетрадей, подготовку опытов и проведение экскурсий была заменена пособиями, сумма которых должна была исчисляться «соразмерно трудам каждого преподавателя и в зависимости от общего состояния специальных средств в соответствующем учебном заведении» (циркуляр МНП от 30 сентября 1916 г.).

Циркуляром министерства от 26 ноября 1901 г. вводилась также дополнительная плата преподавателям естествознания за проведение ученических экскурсий. Было принято во внимание значительное количество времени, которое затрачивали учителя на организацию этих мероприятий, необходимые личные расходы, физическое утомление. Устанавливалась следующая норма вознаграждения за каждую экскурсию: по 5 руб. за городскую и 10 руб. за загородную [13, с. 161].

Значимой льготой для преподавателей было право работать по совместительству, которым учителя широко пользовались «в силу недостаточности окладов». Это право предоставлялось на основе утвержденных в 1884 г. правил о порядке совмещения Государственной службы. Учебное начальство обязано было строго наблюдать, чтобы это не наносило «ущерба служебным интересам и не препятствовало исполнению этими лицами обязанностей их по государственной службе» [14, л. 12]. Поэтому работать в разных учебных заведениях учителям разрешалось только временно, но жалование полагалось полное. Предоставление такой возможности стало вынужденной мерой: она обеспечивала гибкое распределение педагогических кадров между казенными и частными гимназиями, а также женскими заведениями. Недостаток содержания заставлял педагога работать в нескольких учебных заведениях, что вместе с подготовкой к занятиям составляло в среднем 15 часов.

Как отмечала педагогическая пресса, экономические отношения между «учащими» и учащимися выражались «в праве держать учителями у себя пансионеров и пансионерок и в праве давать своим ученикам и ученицам за плату частные уроки». Содержание в своих домах или квартирах иногородних учеников официально разрешалось уставами средних учебных заведений: считалось даже полезным, чтобы переподаватели занимались параллельно и воспитательными обязанностями.

Услугами учителей, которые давали частные уроки, пользовались обычно дети состоятельных родителей. Каждый из таких уроков обходился родителям в «очень значительную сумму» – от 3 до 10 руб. Несмотря на то, что репетиторство признавалось вредным явлением, частные уроки все же брали около половины учеников, особенно во втором полугодии, когда шла подготовка к переводным или выпускным экзаменам. Тогда учителя могли заработать «до 100 руб. в месяц, то есть почти столько же, сколько получают казенного жалованья» [15, с. 148]. Циркуляром министерства от 17 ноября 1888 г. всем попечителям учебных округов было предписано «принять за правило, что преподаватели средних учебных заведений могут давать частные уроки... не иначе как каждый раз с ведома начальства учебного заведения». Согласно распоряжению Министерства народного просвещения «таковые уроки учащимся в каком бы то ни было классе не были разрешаемы лицам, преподающим в этом же классе» [16, с. 59]. Только в редких случаях оно могло быть получено «от попечителя учебного округа по представлению директора учебного заведения». Циркуляром от 18 мая 1906 г. министерство отменило ограничения в этой сфере. Но учитель, принимавший ученика для дополнительных занятий, должен был известить об этом Педагогический совет, который обязывался «принимать соответствующие меры к обеспечению беспристрастного отношения преподавателя к своему делу».

Учителя средних школ имели право на получение пенсии по старости и по болезни. Прослужившие «беспорочно в учебной службе Министерства народного просвещения от 20 до 25 лет получали при отставке пенсию в размере половинного оклада жалованья, который применялся для расчетов суммы пенсий. Для отслуживших 25 и более лет в качестве пенсии назначался полный оклад жалованья: для учителей он составлял 550–600 руб., для инспектора – 700 руб. и для директора – 800 руб. в год. В отличие от других ведомств, пенсия по старости служащим по ведомству Министерства народного просвещения выпла-

чивалась даже тогда, когда они продолжали состоять на службе. Прослужившие от 10 до 25 лет в учебной должности, выходя в отставку, получали в единовременное пособие оклад годового жалования. Выходящие в отставку «по расстроенному совершенно на службе здоровью» получали в качестве пенсии: прослужившие от 10 до 15 лет – 1/3 оклада, от 15 до 20 лет – 2/3 оклада, а 20 и более лет – полный оклад причитающейся пенсии. За каждые 5 лет, прослуженных учителем свыше 25 лет, он получал прибавку к пенсии в размере 1/5 от полного оклада. Это положение составляло исключительную льготу служащих Министерства народного просвещения – по другим ведомствам размер пенсий не менялся. Учителя и учительницы женских гимназий, имевшие звание домашних наставниц и наставников, а также начальницы первоначально обладали правом на пенсию в размере 160 руб. Законом от 10 июня 1900 г. были повышены пенсии и рассчитывались из окладов в 500 руб. для начальниц и в 300 руб. для имевших звание домашних учителей и учительниц [17, с. 262].

По данным анкеты, которую составили представители «прогрессивной группы Государственной думы», только преподаватели в небольших городах имели возможность не только сводить концы с концами, но и оставлять немного денег «на черный день». Но в средних, где жизнь дорога и частных занятий «достать трудно», «дефицит отзывается чувст-

вительно». Для сравнения, сельские же учителя были самыми необеспеченными и за свой непростой труд получали всего лишь 240–360 руб. в год. Многие педагоги делали вывод: «только холостые одни и живут хорошо». Необходимость удовлетворять привычные потребности (пища, одежда, обувь, книги, журналы, поездки, прислуга и т. д.) и воспитывать детей, с одной стороны, страх жить на одну пенсию, с другой, вынуждали «учащих» оставаться на службе дольше, чем бы следовало.

Заключение. В современное динамичное время модернизации подвергаются все сферы общественной жизни, включая духовную. Совершенствуется и система образования, качественно обогащается ее содержание, внедряются новые методы и технологии, но при этом неизменной и важнейшей в учебно-воспитательном процессе остается роль Учителя.

К началу XX в. эта профессия становится массовой, возрастает общественная значимость преподавательского труда. По сравнению с другими категориями «учащих», материальное положение учителей гимназий и реальных училищ в рассматриваемый период было относительно благополучным. Хотя труд учительниц оплачивался ниже, все же все педагоги имели возможность получать дополнительные доходы. Это во многом обусловило устойчивость преподавательского состава средних учебных заведений, высокообразованного, компетентного и преданного своему делу.

Литература

1. Сборник постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям ведомства Министерства народного просвещения. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1874. 542 с.
2. НИАБ. Ф. 3321. Оп. 1. Д. 1.
3. Историческая записка о Мозырской прогимназии / сост. К. Шпековский. Мозырь: Тип. Х. В. Кугель, 1909. 150 с.
4. Флит Н. В. Школа в России в конце XIX – начале XX в. Л.: [Б.и.], 1991. 96 с.
5. НИАБ. Ф. 2623. Оп. 1. Д. 7.
6. Полное собрание законов Российской империи (1911): в 33 т. Собр. 3-е. / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1914. Т. 31. № 36226.
7. Евдокимова Е. Л. Гимназическое образование в Беларуси: исторический опыт и тенденции развития (XIX – начало XX в.). Минск: НИО, 1998. 140 с.
8. НИАБ. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 1.
9. НИАБ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 297. Л. 125–126.
10. Зубков И. В. Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1916. М.: Новый хронограф, 2010. 528 с.
11. Сборник постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям ведомства Министерства народного просвещения. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1874. 542 с.
12. НИАБ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 261.
13. Циркулярное предложение МНП попечителям учебных округов от 26 ноября 1901 г. за № 33139 // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Сенатская тип., 1902. № 2. С. 161.
14. НИАБ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 126.
15. Тихомиров И. К вопросу об экономических отношениях между учащими и учащимися // Русская школа. 1908. № 5/6. С. 146–151.

16. Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям МНП за 1870–1903 годы / сост. Кузьменко Д. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1904. 435 с.
17. Гельбке Ф. Ф. Календарь для учителей на 1905–06 уч. год. СПб.: Изд. О. Кирхнер, 1905. 280 с.

References

1. *Sbornik postanovleniy i rasporyazheniy po gimnaziyam i progimnaziyam vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Reports of Judgments and orders for gymnasiums and progymnasium agencies Ministry of Education]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva Publ., 1874. 542 p.
2. NHARB. Fund 3321. I. 1. F. 1.
3. *Istoricheskaya zapiska o Mozyrskoy progimnazii* [Historical note on the Mozyr progymnasium]. Comp. K. Shpekovskiy. Mozyr, Tip. Kh. V. Kugel' Publ., 1909. 150 p.
4. Flit N. V. *Shkola v Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [School in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. L., [Without Publ.], 1991. 96 p.
5. NHARB. Fund 2623. I. 1. F. 7.
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (1911): v 33 t. Sobr. 3-e.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (1911): in 33 vol. Coll. 3rd.]. St. Petersburg., 1914. Vol. 31. No. 36226.
7. Yevdokimova Ye. L. *Gimnazicheskoe obrazovanie v Belarusi: istoricheskiy opyt i tendentsii razvitiya (XIX – nachalo XX v.)* [Gymnasium education in Belarus: historical experience and trends (19th – early 20th centuries)]. Minsk, NIO Publ., 1998. 140 p.
8. NHARB. Fund 2608. I. 1. F. 1.
9. NHARB. Fund 466. I. 1. F. 297. L. 125–126.
10. Zubkov I. V. *Rossiyskoe uchitel'stvo: povsednevnyaya zhizn' prepodavateley zemskikh shkol, gimnaziy i real'nykh uchilishch. 1870–1916* [Russian teaching: daily life Zemsky school teachers. High schools and colleges. 1870–1916]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2010. 528 p.
11. *Sbornik postanovleniy i rasporyazheniy po gimnaziyam i progimnaziyam vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Reports of Judgments and orders for gymnasiums and progymnasium agencies Ministry of Education]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva Publ., 1874. 542 p.
12. NHARB. Fund 2261. I. 1. F. 261.
13. Circular ISPs offer trustees the school district from November 26, 1901, No. 33139. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education]. St. Petersburg, Senatskaya tip. Publ., 1902, no. 2, p. 161 (In Russian).
14. NHARB. Fund 2261. I. 1. F. 126.
15. Tikhomirov I. To a question on economic relations between the students and uchaschimi. *Russkaya shkola* [Russian school], 1908, no. 5/6, pp. 146–151 (In Russian).
16. *Sbornik postanovleniy i rasporyazheniy po zhenskimi gimnaziyam i progimnaziyam MNP za 1870–1903 gody* [Reports of Judgments and orders at a girls' school and gymnasia for 1870–1903 MNE]. Comp. Kuz'menko D. Smolensk, Tip. P. A. Silina Publ., 1904. 435 p.
17. Gelbke F. F. *Kalendar' dlya uchiteley na 1905–06 uch. god* [Calendar for 1905–06 teachers account. year]. St. Petersburg, O. Kirchner Publ., 1905. 280 p.

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 21.03.2017

УДК. 94(470)(476):323.1

А. А. Райченко

Белорусский государственный технологический университет

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В данной статье в первую очередь исследуется процесс зарождения и дальнейшего развития белорусского национального движения в Российской империи, предпринимается попытка определить начало его возникновения, выделить основные этапы и обозначить их содержательные стороны. Так автор считает, что период до 1863 г. можно считать предысторией возникновения белорусского национального движения, подготовительным этапом, определяемым в теории наций как академический или романтический; 1864–1884 гг. – началом его идейного оформления; 1884–1903 гг. – попытки его организационного оформления; 1903–1915 гг. – начало широкой агитационной работы, связанной с созданием первой белорусской партии Белорусской социалистической громады и началом выхода газеты «Наша нива», которые ставили своей целью донесение до общественности потребностей белорусского народа; 1915–1917 гг. – первые практические попытки реализации идей белорусского самоопределения. Дается характеристика политическим изменениям, произошедшим в результате начала Первой мировой войны и перемещения боевых действий на территорию Беларуси, а также их влиянию на дальнейшее развитие социального, национального и политического движения в Беларуси. Проводится сопоставление белорусского национального движения с аналогичными движениями в восточной Европе с целью определения общего и особенного в его историческом развитии.

Ключевые слова: нация, национальное движение, автономия, самоопределение, Беларусь, Российская империя.

A. A. Raychenok

Belarusian State Technological University

RISE AND DEVELOPMENT OF BELARUSIAN NATIONAL MOVEMENT IN THE RUSSIAN EMPIRE

This article first explores the process of birth and the further development of the Belarusian national movement in the Russian Empire, an attempt to define the beginning of its origin, identify the main stages and to identify their substantive side. So the author believes that the period until 1863 can be regarded as the prehistory of the emergence of the Belarusian national movement preparatory phase defined in the theory of nations as an academic or a romantic, 1864–1884, the beginning of its ideological design, 1884–1903, attempts to institutionalize; 1903–1915, the beginning of the wide campaign, which was associated with the creation of the first batch of Belarusian Socialist Assembly and the beginning of the newspaper “Nasha Niva”, which aims at presenting to the public the Belarusian people's needs; from 1915–1917, the first practical attempts to implement the ideas of the Belarusian identity. It describes the political changes that have occurred as a result of the First World War and the movement of the fighting on the territory of Belarus, as well as their influence on the further development of social, national and political movement in Belarus. A comparison of the Belarusian national movement with similar movements in Eastern Europe in order to determine the general and particular in its historical development.

Key words: nation, national movement, autonomy, self-determination, Belarus, the Russian Empire.

Введение. Идея государственной независимости Беларуси возникла не на пустом месте, она появилась и питалась из двух основных источников. Первый – идея о национально-культурной особенности белорусского края; второй – национальное движение, широко развернувшееся в Европе с середины XIX в. и достигнувшее к рассматриваемому периоду своего апогея. Белорусское национальное движение вписывается в аналогичные процессы, происходившие среди безгосударственных народов Центральной и восточной

Европы, однако имеет и свои характерные особенности. Так исследователи данного вопроса отмечают относительную слабость и запоздалый характер его оформления. Несмотря на многочисленные публикации, посвященные данному вопросу, многие аспекты зарождения и развития белорусского национального движения в Российской империи до сих пор нуждаются в дополнительном освящении.

До сегодняшнего дня нет единодушного мнения по вопросу о времени возникновения

белорусского национального движения, так один из его основателей и активнейших участников А. Луцевич считал, что временем его окончательного оформления следует считать начало XX в., а точнее период между 1903–1906 гг. [1, с. 28], в то время как польский исследователь А. Латышонок склонен видеть его первые проявления в деятельности униатского духовенства и профессуры конца XVIII – начала XIX в. [2, с. 395]. Большинство же исследователей сходятся в том, что начало данного явления следует искать во второй половине или даже последней четверти XIX в. Кроме того, в дополнительном изучении нуждается вопрос о влиянии польского движения и идеологии «западнорусизма» на начальный этап становления белорусского национализма, который, к сожалению, остается за рамками данной статьи.

Основная часть. Собственно говоря, «сепаратистские» тенденции «великокняжеского» направления проявлялись в той или иной степени на протяжении всей истории Беларуси, начиная с XVI в. Но удаленность этого времени делает излишним, на наш взгляд, детальное изучение этих тенденций. Даже первую половину XIX в. можно рассматривать всего лишь как предысторию возникновения белорусского национализма. Более правильным будет начать рассмотрение вопроса о возникновении белорусского национального движения с момента его оформления в программные требования политических движений и партий. Первыми здесь будут, безусловно, белорусские народники, которые действовали в 80-х гг. XIX в. Так, на страницах своего печатного издания «Гомон» они пишут о том, что одним из направлений их деятельности в «Народной воле» является «внесение в сознание членов этой партии практической возможности федеративной самостоятельности Беларуси в будущем и необходимости подготовки этой самостоятельности в настоящее время» [3, с. 83–84].

Свое политическое кредо белорусские народники формулируют следующими словами: «Итак, мы, белорусы, так как мы должны бороться во имя местных интересов белорусского народа и федеративной автономии страны; мы, революционеры, потому что разделяем программу борьбы «Народной воли», считаем необходимым принять участие в этой борьбе; мы, социалисты, потому что нашей главной целью является экономическое улучшение страны на началах научного социализма» [3, с. 120]. Как видно из вышеизложенного, они однозначно высказывались в пользу федеративной автономии Беларуси. Необходимо подчеркнуть одну характерную особенность: идея автономии Беларуси впервые была сформулирована революционными демократами, а не представителями

буржуазно-либеральных течений, как это было в большей части европейских стран. Это объясняется слабостью белорусской буржуазии, что сыграло немаловажную роль в развитии национального движения в Беларуси.

В начале XX в. идейной преемницей народников становится БСГ, которая накануне и в ходе революции 1905–1907 гг. поставила вопрос о краевой автономии Беларуси с сеймом в Вильно. После революции требования БСГ в национальном вопросе перестают быть едиными, что связано с организационным кризисом партии. Одна ее часть оставила лозунг автономии Беларуси в рамках России с центром в Вильно, вторая предлагала идею федеративных отношений с Россией, третья говорила о федерации с Украиной, Литвой и Латвией. В любом случае на данном этапе дальше идеи автономии, как формы реализации белорусского самоопределения, ни одна из групп не шла. Это подтверждает А. И. Луцкевич, который пишет, что после революции 1905 г. белорусские националисты отстаивали принцип краевой автономии «в рамках единого государственного организма – Российского хозяйства» [4, с. 4]. Появление этого лозунга было вызвано в значительной степени спорами с поляками.

Надо сразу же отметить, что понимание автономии в начале XX в. значительно отличается от современного. Тогда под автономией имели в виду скорее то, что мы сейчас понимаем под федерацией, хотя существовали определенные нюансы.

Что касается монархических организаций, то единственной из них, которая выступала за придание территориальной автономии Беларуси, было «Белорусское общество», возникшее на основе общества «Крестьянин» в 1908 г. Однако следует отметить, что ничего общего с белорусским национально-освободительным движением у него не было, поскольку главной своей целью эта организация считала «развитие в белорусской народности самосознания на основах русской государственности» [5, с. 359]. Территориальная автономия была нужна «Белорусскому обществу» только для того, чтобы прибрать к рукам земли польских помещиков. А в идеологическом плане оно являлось наследником идей «западнорусизма».

Либеральная буржуазия стояла в основном на позициях кадетов и требовала областного самоуправления с правом местного законодательства только в вопросах хозяйственной и культурной жизни без какой-либо национальной автономии. Но конкретная программа в приложении к Беларуси ими не предлагалась.

Проявляли интерес к белорусскому движению и крупные помещики, но их роль в этом

процессе еще досконально не изучена. Здесь надо иметь в виду замечание, сделанное историком Е. Запрудником: «Как только мы касаемся исторического материала, так сразу же упираемся в вопрос роли белорусской шляхты; роли консервативного элемента; роли людей, иногда небелорусской культуры, которые, однако, стояли за автономию Беларуси, что стало, как показали дальнейшие события, первой фазой движения к независимости. Белорусскость, как идея, надо помнить, во многих случаях шла впереди терминологии: часто то, что не было белорусским согласно своему определению, было им в своей объективной сущности» [6, с. 330].

Если характеризовать общее положение белорусского вопроса в начале XX в., то надо сказать, что в данное время оно находилось в тени польского и еврейского вопросов и не рассматривалось большинством политических партий как нечто самостоятельное.

Первая мировая война дала новый толчок развитию идеи автономии, а в некоторых случаях продвинула ее еще дальше, вплоть до идеи государственной независимости.

Весной 1915 г. в Вильно был создан Белорусский народный комитет (БНК), в который вошли представители Белорусской социал-демократической рабочей группы, Виленского комитета Белорусской социалистической громады, Белорусского общества помощи пострадавшим от войны и другие организации. В начале своего существования он поддержал концепцию конфедерации Великого княжества Литовского, под лозунгом «политической независимости Литвы и Беларуси в ее последней исторической форме – Великого княжества Литовского» [4, с. 7].

19 декабря 1915 г. «Конфедерация» выпускает «Универсал», в котором формулировался постулат «независимости Литвы и Беларуси, как единого государства, оставляя всем нациям в ее рамках все права» [4, с. 7].

На этой же платформе стояло и «Христианское объединение», которое возникло в 1915 г. Во главе его стояли барон Ропп, князь Святополк-Мирский, В. Ластовский и др. Они представляли среди политических партий клерикально-правое крыло.

Не успев должным образом оформиться, «Конфедерация» распалась в силу непримиримых разногласий между поляками, литовцами и белорусами. Кроме этого, немецкие власти считали более полезным для себя поддерживать отдельные национальные движения угнетенных народов царской России.

После распада «Конфедерации» одна часть белорусских деятелей снова отошла на позиции автономизма, вторая – выступила с более ради-

кальными требованиями – образования независимой государственности [7, с. 44].

На позиции полной независимости в скором времени переходит и БНК, а к июню 1916 г. ее руководством вырабатывается новая идея – Союзных Штатов от Балтийского до Черного моря. Согласно этой идее, после Первой мировой войны планировалось создать экономический и политический блок, куда вошли бы независимые Беларусь, Литва, Латвия и Украина. Надо сразу же отметить, что эти планы дальше идеи не пошли [8, с. 207].

В январе 1917 г. Виленский комитет вновь возвращается к идее В. Ластовского о «единстве и неделимости» Беларуси.

Вернемся к событиям, которые предшествовали Февральской революции. Из наиболее значимых мероприятий этого времени нужно отметить конференцию народов России в Стокгольме (апрель 1916 г.) и III конференцию народов в Лозанне (июнь 1916 г.), на которых представители БНК заявили о бесправном состоянии белорусов в царской России и выразили надежду на то, что после войны народы Европы помогут белорусам обеспечить все политические и культурные права [9, с. 28].

После объявления в Западных губерниях военного положения на неоккупированной территории Беларуси установился жесткий военно-полицейский режим. Были запрещены забастовки, шествия, манифестации и собрания. Любые самые незначительные проявления оппозиционности безжалостно подавлялись. Единственной формой, в которой могло существовать белорусское движение, были беженские комитеты. Хотя на первом месте у них стояла помощь беженцам, осуществлялась и определенная культурно-просветительская работа: вечера, лекции и др. Таким образом белорусское движение легализовалось в воюющей империи [10, с. 21].

Если сравнивать положение в оккупированной и неоккупированной частях Беларуси, то в первой обстоятельство, которые способствовали развитию идеи национального самоопределения, в каком-то смысле были лучше, чем во второй. Это было обусловлено двойственной позицией немецкого командования в отношении белорусских земель. С одной стороны, наблюдается грабеж и жестокая эксплуатация людских и материальных ресурсов Беларуси, с другой – в культурно-просветительском плане оно не только не создавало препятствий белорусскому движению, но и способствовало ему, рассчитывая таким образом получить поддержку у местного населения.

При этом надо заметить, что немцы, по политическим соображениям, считали Беларусь ча-

стью Российской империи и поэтому в области национально-государственного строительства (в отличие от культурно-просветительского) белорусские деятели не только не встречали поддержки немецкого командования, но даже испытывали противодействие данным идеям [11, с. 20].

Если рассматривать Беларусь на фоне развития аналогичных движений в странах Центральной и Восточной Европы, то она и хронологически, и по этапам в целом вписывается в общеевропейский процесс. Беларусь прошла путь от требования автономии к требованию государственной независимости, которое было поставлено в период Первой мировой войны, как и в большинстве стран данного региона. Это было связано с тем, что во время войны контроль над национальными меньшинствами со стороны руководства европейских империй значительно ослаб. Как пишет исследователь данного вопроса И. Поп: «до политических катастроф в ходе Первой мировой войны угнетенные народы в составе трех империй не могли рассчитывать на государственную независимость. Большого успеха на пути государственного самоопределения страны Центральной Европы достигли (по сравнению с угнетенными народами Российской империи) в значительной степени благодаря тому, что их буржуазия имела больше возможностей для маневра и обладала большим опытом. Она училась на ошибках русской буржуазии, утратившей власть в октябре 1917 г., и старалась не повторить их» [12, с. 5].

При анализе становления белорусской государственности нельзя упускать из поля зрения то радикализирующее воздействие на белорусских политических деятелей, которое оказывал процесс становления государственности у наших ближайших соседей – Польши, Литвы, Латвии, Украины.

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что теоретическое развитие идей национальной государственности находилось на том же уровне, что и у большинства народов Центральной и Восточной Европы. Что же касается трудностей с их практическим во-

площением, то на это имелись основания объективного характера.

В заключение представляется полезным определить периодизацию развития идей в белорусском движении до 1917 г. Период до 1863 г. можно считать предысторией возникновения белорусского национального движения, подготовительным этапом, который определяется в теории наций как академический или романтический.

Первый этап (1864–1884 гг.) характеризуется постепенным размежеванием с польским и литовским национальными движениями, началом своего идейного оформления.

Второй этап (80-е гг. XIX в. – 1903 г.). Возникновение первых программных требований автономии Беларуси. Создание первых нелегальных белорусских организаций. Переход к политическим требованиям.

Третий этап (1903–1906 гг.). Подъем белорусского движения, возникновение первых политических партий и относительное единство в политических требованиях различных групп белорусского национального движения. Начало белорусской легальной печати.

Четвертый этап (1906–1915 гг.). Спад политического движения в Беларуси, возникновение различных взглядов на пути дальнейшего политического развития Беларуси и реализации белорусского народа на самоопределение права.

Пятый этап (1915 г. – февраль 1917 г.). Начало подъема белорусского движения, возникновение двух разделенных линией фронта и параллельно действующих центров в Вильно и Минске, первые высказывания идеи о полной государственной независимости Беларуси.

В заключение можно сказать, что белорусское национальное движение, ставящее своей целью реализацию права белорусского народа на самоопределение, за время своего возникновения и развития в рамках Российской империи прошло полный цикл эволюции политических требований, характерных для подобных движений среди народов Центральной и Восточной Европы.

Литература

1. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху. Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства; Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2010. 345 с.
2. Латышонак А. Нацыянальнасць – беларус. Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства; Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2009. 558 с.
3. Публицистика белорусских народников. Нелегальные издания белорусских народников (1881–1884). Минск: Изд-во БГУ, 1983. 134 с.
4. Наша ніва. Зб., Вільня, 1920.
5. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск: БелЭн, 1993. Т. 1. А – Беліца. 494 с.
6. Запруднік Я. Справа аўтаноміі Беларусі ў першай дзяржаўнай Думе і «Наша Ніва» // 3 гісторыяй на «Вы». Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. С. 314–332.

7. Шашкевич Н. С. Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917–1925). Минск: Университетское, 1985. 304 с.
8. Сідарэвіч А. З думай аб незалежнасці // Полымя. 1991. № 4. С. 205–214.
9. Турук Ф. Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М.: Гос. изд-во; тип. Подотдела Инвалидов, 1921. 144 с.
10. Мікалаевіч А. Бежанцы Першай Сусветнай вайны // Спадчына. 1994. № 3. С. 17–21.
11. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск: Беларусь, 1993. 189 с.
12. Поп И. Проблема новой государственности в Центральной и Юго-Восточной Европе в XX в. // К 70-летию образования самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1989. 149 с.

References

1. Lutskevich A. *Da gistoryi belaruskaga ruhu* [On the history of the Belarusian movement]. Belastok, Belaruskae gistorychnae tavarystva; Vil'nya, Instytut belarusistyki, 2010. 345 p.
2. Latsyshonak A. *Natsyyanal'nasts' – belarus* [Nationality – Belarusian]. Belastok, Belaruskae gistorychnae tavarystva; Vil'nya, Instytut belarusistyki, 2009. 558 p.
3. *Publitsistika belorusskikh narodnikov. Nelegal'nye izdaniya belorusskikh narodnikov (1881–1884)* [Reading Belarusian populists. Illegal publications Belarusian populists (1881–1884)]. Minsk, BGU Publ., 1983. 134 p.
4. *Nasha niva* [Nasha Niva]. Vil'nya Publ. 1920.
5. *Entsyklapedyya gistoryi Belarusi: u 6 t.* [Encyclopedia of the history of Belarus: in 6 vol.]. Minsk, BelEn Publ., 1993. Vol. 1: A – Belitsa. 494 p.
6. Zaprudnik Ya. The case of Belarus autonomy in the first State Duma and “Nasha Niva”. *Z gistoryyay na «Vy»* [With histori on “You”]. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1994. P. 314–332 (In Belarusian).
7. Stashkevich N. S. *Prigovor revolyutsii: Krushenie antisovetskogo dvizheniya v Belorussii (1917–1925)* [Verdict Revolution: The collapse of the anti-Soviet movement in Belarus (1917–1925)]. Minsk, Universitetskoe Publ., 1985. 304 p.
8. Sidarevich A. With a thought about independence. *Polymya* [Fire], 1991, no. 4, pp. 205–214 (In Belarusian).
9. Turuk F. *Belorusskoe dvizhenie: Ocherk istorii natsionalnogo i revolyutsionnogo dvizheniya belorusov* [Belarusian Movement: Essay on the history of national and revolutionary movement Belorussians]. Moscow, Gos. izd-vo; tip. Podotdela Invalidov Publ., 1921. 144 p.
10. Mikalaevich A. The refugees of World War I. *Spadchyna* [Heritage], 1994, no. 3, pp. 17–21 (In Belarusian).
11. Turonak Yu. *Belarus pad nyametskay akupatsyyay* [Belarus under German occupation]. Minsk, Belarus' Publ., 1993. 189 p.
12. Pop I. *Problema novoy gosudarstvennosti v Tsentralnoy i Yugo-Vostochnoy Evrope v XX v* [The problem of the new state in Central and South-Eastern Europe in the twentieth century]. K 70-letiyu obrazovaniya samostoyatel'nykh gosudarstv v Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evrope. Moscow, In-t slavyanovedeniya i balkanistiki AN SSSR Publ., 1989. 149 p. (In Russian).

Информация об авторе

Райченко Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). raichenok@belstu.by

Information about the author

Raychenok Aleksandr Aleksandrovich – PhD (History) Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). raichenok@belstu.by

Поступила 03.03.2017

УДК 323.272«1917»(476)

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ В БЕЛАРУСИ

В статье приводятся сведения о последствиях Февральской революции в Беларуси: способах формирования и составе общественных комитетов, образовании местных органов власти Временного правительства (комиссариатов), создании Советов рабочих и солдатских депутатов, деятельности партий и попытках решения важнейших вопросов. Обращается внимание на мирный, реформационный путь становления нового общества, отсутствие антиправительственного движения в Беларуси, на стремление общественности решить все проблемы с помощью Учредительного собрания. Отмечается, что после Февральской революции усилилось белорусское движение в направлении оформления национальной государственности. Приводятся данные о тяжелых последствиях Октябрьской революции 1917 г. Подчеркивается, что она была осуждена общественностью Беларуси, за исключением солдат гарнизонов, в своей массе большевиков и левых социалистов-революционеров. С их приходом к власти был уничтожен демократический строй, усилилась хозяйственная разруха, началась гражданская война и в результате наступления германской армии была оккупирована основная часть Беларуси.

Ключевые слова: Февральская революция, Октябрьская революция, Беларусь, Временное правительство, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, партия, декрет о мире, декрет о земле, гражданская война, оккупация.

N. E. Semenchyk

Belarusian State Technological University

REVOLUTIONS OF 1917 AND THEIR AFTERMATHS IN BELARUS

The article provides information on the February Revolution's after-effect in Belarus, i.e. the process of establishing public committees and their structure, the formation of the Provisional Government's local authorities (commissariats), the creation of Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies, the activities of parties and attempts to tackle major issues. Special attention is paid to a peaceful and reformist way of formation of a new society, as well as to the lack of the anti-government movement in Belarus and the public's aspiration to solve all existing problems with the help of the Constituent Assembly. It is stated that the movement for Belarusian national statehood hit stride after the February Revolution. The data on the grave consequences of the 1917 October Revolution are given. It is emphasized that the October Revolution was condemned by the locals except for garrison soldiers who were mainly Bolsheviks and Left Socialist-Revolutionaries. After they came to power, the economic devastation achieved momentum, the democratic system was destroyed by the authorities, the civil war broke out; as a result of the German army's offensive, the best part of Belarus's territory was occupied.

Key words: the February revolution, the October Revolution, Belarus, the Provisional Government, the Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies, party, the Decree on Peace, the Decree on Land, the civil war, the occupation.

Введение. В СССР о Февральской и Октябрьской революциях было написано множество трудов, в которых на основе марксистско-ленинской методологии освещалась борьба рабочего класса в союзе с беднейшим крестьянством под руководством партии большевиков за Советскую власть. Свой вклад в разработку этой проблематики внесли отечественные ученые: И. М. Игнатенко, Н. В. Каменская, И. И. Саладков, Т. Е. Солодков, Н. С. Сташкевич и другие. С распадом Советского Союза возникла возможность научного осмысления значимости революций 1917 г. для Беларуси.

Основная часть. В начале 1917 г. территория Беларуси, состоявшая из не оккупированных германцами Виленской, Витебской, Моги-

левской и Минской областей, представляла собой прифронтовую окраину Российской империи, заселенную в своей массе крестьянами, жителями городов и местечек, беженцами и прикомандированными к предприятиям Всероссийского земского и городского союзов, Земгора, Военно-промышленного комитета и других организаций. Продолжавшаяся мировая война существенно ухудшила положение всего населения в плане их обеспечения товарами первой необходимости. Реквизиции, мобилизации и трудовая повинность негативно отражались на производстве сельскохозяйственной и промышленной продукции. Законы военного времени ограничивали возможность рабочих бороться за свои экономические интересы. Вся

жизнедеятельность белорусского тыла была направлена на поддержание боеспособности Западного и части Северного фронтов. Несмотря на трудности, все слои населения в меру своих сил исполняли свой гражданский долг. В целом положение в Беларуси никоим образом не предвещало революционных потрясений.

Вооруженное восстание в Петрограде завершилось 27 февраля 1917 г. арестом царского правительства и 2 марта привело к отречению от престола Николая II. В числе последних распоряжений императора было утверждение им состава Временного правительства. Чтобы не допустить распространения насилия, имевшего место в столице, на важные в военно-стратегическом смысле губернии Беларуси, военное командование совместно с руководством земств и городских управ, учреждений ВЗС, ВСГ, Земгора, ВПК, объединений рабочих и солдат и т. д. в целом оперативно обеспечили формирование временных органов власти – общественных комитетов охраны порядка и безопасности. С первых чисел марта 1917 г. жандармерия, полиция, институт губернаторов и земских начальников упразднились. Функции поддержания порядка возлагались на добровольцев-милиционеров из числа местных жителей, служащих организаций по обслуживанию фронта, солдат гарнизонов. Губернские и уездные органы Временного правительства – комиссариаты – возглавили председатели земских управ. Так, комиссаром Витебской губернии был назначен М. Карташев, Минской – Б. Самойленко, Могилевской – В. Судзиловский [1, с. 28]. Комиссарами уездов назначались председатели уездных земских управ.

Усилиями командования и общественности в Беларуси удалось избежать масштабных конфликтов. Беспорядки, главным образом с участием солдат, имели место лишь в отдельных населенных пунктах и были быстро пресечены надежными воинскими частями [2, с. 98].

Во всех городах и даже некоторых местечках были устроены массовые празднества по случаю свержения самодержавия. Решающим фактором в установлении нового строя явилось приведение вооруженных сил России к присяге на верность Временному правительству.

Провозглашенные 3 марта в Декларации Временного правительства демократические права и свободы незамедлительно воплощались в жизнь. Из тюрем были освобождены политические заключенные, а также отменена смертная казнь. Отменялись политическая цензура периодических изданий, перлюстрация почтовой переписки [3, с. 150]. Устанавливалось реальное национальное и религиозное равноправие, пресловутая «черта еврейской оседлости» уходила в небытие. Поляки получа-

ли гарантии правительства в том, что после со- зыва Учредительного собрания будет воссоздана их государственность.

Призывы Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (РиСД) в защиту революции нашли живой отклик по всей стране. В числе первых откликнулись военнотружущие Западного фронта и гарнизонов Беларуси, которые выступили за создание не подотчетных командирам комитетов и Советов солдатских депутатов (ССД) [1, с. 55].

Почти одновременно в целях упрочения нового строя и поддержки общественных комитетов волю к собственной организации проявили рабочие, прежде всего, оборонных предприятий, железнодорожных мастерских, учреждений по обслуживанию фронта и др. Тогда же в крупнейших городах Беларуси началось создание Советов рабочих депутатов (СРД) [1, с. 56]. С течением времени рабочие и солдатские Советы создали единые организации – Советы рабочих и солдатских депутатов (СРиСД).

В марте в Гомеле и Минске возникли первые комитеты Всероссийского крестьянского союза. А в апреле состоялся съезд крестьянских делегатов Минской и Виленской губерний, который, помимо прочего, сформировал свой руководящий центр – губернский Совет крестьянских депутатов (СКД) [1, с. 91].

Важным признаком перемен в Беларуси стало возникновение партийных организаций, основная часть которых, за исключением кадетов и сионистов, базировалась на социалистической идеологии. Характерной чертой их деятельности весной было то, что все они выражали поддержку Временному правительству.

В то время как социалистические партии основные усилия направили на классовую организацию рабочих и солдат, лидеры Белорусской социалистической громады (БСГ) попутно занялись работой по консолидации национальных сил. Значительным успехом в этом направлении стал созыв съезда белорусских организаций и создание его исполнительного органа – Белорусского национального комитета (БНК).

Ко времени думских выборов наибольшее (по 12–13) количество партийных организаций находилось в Витебске, Гомеле, Минске, Могилеве, Бобруйске. Ко времени предвыборной кампании в Учредительное собрание областные партийные центры имели: Бунд, РСДРП, РСДРП (б) и сионисты; губернские – Бунд (3), ПС-Р (3), ПНС (3), РСДРП (2), ТН-СП (2), РСДРП (б) (1); районные – Поалей Цион (1), АЯСРП (1), Цеирей Цион (1) [1, с. 59–74].

С демократизацией Западного фронта и тыловых частей сложилась устойчивая структура солдатских комитетов, всего числом 7287. При

этом созданный 17 апреля Исполнительный комитет Западного фронта стал самым авторитетным в Беларуси органом в деле защиты интересов солдат и упрочения нового строя [1, с. 75].

Основная деятельность солдат гарнизонов происходила в Советах. К октябрю в Беларуси Советы СД с разной степенью наличия в них представителей рабочих и крестьян, действовали в 54 населенных пунктах. Кроме того, в Могилеве действовали губернский Совет РиСД. Созданный в мае Областным съездом Советов РиСД Исполком полноценным советским центром так и не сделался [1, с. 90].

В течение весны-осени происходило создание организаций сельских тружеников, главным образом, Советов КД, в числе которых насчитывалось не меньше 17 волостных, 25 уездных и 4 губернских. С участием последних двух (в Витебске и Дисне) были созданы совместные губернские исполкомы [1, с. 95].

Борьбу за свои экономические интересы осуществляли помещики и другие землевладельцы в составе уездных, губернских и краевого союзов [1, с. 99].

Стремления еврейского населения воплотились в программах Бунда (национально-культурной автономии), ОЕСРП (национально-персональной автономии), Поалей Цион (национально-политической автономии), сионистов (создание государства Израиль) и др.

Польское население и военнослужащие, получив реальные гарантии и моральную поддержку общественности относительно возрождения своей государственности, в течение весны-лета создали уездные и губернские Советы, а также союзы поляков-военнослужащих. Часть трудящихся, сплоченных в Польском социалистическом объединении и Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, придерживалась интернационалистических лозунгов и активно сотрудничала в городских Советах.

Весною-летом 1917 г. белорусские организации и партии (БНК, ЦРБО, БСГ, БПНС и др.) получили возможность открытой идейной и организационной работы за обретение Беларуси политической автономии в составе демократической России через выборы в Учредительное собрание. Но распространение национальных лозунгов в белорусской деревне по причине ее политической неразвитости было весьма затруднительным. К тому же стремление белорусских партий и организаций к национальной автономии встретило серьезные препятствия со стороны российских социалистов, Учительского союза, а также местных группировок псевдонационального типа – Белорусский народный союз (Витебск), Союз белорусской демократии (Гомель) и др. [1, с. 111].

Трансформация органов власти повлияла на замену военно-полицейского режима демократическим [3, с. 150]. В обществе был достигнут своеобразный консенсус, согласно которому решение важнейших вопросов (о государственном устройстве, войне и мире, земле, национальном самоопределении) передавалось в компетенцию Учредительного собрания. Самой массовой и влиятельной силой бывшей Российской империи (с 1 сентября – Республики), в том числе Беларуси, являлась так называемая «революционная демократия», к которой причислялись Советы, солдатские комитеты, профсоюзы, левые партии, а также обновленные городские и земские самоуправления. Ее представители делегировались в местные органы Временного правительства (комиссариаты), стремясь направлять их деятельность в интересах трудящихся. Так, летом крестьянские депутаты добивались смещения с должностей тех уездных комиссаров, которые до революции являлись земскими начальниками или предводителями дворянства [1, с. 119].

После созыва Учредительного собрания комиссариатам суждено было сойти с политической арены, поэтому основное внимание общественности уделялось городским и земским самоуправлениям. Их обновление, то есть пополнение «демократическим элементом», началось уже в марте-апреле, но превращение в реальные органы местной власти стало возможным летом-осенью, когда по всей стране прошли выборы в городские думы и волостные (затем, земские) собрания.

Участие в них гражданского населения и военнослужащих, кроме прочего, представляло собой реальный акт народовластия, который значительно укреплял шансы общественности на окончательную победу республиканского строя. Идея созыва Учредительного собрания как способа реформистского закрепления завоеваний Февральской революции неизменно доминировала в деятельности правительственных и общественных структур Беларуси [7, с. 119].

Победа революции, помимо прочего, актуализировала важнейший для крестьянского населения земельный вопрос. Несмотря на его передачу в компетенцию Учредительного собрания, в Беларуси подготовка к аграрной реформе сопровождалась частыми нарушениями существовавшего законодательства по вине земельных комитетов, возглавляемых эсерами. Тому же своими непродуманными резолюциями способствовали крестьянские Советы всех уровней – от Всероссийского до волостных. Попытки Союза земельных собственников ограждать свое имущество от посягательств земельных комитетов и крестьянских Советов

успеха не имели. По сути, уже летом земельные комитеты Беларуси проводили политику в интересах крестьян [4, с. 114]. Им оставалось только дожидаться созыва Учредительного собрания, чтобы законным путем оформить переход к ним всех частновладельческих земель.

В результате, благодаря земельным комитетам и Советам КД, руководимым эсерами, в Беларуси аграрная реформа в пользу крестьян, по сути, началась уже летом [5, с. 146].

В отличие от аграрного другой, не менее важный для населения Беларуси вопрос о войне почти не изменился. По-прежнему крестьяне и рабочие считали ее продолжение вынужденной необходимостью и полностью поддерживали наступательную политику правительства, что выразилось в их активном участии в подписке на военный «Заем Свободы», сборе пожертвований на нужды фронтовиков и т. д. Но по мере того, как в армии усиливалось нежелание воевать, среди крестьян обозначилась тенденция к уклонению от помощи фронту.

В целом, Февральская революция имела значительные позитивные последствия для Беларуси в плане формирования демократически избираемых органов власти, создания многопартийной системы и сети Советов РСИКД, наличия перспективы оформления белорусской государственности и многое другое.

Усилившиеся летом в стране кризисные явления были следствием, главным образом, недальновидной политики Временного правительства и подрывной деятельности партии большевиков, но в Беларуси они не были выражены так ярко, как в Петрограде. Подтверждением тому являлось отсутствие массовых антиправительственных акций со стороны каких-либо организаций, непопулярность среди местного населения лозунга передачи Советам, высокий авторитет Учредительного собрания.

Не случайно известия о восстании 25 октября 1917 г. в Петрограде против Временного правительства были восприняты в стране, в том числе в Беларуси, как очередная попытка большевиков захватить власть [6, с. 7]. В условиях появления противоречивой информации в обществе возобладали тревожные настроения, главным образом, из-за угрозы гражданской войны и срыва Учредительного собрания. Одновременно, по мере распространения в Беларуси сведений о восстании в столице большевики ряда городов (Минск, Витебск, Орша и др.) приступили к осуществлению решений Всероссийского II съезда Советов РСИД, в том числе о переходе власти к указанным организациям. Представители «революционной демократии» партий РСДРП, Бунда, ПС-Р, гласные городских дум, лидеры Советов РСИД и др.

пришли к мнению о необходимости совместных усилий в целях сохранения порядка до решения возникшего в столице кризиса. Их первой реакцией на события в столице стало создание антибольшевистских «комитетов спасения революции» (КСР) [6, с. 7–12].

Основная масса населения разделяла мнение о том, что окончательное решение вопроса о государственной власти является прерогативой Учредительного собрания, а не съезда Советов. Почти все социалисты и социал-демократы считали Советы одними из объединений «революционной демократии» [7, с. 23], но никак не органами государственной власти. Они же оставались убежденными противниками нарушения демократических свобод. Не случайно при установлении «Советской власти» большевики и левые эсеры остались без широкой поддержки рабочих, интеллигенции, служащих и опирались на свои силовые структуры – Военно-революционные комитеты. С их помощью те же большевики и эсеры сформировали новый депутатский корпус Советов, провели Северо-Западный Областной, губернские, уездные, волостные съезды Советов РСИКД, а также II Западнофронтовой съезд, и возглавили их исполнительные комитеты. Остальные партии, в том числе социалистического направления, не признали всевластия Советов и потеряли возможность участия во власти. Присутствие отдельных партийцев – представителей «революционной демократии» в Областном исполнительном комитете Западной области и фронта, а также в Витебском и Могилевском губернских Советах – не могло повлиять на их решения. Тем более, что одновременно с Советами продолжали действовать ВРК, большевистские и левоэсеровские по своему составу.

В числе решений II Всероссийского съезда Советов РСИД явилось принятие заимствованного у эсеров декрета о земле, имевшего целью не только покончить с помещичьим землевладением, но привлечь на свою сторону крестьян, в том числе и одетых в солдатские шинели. С образованием в Минске ВРК Западного фронта его руководители повели борьбу за переизбрание эсеровских Советов КД, земельных комитетов и за избрание своих кандидатов в Учредительное собрание.

Призывы большевиков о неотложной, до созыва Учредительного собрания реализации декрета о земле при ослаблении продовольственного обеспечения фронта спровоцировали масштабные солдатские грабежи помещичьих имений с участием крестьян. Подготовка же к самой аграрной реформе началась только в декабре 1917 г. [4, с. 115].

С приходом к власти большевиков в связи с начатой ими демобилизацией армии, закрытием

предприятий по обслуживанию фронта положение рабочего класса ухудшилось. Теперь в его среде уже не наблюдалось того идейного и организационного единства, свойственного весне-лету 1917 г. Часть профсоюзов пошла на сотрудничество с новой властью, а их большинство, оставаясь в оппозиции, по-прежнему уделяли первостепенное внимание экономическим нуждам трудящихся. Как и ранее, городские Советы заполнялись рабочими депутатами от бундовцев, меньшевиков, эсеров и рассматривались ими как общественно-политические организации, а не органы власти [5, с. 80].

Декреты СНК о рабочем контроле и национализации частных предприятий не вызвали у рабочих заметного интереса.

Осуществляя переворот, большевики рассчитывали на поддержку национальных меньшинств бывшей «тюрьмы народов», коей являлась Россия. В этом плане еврейское население в силу опасности погромов было больше других заинтересовано в прочной власти.

Под воздействием большевистских лозунгов часть еврейских социалистов пошла на сотрудничество с большевистской властью. В частности, в Комиссариате по делам национальностей при СНК Западной области и фронта был создан еврейский подотдел во главе с полейционистом Ц. Фридляндом [6, с. 86]. Но, как показали выборы в Учредительное собрание, большинство еврейского населения отдавало предпочтение не классово-партийным, а общенациональным лозунгам.

Польское население внешне спокойно отнеслось к Октябрьскому перевороту, поскольку считало его внутренним делом России. Польские социалисты на выборах в Учредительное собрание вошли в блок с большевиками и принимали участие в установлении власти Советов. Новое командование Ставки и Западного фронта не препятствовало формированию польских частей в Беларуси до времени, пока они не стали чинить препятствий советским органам по учету помещичьего имущества, а также не отказались от «демократизации». Попытка генерала Довбор-Мусницкого сохранить их как основу вооруженных сил возрождаемой Польши не удалась. Спровоцированные Н. Крыленко и А. Мясниковым боевые действия I Польского корпуса против отрядов Красной Армии переросли в локальную войну, которая принесла Беларуси новые разрушения и жертвы [6, с. 88–97].

Белорусские объединения (Великая Белорусская Рада, БСГ, БНПС и др.) в целом отрицательно отнеслись к большевистскому перевороту в столице, но сочли его поводом для созыва в декабре 1917 г. Всебелорусского съезда с целью государственного самоопределения и создания краевой власти. Большевики в лице Областного Исполнительного комитета Западной области и фронта предприняли все средства – от попытки раскола до применения оружия, чтобы сорвать съезд под предлогом защиты интересов трудящихся и борьбы против контрреволюции [6, с. 110].

Важные последствия для Беларуси имела попытка ленинского СНК вывести Россию из войны. Большевики осознавали, что обещанный солдатам мир – это не самоцель, но и средство удержать власть, поэтому приложили все усилия, чтобы распустить армию. В конце концов 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске между Россией и австро-германским блоком был подписан мир, но не демократический (без аннексий и контрибуций), а сепаратный. По словам В. Путина «в результате предательства тогдашнего правительства» [8] Россия потерпела поражение в мировой войне. Кроме того, почти вся Беларусь оказалась оккупированной казеровскими войсками.

Заключение. Февральская революция обусловила установление нового, демократического строя, создала предпосылки для решения назревших проблем реформационным путем, в том числе – оформления белорусской государственности. Общественность Беларуси не разделяла лозунга передачи власти Советам, а отдавала предпочтение Учредительному собранию. Поэтому она осудила Октябрьский переворот 1917 г. Отсутствие у большевиков и левых эсеров широкой социальной базы в лице местного населения при осуществлении власти принуждало их опираться главным образом на военнослужащих из числа однопартийцев и сочувствующих. Это же обстоятельство обусловило использование большевиками силовых методов, причем, не только против буржуазии и помещиков, а в отношении бывших соратников по «революционной демократии». Попытка белорусов добиться национальной автономии и краевого управления была пресечена. С приходом к власти большевиков и левых эсеров на территории Беларуси был уничтожен демократический строй и развязана гражданская война. Самым тяжелым последствием Октябрьской революции стала оккупация Беларуси германской армией и «похабный» Брестский мир.

Литература

1. Семенчик Н. Е. Общественно-политическая жизнь в Беларуси в период Февральской и Октябрьской революций (март 1917 – март 1918 гг.). В 2 ч. Ч. 1. Общественно-политическая жизнь в условиях демократического режима. Минск: БГТУ, 2001. 200 с.

2. Семенчик Н. Е. О состоянии законности и правопорядка в Беларуси в контексте революционного обновления российского общества в марте – октябре 1917 г. // Труды БГТУ. Сер. V. Политология, философия, история, филология. 2008. Вып. XVI. С. 97–101.

3. Стебурако В. Н. Трансформация органов власти после Февральской революции 1917 г. в Беларуси // Труды БГТУ. Сер. V. Политология, философия, история, филология. 2009. Вып. XVII. С. 147–150.

4. Рыжанков И. М. Крестьяне Беларуси в 1917 г.: достижения и потери // Труды БГТУ. Сер. V. Политология, философия, история, филология. 2006. Вып. XIV. С. 112–116.

5. Рыжанков И. М. Главный и губернские земельные комитеты на завершающем этапе подготовки аграрной реформы в Беларуси // Труды БГТУ. Сер. V. Политология, философия, история, филология. 2009. Вып. XVII. С. 143–146.

6. Семенчик Н. Е. Общественно-политическая жизнь в Беларуси в период Февральской и Октябрьской революций (март 1917 – март 1918 гг.). В 2 ч. Ч. 2. Общественно-политическая жизнь в условиях складывания тоталитарного режима. Минск: БГТУ, 2001. 160 с.

7. Семенчик Н. Е. Реформационные и революционные изменения в Беларуси (март – октябрь 1917 г.) // Труды БГТУ. 2012. № 5 (187): История, философия, филология. С. 44.

8. Путин: К поражению России в Первой мировой привело предательство большевиков [Электронный ресурс]. URL: vz.ru/news/2012/6/27/585754.html (дата обращения: 27.02.2017).

References

1. Semenychuk N. E. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Belorussii v period Fevral'skoy i Oktyabr'skoy revolutsiy (mart 1917 – mart 1918 gg.)* [Social and political life in Belarus in the period of February and October revolutions (March 1917 – March 1918)]. In 2 parts. Part 1. Social and political life in the conditions of the democratic mode. Minsk, BGTU Publ., 2001. P. 200.

2. Semenychuk N. E. On the state of law and order in Belarus in the context of the revolutionary renewal of Russian society in March and October 1917 г. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], ser. V, Political science, philosophy, history, philology, 2008, issue XVI, pp. 97–101 (In Belarusian).

3. Steburako V. N. The transformation of bodies of power after the February revolution of 1917 in Belarus. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], ser. V, Political science, philosophy, history, philology, 2009, issue XVII, pp. 147–150 (In Belarusian).

4. Ryzhankov I. M. The peasantry of Belarus in 1917: achievements and losses. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], ser. V, Political science, philosophy, history, philology, 2006, issue XIV, pp. 112–116 (In Belarusian).

5. Ryzhankov I. M. The main and provincial land committees at the time of finalization of the agrarian reform in Belarus. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], ser. V, Political science, philosophy, history, philology, 2009, issue XVII, pp. 143–146 (In Belarusian).

6. Semenychuk N. E. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Belorussii v period Fevral'skoy i Oktyabr'skoy revolutsiy (mart 1917 – mart 1918 gg.)*. [Social and political life in Belarus in the period of February and October revolutions (March 1917 – March 1918)]. In 2 parts. Part 2. Social and political life in the conditions of stowage of the totalitarian mode. Minsk, BGTU Publ., 2001. P. 160.

7. Semenychuk N. E. The reformation and the revolutionary changes in Belarus (March – October 1917). *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], 2012, no. 5 (187): History, philosophy, philology, p. 44 (In Belarusian).

8. Putin: Russia's defeat in the First world war led to the betrayal of the Bolsheviks. Available at: <http://vz.ru/news/2012/6/27/585754.html> (accessed 27.02.2017).

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenychuk Nikolai Efimovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 06.03.2017

УДК 947.6. «1917»

I. М. Рыжанкоў

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ХАРЧОВАЯ ПАЛІТЫКА ЧАСОВАГА ЎРАДА Ў БЕЛАРУСІ
(ВЕРАСЕНЬ – КАСТРЫЧНІК 1917 Г.)**

У артыкуле раскрываецца роля і месца харчовага пытання ў палітыцы Часовага ўрада з верасня па кастрычнік 1917 г. у Беларусі. Аўтар адзначае, што з ліпеня са зрывам наступальніцкіх аперацый і палітычным крызісам, абвастрэннем дэфіцыту прамысловых тавараў, інфляцыяй зніжаюцца памеры продажу дзяржаве хлеба, частка валасных харчовых камітэтаў санкцыянуюць захоп памешчыцкіх пасаваў, выганаў і выпасаў. Павялічваецца таемны продаж хлеба па высокіх цэнах, распаўсюджваецца вінакурэнне. Павышэнне Часовым урадам пад канец жніўня «цвёрдых цэн» на хлеб у два разы не вырашыла кардынальна сітуацыю. На этапе станаўлення новай палітычнай і эканамічнай сістэмы інтарэсы селяніна як вытворцы і ўласніка апынуліся вышэй за яго класавыя, грамадзянскія, патрыятычныя і іншыя пачуцці. Адначасова, яго фактычнае ігнараванне хлебнай манополіі дыскрэдытавала сам Часовы ўрад, узмацняла сацыяльную напружанасць у гарадах і на фронце і тым стварала глебу для чарговай рэвалюцыі.

Ключавыя словы: рэвалюцыя, «цвёрдыя цэны», хлебныя запасы, аграрнае пытанне, рэквізіцыі, дэфіцыт.

I. M. Ryzhankou

Belarusian State Technological University

**FOOD POLICY OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT IN BELARUS
(SEPTEMBER – OCTOBER 1917)**

The article deals with the role and place of the food issue in the policy of the Provisional Government from September to October 1917. The author notes that in July 1917 with a breakdown of military operations and political crisis, worsening of the deficit of industrial goods, inflation reduced the size of the sale of the state grain of the township food committees authorize the seizure of the landlords' crops, pastures and fall. Increasing the secret sale of grain at high prices, distributed distillation. Increasing the Provisional Government in late August «fixed prices» for bread twice did not solve the situation radically. At the stage of formation of a new political and economic system of the interests of the peasant as a producer and the owner turned out to be higher than its class, civic, patriotic and other feelings. At the same time, ignoring his actual grain monopoly discredited itself the Provisional Government increased the social tensions in the cities and on the front and created the ground for the next revolution.

Key words: revolution, «fixed prices», grain stocks, the agrarian question, requisition, shortage.

Уводзіны. Напачатку ажыццяўлення сваёй харчовай палітыкі Часовы ўрад рэальна ацаніў яе значнасць для грамадства і дзяржавы, вызначыў прыцягальныя арыенціры для працоўных і землеўласнікаў (перамога ў вайне, скліканне Устаноўчага сходу), забяспечыў абранне дэмакратычных выканаўчых органаў, маральны і практычны ўдзел усіх пластоў грамадства і г. д. З другога боку, паставіўшы на мэце ажыццяўленне «хлебнай манополіі», кабінет міністраў разам і паасобку (міністэрства земляробства, міністэрства харчавання, ваеннае міністэрства і інш.) пераацаніў ступень усведамлення сялянамі яе грамадскай неабходнасці і выкарыстаў метады нават больш жорсткія, чым пры царызме – поўная забарона продажу хлеба на рынку, крымінальная адказнасць за яго тайны продаж або падачу недакладных звестак аб хлебных запасах, рэквізіцыі за палову цаны, рэзкае абмежаванне забеспячэння таварамі першай неабход-

насці і прадуктамі з паўднёвых раёнаў. Зразумела, што не ўсе гэтыя з'явы варта ставіць у віну тагачаснаму ўраду, тым больш – яго органам на месцах [1].

Асноўная частка. Пагроза для хлебнай манополіі выявіла сябе яшчэ ў ліпені 1917 г., калі вытворцы сельгаспрадуктаў, асабліва сяляне, адчулі пэўную заганнасць у сістэме нарыхтовак, якая пазбаўляла іх магчымасці вольна распараджацца нават невялікай часткай сваіх прадуктаў. Так, крамы харчовых камітэтаў і кааператыўных арганізацый прадавалі рэквізаванае ў вытворцаў жыта па 3 руб. 85 кап. за пуд. У некаторых мясцінах сяляне выказвалі абурэнне тым, маўляў, «ад нас бяруць хлеб па 2 руб. 17 кап., а земства прадае муку па 5 руб. 50 кап. за пуд» [2].

Мала таго, удзел сялянства ў харчовых праграмах Часовага ўрада не абмяжоўваўся хлебнарыхтоўкамі. Гэтак жа абавязковай пастайцы для патрэб арміі і горада падлягала мяс-

ная прадукцыя, якая набывалася дзяржавай па фіксаваных цэнах. У большасці выпадкаў, як на павятовых, так і валасных узроўнях, падчас складання нарыхтоўчых заданняў, перавага надавалася прыватнаўласніцкай жывёле. Такія падыходы членаў харчовых камітэтаў у ажыццяўленні мясных рэквізіцый не мелі класавага характару, а здзяйсняліся ў залежнасці ад аб'ектўнага становішча гаспадаркі.

У такіх умовах рэквізіцыі новага ўраджаю ў кожнай з беларускіх губерній набывалі свае асаблівасці, але ў цэлым іх стан пагоршыўся. Нават нягледзячы на тое, што Часовы ўрад напрыканцы жніўня ўдвая павялічыў закупачныя цэны на жыта да 5 руб. 40 кап., пшаніцу – 7 руб. 40 кап., ячмень – 5 руб. 25 кап., грачыху – 7 руб. 25 кап., проса – 6 руб. 45 кап. і гарох – 7 руб. 20 кап.

Сялянскае ўхіленне ад рэквізіцый тлумачылася яшчэ і сацыяльнымі матывамі. Па словах газеты магілёўскага земства «Могилевская жизнь» ад 24 верасня, селянін прытрымліваў хлеб, бо «думаў, што горад не хоча даць яму паркалю, цукру, газы, цвікоў...». «Скрозь і паўсюдна сяляне вераць, – пісала газета «Свободное слово. Известия Горецкого Совета крестьянских депутатов» ад 24 верасня, – што рабочыя вінаваты ў дарагоўлі жыцця, таму што яны ўвялі ў сабе на фабрыках 8-гадзінны працоўны дзень і патрабуюць павелічэнне платы... На гэтай глебе развіваецца варожасць вёскі да працоўных».

Вясковыя жыхары Віленскай губерні, наогул, лічылі хлебную манаполію несправядлівай «з прычыны прапануемых спекулянтамі велізарных цэн і празмернай дарагоўлі ўсіх прадметаў першай неабходнасці» [3]. Напрыклад, напрыканцы лета плуг каштаваў 60 руб., сякера – 10 руб., серп – 10 руб., вілы для сена – 4 руб. 50 кап., вілы для гною – 7 руб. 50 кап., рыдлёўка – 6 руб. 50 кап., падвода – 450 руб.

Усведамляючы неабходнасць стымуляцыі сялянства ў выкананні заданняў па харчовых нарыхтоўках, Часовы ўрад прыкладаў намаганні для забеспячэння яго патрэб у прамысловых таварах, найперш у сельскагаспадарчых прыладах працы і тэхніцы. Гэтая функцыя была ўскладзена на харчовыя камітэты ўсіх узроўняў на чале з міністэрствам. Пад канец жніўня ведамства перадала ў распараджэнне Мінскага губернскага харчовага камітэта 3000 пудоў драцяных цвікоў. Работнікі міністэрства падрыхтавалі для размеркавання ў першую чаргу для сельскага насельніцтва па цвёрдых цэнах (50–60 кап.) звыш 12 млн. аршын мануфактурных вырабаў (Віцебская, Магілёўская, Ніжагародская і іншыя губерні) [4].

Як і раней, сіламі цэнтральных урадавых органаў адбывалася транспарціроўка з паўднё-

вых рэгіёнаў імперыі ва ўскраінныя, так званыя «спажывецкія» губерні, у тым ліку беларускія, хлебнай мукі лепшых гатункаў, цукру, алею і іншых прадуктаў. Але з сярэдзіны лета гэтыя пастаўкі рэзка зменшыліся. Магілёўская губерня ўжо не магла разлічваць на дапамогу жытам. Мінская губерня замест штомесячнай нормы хлеба ў 300 вагонаў атрымала толькі 50. 13 жніўня Віцебскі харчовы камітэт канстатаваў, што «...губерня ў бягучым годзе не можа разлічваць на прыток хлеба, і на мясцовы хлеб у нас адзіная надзея» [5].

Гэты працэс яшчэ больш ускладніўся, калі ў пачатку верасня міністэрства харчавання выпрацавала нормы спажывання для грамадзян, пракорму жывёлы, засева палёў і г. д. У прыватнасці, па нормах мясечнага спажывання аднаму едаку пакідаўся адзін пуд збожжа. Паводле разлікаў Магілёўскага губернскага камітэта, для вяскоўцаў усталёўвалася норма – 12 пудоў мукі на год, а для пракорму жывёлы – 80 пудоў фуража на карову і 150 пудоў на каня.

З улікам таго, што на Малілёўшчыне добра ўрадзілі бульба і грэчка, жыхары губерні, роўна як і Міншчыны, мелі добрыя шанцы пражыць да новага ўраджаю на ўласным хлебце [6]. Што датычыць Віцебскай губерні, то, як зазначалася губернскім камітэтам, «галоднымі» паветамі лічацца: Дзвінскі, Рэжыцкі, Люцынскі і напалову «галоднымі»: Себежскі, Дрысенскі. Здавальняючае становішча: Невельскі, Гарадоцкі, Віцебскі і Веліжскі паветы. Лішкі прадуктаў маюцца толькі ў Лепельскім павеце». Карэспандэнт «Витебского слова» 8 кастрычніка паведамляў, што рыначныя цэны на жыта ўзняліся ў кастрычніку да 20–30 руб. за пуд.

Таму сяляне імкнуліся схаваць збожжа ад рэквізіцыі, каб пры выпадку прадаць яго тым, хто плаціў больш, чым нарыхтоўчыя службы. Натуральна, што рэалізацыя прадуктаў, дазволена для продажу (малако, яйкі, гародніна), на рынку адбывалася «па празмерна высокіх цэнах» для гараджан. Паводле карэспандэнта «Могилевской жизни» ад 28 верасня 1917 г. «...Цэны сталі жахлівымі. За кураня патрабуюць 9–10 руб., качан капусты – 1 руб. – 1 руб. 50 кап., гарлач смятаны – 2 руб. 50 кап. За пуд ячменя – 15 руб.».

Нават на валасным узроўні спрабавалі спыніць гэтую негатыўную тэндэнцыю. Так на пасяджэнні Слабода-Пырашэўскага валаснога харчовага камітэта 26 жніўня вырашылі прызначыць дзённы і начны дазор па дарогах да м. Узда для дастаўкі ва ўправу асоб, якія мусяць займацца спекуляцыяй [7]. 7 верасня членамі Каз'янскага харчовага камітэта затрыманы 10 пудоў «тайна праданай жытняй мукі правазімай праз с. Каз'яны жыхаром в. Суруўкі

Гудыным» [8]. У адпаведнасці з пратаколам пасяджэння Замошскага валаснога харчовага камітэта ад 8 верасня за недапушчэнне да ўліку ўпаўнаважаных асоб, самавольны вываз хлябоў ці ўтойванне ад уліку прадуктаў падлягала турэмнае пакаранне да 6 месяцаў або грашовое пакаранне (300 руб.). 22 кастрычніка Грыцэвічскі валасны харчовы камітэт паставіў у мэтах барацьбы «з спекуляцыйнай надзор за продажам і набыццём збожжа і іншых прадуктаў» узнагароджваць асоб, якія выявілі таемны продаж па 50 кап. узнагароджання з пуда [9].

У цэлым, дзяржаўнае павелічэнне цэн на хлеб і фуражныя культуры, а таксама намаганні харчовых камітэтаў часткова дасягнулі мэты. З усталяваннем 8 верасня камандуючым Заходнім фронтам ген. Балувым нормаў спажывання для мясцовага насельніцтва, значна ніжэйшых за дзяржаўныя, істотнага прытоку прадуктаў і фуражу для патрэб вайскоўцаў не назіралася. Перспектыва «сесці на паёк» пры дэфіцыце і дарагоўлі прамысловых вырабаў штурхала сялян на паршэнне «хлебнай манаполіі». Большая іх частка імкнулася зменшыць аб'ём абавязковых да продажу прадуктаў з тым, каб збыць неўлічаную іх частку спекулянтам. Як сведчылі вынікі перапісаў, у сваіх справаздачах абраныя сяляны харчовыя ўправы валасцей і паветаў часта завышалі патрэбы ў хлебе, фуражы, насенні і абгрунтоўвалі неабходнасць павелічэння нормаў спажывання.

На трэцім этапе распачатай працы па ўліку і нарыхтоўцы новага ўраджаю надзвычай абвастралася яшчэ адна, не менш небяспечная для грамадства і дзяржавы праблема самагонаварэння. З аднаго боку, выраб спіртowych напояў адбіраў значную частку прадуктаў, якіх і без таго не ставала, асабліва ў гарадах і мястэчках, а разам з ім – уплываў на ўзмацненне дарагоўлі наогул. З другога боку, распаўсюджванне п'янства ў прыфрантавой Беларусі негатыўна адбівалася на бяздольнасці дзеючай арміі і падтрыманні парадку ў яе тыле. Варта прыгадаць, што гэтая праблема існавала і да рэвалюцыі, але яе маштабы з-за эфектыўных паліцэйскіх захадаў былі непараўнальна меншыя. На той час асноўнымі спажывальцамі брагі, самагону і г. д. былі самі сяляне, радзей гараджане, але ніяк не салдаты. З усталяваннем новага ладу ў Расіі як рэфарматары, так і рэвалюцыянеры прыкладалі шмат намаганняў для выкаранення гэтай ганебнай і небяспечнай для дзяржавы і грамадства з'явы. Крымінальная адказнасць за самагонаварэнне (турэмнае зняволенне да 1 года) плёну не прыносіла. У прыватнасці, летам «ханжу» і «самагонку» можна было знайсці ў гарадскіх кавярнях і чайных.

Дэмакратызацыя армейскага жыцця, акрамя іншага, значна паслабіла ўладу камандзіраў над салдатамі, і вайсковую дысцыпліну наогул. Гэты працэс абумовіў заняпад «рэвалюцыйнага абаронніцтва», а разам з ім і ўзрастанне анархічных працэсаў. Невыпадкова, што летам асноўным спажывальцам алкагольных напояў становіцца вайскоўцы тылавых часцей, а за імі і самі акупнікі. Паводле загада начальніка штаба Стаўкі ген. Лукомскага ад 8 жніўня за № 40, належаў тэрмінова ўпарадкаваць выдачу спірту і віна, паколькі ў мэтах іх пошуку ў тыл накіроўваліся «масавыя камандзіроўкі чыноў дзеючай арміі» [10].

Эканамічная выгада нелегальнага вырабу самагону на продаж была відавочнай. Так, у верасні, паводле паведамлення Віленскага губернскага камісара, перагонка збожжа на «спірт» давала сялянам да 100 руб. прыбытку з аднаго пуда жыта. Абураліся гараджане на старонках «Вітэбскага слова» ад 4 кастрычніка, што ў Веліжскім павеце Віцебшчыны пераганялася штодзень да 1000 пудоў жыта, што «магло б пракарміць да 30 000 чалавек, ці 6000 сямей». Аб падобнай сітуацыі, але ўжо ў Магілёўскай губерні, паведамляў старшыня губернскага харчовага камітэта І. М. Мусерскі.

На старонках «Бобруйскага кур'ера» ад 12 кастрычніка прадстаўнікі харчовых арганізацый Міншчыны паведамлялі, «губерня ператварылася ў адзіны каласальны вінакурны завод, які забяспечвае гарэлкай-самагонкай фронт... Сяляне не даюць гораду хлеба, а каласальная колькасць пудоў жыта і бульбы ідзе на перагонку спірту, які паўсюдна распрадаецца па высокіх цэнах».

Відавочна, што нават пры чарговым урадавым павышэнні «цвёрдых цэн» на збожжа і іншыя прадукты, устойлівы попыт вайскоўцаў на алкаголь забяспечваў сялянам такі ж устойлівы прыбытак. У гэтым, на думку аўтара, асноўная прычына таго, што ўсе сродкі барацьбы органаў Часовага ўрада супраць гэтай з'явы так і не далі дзейных вынікаў.

Наогул, у верасні-кастрычніку харчовая праблема працягвала абвастрацца. Сялянства парушала дамовы з памешчыкамі і арандатарамі, узятых абавязацельстваў па пастаўках фуражу, ухілялася ад рэквізіцый і г. д. Нягледзячы на павышэнне дзяржавай «цвёрдых цэн» на фураж, яе нарыхтоўчыя органы былі не ў стане канкураваць з прапановамі рынка. Так, «Могилевская жизнь» ад 6 кастрычніка паведамляла, што на прапанову прадаць сена сялянін с. Лабанаўкі Магілёўскай губерні адказваў: «Цаны сапраўднай яшчэ няма. За стажок пудоў у 200 давалі 300 руб., – казаў ён, – але я і за 400 зараз не прадам».

Як паведамляў старшыня Гарадоцкага харчовага камітэта С. Пакроўскі, «настрой вёскі падцвёрдзіўся... у армію хлебныя прадукты грамадзянамі валасцей ахвяруюцца, але за грошы па цвёрдых цэнах паступленняў няма» [11]. У той самы час, як зазначалася вышэй, незлічона колькасць прадуктаў ішла на выраб самага ну і продаж яго вайскоўцам. Па словах Віленскага губернскага камісара В. С. Балая, у вяскоўцаў адначасова суіснавалі патрыятычныя пачуцці, павага да парадку і «несімпатычная рыса розуму – хітрасць». Яшчэ ў чэрвені 1917 г. партыйны орган энэсаў «Народнае слова» заўважыў: «Мужыцкі розум... вельмі хітры, вельмі заклапочаны выкананнем уласнай выгады».

Восенню 1917 г. армія і гараджане ў плане забеспячэння прадуктамі трапіла ў становішча, значна больш горшае, чым да рэвалюцыі. На пасяджэнні Віцебскага губернскага харчовага камітэта 28–29 верасня вырашана хадайнічаць перад міністэрствам харчавання аб павышэнні для Віцебскай губерні цвёрдых цэн на рэквізіруемую жывёлу да 17 руб. за пуд.

«Новое Варшавское утро» ад 1 кастрычніка паведамляла, што сяляне не выпускалі набытую Мінскай гарадской думай муку (800 пуд.). Паводле «Гомельскай копейкі» ад 3 кастрычніка на нарадзе франтавой, армейскіх і корпусных камісій па забеспячэнню Заходняга франту вырашана па прычыне малага паступлення збожжа і мукі разаслаць прадстаўнікоў арміі «каб паведаць аб патрэбах сыноў і бацькоў».

Неўзабаве, ажыццяўленне рэквізіцый стала набываць прымусовы характар з прыцягненнем ваеннай сілы. Так Віцебскі губернскі харчовы камітэт выказаўся за стварэнне «ваенных рэквізіцыйных атрадаў» і ўдзел у іх міліцыі, дружин, складзеных з гараджан, працоўных і салдат [12]. У сваю чаргу, ваеннае камандаванне падтрымала прапанову. Галоўны начальнік Дзвінскай ваеннай акругі хада-тайнічаў аб камандзіраванні ў кожны павет Віцебскай губерні па роце драгун для «садзеяння прымусоваму адчужэнню хлеба» [13]. На пасяджэнні 15 кастрычніка Гарадоцкага павятовага харчовага камітэта адзінагалосна выказаліся за нарыхтоўку збожжавага фуражу з удзелам ваеннай сілы [14].

Паводле «Витебского слова» ад 24 кастрычніка для патрэб арміі ў Люцынскім, Рэжыцкім, Себежскім і Невельскім паветах рэквізіцыі мяса здзяйсняліся павятовымі харчовымі ўправамі

пры ўдзеле прадстаўнікоў ваеннага ведамства. Аналагічную працу распачала камісія Рэчыцкага Савета сялянскіх дэпутатаў, якая ў суправаджэнні салдат збірала хлеб для арміі.

Заўважым, што ў кастрычніку і пазней рэквізіраваныя запасы хлеба ў маёнтках заставаліся практычна некранутымі і ўяўляліся прыцягальным аб'ектам для некаторых пластоў жыхарства і асабліва вайскоўцаў

Заклучэнне. У Беларусі па многіх прычынах азначаныя хібы выяўляліся вельмі выразна. Па-першае, вясной – напачатку лета 1917 г. мясцовае сялянства з'яўлялася не толькі аб'ектам харчовай палітыкі Часовага ўрада, але і актыўна на яе ўплывала. Але ж, як толькі ўмацавалася тэндэнцыя да поўнай немагчымасці свабоднай куплі-продажу збожжавых культур і іншай харчовай прадукцыі, беларуская вёска адрэагавала на гэта стыхійным ухіленнем ад рэквізіцый.

Па-другое, сапраўды, харчовыя камітэты ўсіх узроўняў у цэлым правялі велізарную станоўчую работу, асабліва, па забеспячэнні бяднейшых пластоў насельніцтва і бежанцаў. Іх намаганнямі ўдалося рэквізаваць новы ўраджай, але галоўным чынам, у маёнтках. Дробны ж уладальнік у сваёй масе вельмі неахвотна прадаваў сваю прадукцыю, нават па цвёрдых цэнах, нават, калі да таго заклікалі свае ж вясковыя кіраўнікі або савецкія дзеячы. У выніку, продаж хлеба, фуража і іншай вясковай прадукцыі дзяржаўным нарыхтоўчым службам не набыў сістэмнага, а самае галоўнае арганізаванага характару.

Сялянства ў цэлым засталася прыхільнікам вайны да перамогі, актыўна ўдзельнічала ў ваенных пазыках і зборы сродкаў для франтавікоў. Але не больш за тое. Відавочна, што такое стаўленне сяліны да харчовай палітыкі было своеасаблівай рэакцыяй на агульнае пагаршэнне палітычнага і сацыяльна-эканамічнага становішча, якое перажывала расійскае грамадства. На тым этапе станаўлення новай палітычнай і эканамічнай сістэмы інтарэсы сяліны як вытворцы і ўласніка апынуліся вышэй за яго класавыя, грамадзянскія, патрыятычныя і іншыя пачуцці. Адначасова, яго фактычнае ігнараванне хлебнай манаполіі дыскрэдытавала сам Часовы ўрад, узмацняла сацыяльную напружанасць у гарадах і на фронце і тым стварала глебу для чарговай рэвалюцыі.

Літаратура

1. Рыжанкоў І. М. Беларускае сялянства і харчовая палітыка Часовага ўрада (сакавік – кастрычнік 1917 г.) // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гум. навук. 2006. № 3. С. 70–78.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Фонд 60. Воп. 3. Спр. 242. Л. 234–235.
3. НАРБ. Фонд 60. Воп. 3. Спр. 158. Л. 23.

4. Снабжение тканями // Могилевская жизнь. 1917. 9 августа. С. 2.
5. НАРБ. Фонд 624. Воп. 1. Спр. 59. Л. 142.
6. НАРБ. Фонд 640. Воп. 2. Спр. 10. Л. 120–121.
7. НАРБ. Фонд 640. Воп. 2. Спр. 30. Л. 31.
8. НАРБ. Фонд 624. Воп. 1. Спр. 7. Л. 136.
9. НАРБ. Фонд 640. Воп. 2. Спр. 21. Л. 136.
10. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Фонд 14944. Зборнік загадаў Стаўкі Вярхоўнага галоўнакамандуючага.
11. НАРБ. Фонд 624. Воп. 1. Спр. 7. Л. 39.
12. НАРБ. Фонд 624. Воп. 1. Спр. 59. Л. 170.
13. НАРБ. Фонд 624. Воп. 1. Спр. 59. Л. 166.
14. НАРБ. Фонд 624. Воп. 1. Спр. 7. Л. 260.

References

1. Ryzhankou I. M. Belarusian peasants and food policy of the Provisional Government (March – October 1917). *Vestsi Natsional'noy Akademii nauk Belarusi. Seriya gumanitarnykh nauk* [Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Series of humanitarian Sciences], 2006, no. 3, pp. 70–78 [In Belarusian].
2. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 60. I.3. Case 242. L. 234–235.
3. NARB. Fund 60. I. 3. Case 158. L. 23.
4. Fabrics supply. *Mogilevskaya zhizn'* [Mogilev life], 1917, 9 August, p. 1.
5. NARB. Fund 624. I. 1. Case 59. L. 142.
6. NARB. Fund 640. I. 2. Case 10. L. 120–121.
7. NARB. Fund 640. I. 30. Case 30. L. 31.
8. NARB. Fund 624. I. 1. Case 7. L. 136.
9. NARB. Fund 640. I. 2. Case 21. L. 136.
10. National Historical Archives of Belarus. Fund 14944. Collection of orders of the Staff of the Army of the Western Front.
11. NARB. Fund 624. I. 1. Case 7. L. 39.
12. NARB. Fund 624. I. 1. Case 59. L. 170.
13. NARB. Fund 624. I. 1. Case 59. L. 166.
14. NARB. Fund 624. I. 1. Case 7. L. 260.

Інфармацыя пра аўтара

Рыжанкоў Ігар Міхайлавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Святлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: im@belstu.by

Information about the author

Ryzhankou Ihar Mikhaylavich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: im@belstu.by

Пасмуніў 23.03.2017

УДК 331.108.3–054.72«1918/1939»

В. У. Коваль

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНАЯ І ПСІХАЛАГІЧНАЯ АДАПТАЦЫЯ
БЕЛАРУСКІХ ЭМІГРАНТАЎ У МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД**

У артыкуле разглядаюцца падыходы да азначэння праблемы сацыяльна-эканамічнай і псіхалагічнай адаптацыі беларускіх эмігрантаў з 1918 па 1939 г. Асноўная ўвага надаецца аналізу першаснай, індывідуальнай адаптацыі эмігрантаў і працэсу акультурацыі, а таксама іх ацэнкам. Аўтар даследуе працэс фарміравання і развіцця нацыянальнай ідэнтычнасці ў асяродку беларусаў замежжа міжваеннага часу.

Артыкул прадстаўляе культурную адаптацыю як працэс інтэграцыі асобы ў новую культуру. Асабліва ўвага прысвечана аналізу псіхалагічнай адаптацыі. Палітычная дзейнасць беларускіх эмігрантаў была важным фактарам іх адаптацыі да новых умоў жыцця. Аўтар прыходзіць да высноў, што эканамічныя і палітычныя эмігранты адчувалі культурны шок у час працэсаў акультурацыі і першаснай адаптацыі. Вынікі даследавання прапануюцца для выкарыстання не толькі беларускім гісторыкам, але таксама псіхолагам і сацыёлагам.

Ключавыя словы: беларуская дыяспара, эміграцыя, псіхалагічная адаптацыя, сацыяльная адаптацыя, акультурацыя, першасная адаптацыя, нацыянальная ідэнтыфікацыя.

V. U. Koval

Belarusian State Technological University

**SOCIAL, ECONOMIC AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION
OF BELARUSIAN EMIGRANTS DURING THE INTER-WAR PERIOD**

The article considers approaches to the problem of social, economic and psychological adaptation of Belarusian emigrants from 1918 till 1939. The focus is made on the analysis of individual and primary adaptation of emigrants and the process of acculturation, as well as their evaluation. The author examines the process of formation and development of the national identity among Belarusians abroad during the inter-war period.

The article demonstrates that the cultural adaptation was the process of integration into a new culture. Particular attention is paid to the analysis of the psychological adaptation. Political activities of Belarusian emigrants were the important factors for their adaptation to the new condition of the life. The author comes to the conclusion about the culture shock during the acculturation and primary adaptation for the labour and political emigrants. The research proposes to use not only for Belarusian historians, but also for psychologists and sociologists.

Key words: Belarusian diaspora, emigration, psychological adaptation, social adaptation, acculturation, primary adaptation, national identity.

Уводзіны. У сучасных гістарычных работах толькі пачынаецца афармленне адаптацыйнага кірунку даследавання беларускай дыяспары. Тэма адаптацыйных працэсаў павінна прыцягнуць да сябе вучоных з розных галін навукі, бо яна ілюструе няпростыя лёсы беларусаў, якія апынуліся на чужыне ў міжваенны час, іх страхі, праблемы, турботы, а таксама ідэі кансалідацыі і ўзаемадапамогі.

Асноўная частка. Вывучэнне псіхалагічнай і культурнай адаптацыі эмігрантаў як правіла праводзіцца ў кантэксце акультурацыі. Акультурацыя – навучэнне нормам і навыкам прымаючага грамадства. Вызначаны працэс двухбаковы, абапіраецца на ўзаемадзейне этнічнай меншасці, якую складаюць эмігранты, з этнічнай большасцю насельніцтва краіны-рэцыпіента. Акультурацыя праходзіць бесперапынна для саміх эмігрантаў, яе вынікам становяцца змены па-

водзін, рэакцый і стылю жыцця. Першапачатковая адаптацыя найбольш цесна звязаная з акультурацыяй, узаемаўплывамі розных культур.

Адаптацыя кожнай асобы ў прымаючым грамадстве – гэта ўнікальны працэс, які можа адрознівацца ад групавых характарыстык развіцця дыяспары. Аснову міжваеннай эміграцыйнай хвалі складалі жыхары Заходняй Беларусі, якая з 1921 па 1939 г. была пад уладай Польшчы. Пры даследаванні адаптацыі і акультурацыі варта памятаць пра матывы эміграцыі. Большасць беларускіх эмігрантаў пакідала краіну пражывання па эканамічных матывах (перанаселенасць вёскі, дыскрымінацыя нацыянальных меншасцей у Другой Рэчы Паспалітай, голад).

Рэальна распрацаваных палітычных праграм па прыёму эмігрантаў у краінах пражывання і іх адаптацыі ў міжваенны перыяд не было.

У структуры польскіх эміграцыйных органаў асноўную ролю выконваў Варшаўскі эміграцыйны сіндыкат, які меў разгалінаваную сетку аддзелаў. Сіндыкат спрабаваў праводзіць работу з насельніцтвам, каб спрыяць сацыяльна-эканамічнай адаптацыі эмігрантаў, але вынікі яго дзейнасці высока ацаніць немагчыма.

У перыяд фарміравання беларускай дыяспары ўзнікаюць першыя грамадскія арганізацыі, аб'яднанні і саюзы ў розных краінах свету. Патрэбнасць асоб у самаарганізацыі звычайна з'яўляецца натуральнай рэакцыяй у чужым сацыякультурным асяродку. Першыя беларускія суполкі і арганізацыі не змаглі аб'яднаць усіх эмігрантаў, яны не сталі адразу масавымі і папулярнымі, а некаторыя ўвогуле хутка зніклі. На першапачатковым этапе эмігрантам не хапіла арганізацыйнага вопыту ў развіцці сваіх аб'яднанняў. Нацыянальныя арганізацыі за мяжой маглі б дапамагчы вырашэнню вострых пытанняў, пастаўленых перад эміграцыяй, аказаць падтрымку ў індывідуальнай адаптацыі, наладзіць юрыдычнае кансультаванне, развіваць культурную і асветную дзейнасць. Недахоп беларускіх грамадскіх аб'яднанняў шмат у якіх краінах свету негатыўна адбіўся на працэсах сацыяльна-эканамічнай адаптацыі эмігрантаў. Як вынік, беларусы замежжа далучаліся да іншых, больш колькасных і арганізаваных славянскіх дыяспар.

Пры вывучэнні адаптацыйных працэсаў міжваеннай эміграцыйнай хвалі асаблівую ўвагу неабходна ўдзяліць псіхалагічнаму аспекту. Заканамернасць псіхалагічнай адаптацыі эмігрантаў падрабязна даследуюць спецыялісты ў галіне сацыяльнай псіхалогіі. У працэсе даследавання тэмы варта ўлічваць псіхалагічны бар'ер, выкліканы асаблівым псіхічным станам, які можна характарызаваць як сіндром адчужэння [1]. Нярэдка эмігранты імкнуліся да міжкультурных кантактаў у нефармальных зносінах, але сустрэкалі рэакцыю ігнаравання з боку нацыянальнай большасці.

У працэсе першапачатковай адаптацыі гублялася псіхалагічная ўстойлівасць асоб. Фактычна кожны эмігрант перажываў культурны шок у іншым грамадстве, паспяхова сьць пераадолення страху непасрэдна залежала ад яго індывідуальных псіхалагічных характарыстык. Найбольш складана адаптацыя праходзіла ў перыяд Вялікай дэпрэсіі 1929–1932 гг.

Асобам было няпроста пры сацыялізацыі на чужыне, калі яны пакідалі сям'ю, сяброў, звыклую абстаноўку. «На чужой старане заўсёды нудна жывецца... ды дзе цяпер весела! Але зусім цяжка і нудна, калі яшчэ здарыцца якая-небудзь няўдача, або пачуеш нешта зусім дрэннае» [2], – пісаў беларускі эмігрант у 1924 г. у адным са сваіх лістоў. Асаблівая цяжкасць для

эмігрантаў уяўляў моўны бар'ер, калі няведанне замежнай мовы становілася праблемай у камунікацыях з аўтэнтонным насельніцтвам. Часткова псіхалагічнае напружанне здымала эміграцыйная прэса (у тых краінах, дзе яна распаўсюджвалася).

Беларускамоўная прэса эмігрантаў ліквідавала інфармацыйную ізаляванасць у адносінах да навін з Бацькаўшчыны. Перыёдыка дыяспары становілася не толькі крыніцай інфармацыі, але і сродкам зносін, а часам нават вучэбным дапаможнікам пры засваенні граматычнасці эмігрантамі [3]. На вялікі жаль, у 1920–1930-ыя гг. толькі пачынаецца працэс станаўлення прэсы беларускага замежжа, выданні выходзілі нерэгулярна, іх было мала.

Значна спрыяла псіхалагічнай адаптацыі эмігрантаў магчымасць падтрымліваць сувязь са знаёмымі і сваякамі на Бацькаўшчыне, ліставанне, перасылка грошай і вопраткі. Сувязь эмігрантаў з метраполіяй нярэдка становілася асноўным стымулам для прадстаўнікоў эканамічнай хвалі ў пошуках заробкаў, каб матэрыяльна дапамагчы сваякам, зацвердзіцца ў сваіх вачах і пераканаўча прадэманстраваць поспех для свайго сацыяльнага асяродка на радзіме.

Сярод асноўных аспектаў адаптацыйных працэсаў варта таксама выдзяліць навучэнне новаму стандарту паводзін у прымаючым грамадстве, які дазваляў паспяхова ўзаемадзейнічаць з аўтэнтонным насельніцтвам. У сучаснай тэрміналогіі дыяспаральнасць ўжываецца паняцце «культурная дыстанцыя» [4] пры вывучэнні працэсаў акультурацыі, якая абапіраецца на розніцу культурных рыс жыцця і побыту эмігрантаў і грамадзян прымаючага грамадства. Найбольш акрэсленую культурную дыстанцыю ў сваіх успамінах, дзённіках і лістах фіксавалі тыя асобы, якія выехалі ў краіны Паўднёвай Амерыкі ў міжваенны час (большасць патрапіла ў Аргенціну і Бразілію).

Значна ўскладнялі псіхалагічную адаптацыю эмігрантаў іх падманутыя чаканні, калі рэчаіснасць відавочна разыходзілася з абяцаннямі агентаў карабельных кампаній і ўласнымі марамі пра замежжа. У міжваенны час у масавай свядомасці сфарміраваўся ўстойлівы міф аб «казачным жыцці» ў Амерыцы, які ўскладняў індывідуальную адаптацыю асоб, што ехалі на іншы кантынент. Скажэнне інфармацыі аб побыце эмігрантаў прыносіла чысты прыбытак карабельным таварыствам і іх агентам, з мэтай стымуляцыі эміграцыі распаўсюдзілі гісторыі шалёных заробкаў, а часам выпускаліся спецыяльныя рэкламныя артыкулы ў папулярных беларускамоўных перыядычных выданнях.

Прыкладам рэкламных матэрыялаў стала апавяданне «Амерыканец» [5], апублікаванае ў

газеце «Беларуская Крыніца» ў 1927 г. Матэрыял нагадвае вясковую гісторыю-чутку пра паспех звычайнага хлопца, які за некалькі год у Амерыцы зарабіў столькі грошай, што яму павінна было хапіць на ўсё жыццё. Доказамі для чытачоў сталі факты біяграфіі вясковага «амерыканца», які ў роднай вёсцы набыў 5 моргаў зямлі ва ўласнасць, а пасля ажаніўся на самай прыгожай дзяўчыне, зрабіўшы багатае вяселле сваякам. У апавяданні асабліва падкрэслівалася, што «амерыканец» не стаў сам апрацоўваць сваю зямлю, а перадаў яе ў арэнду брату.

Падобны матэрыял апісваў мару дзясяткаў тысяч маладых і амбіцыйных вясковых хлопцаў, якія па прыкладу галоўнага героя ехалі за мяжу ў пошуках добрых заробкаў і дабрабыту, а на самой справе – ехалі ў эміграцыю з рамантычнымі разважаннямі, часта без пэўных уяўленняў пра краіну-рэцэпіент. У масавым уяўленні назва «Амерыка» размывалася, таму пры пераказах агентаў пра лёсы эмігрантаў яна магла азначаць любую краіну Паўночнай ці Паўднёвай Амерыкі (часта гэта была Аргенціна, Бразілія, Канада, бо эміграцыя ў ЗША значна абмяжоўвалася спецыяльна ўведзенымі квотамі). У рэкламных матэрыялах беларускамоўных газет нярэдка выкарыстоўваліся эмоцыі і пачуцці чытачоў, каб заахвоціць іх да падарожжа. Расчараванне ўласным эканамічным становішчам прымушала сялян ехаць у Аргенціну, Бразілію, Парагвай, Уругвай без зваротных квіткоў, без грошай на існаванне і без дакладнага ўяўлення пра клімат, традыцыі, звычай прымаючай краіны.

Нярэдка расчараванне эмігрантаў пачыналася з падарожжа, асабліва востра ашуканства агентаў успрымалася пры цяжкім пераездзе ў краіны Паўночнай і Паўднёвай Амерыкі. Напрыклад, у 1923–1924 гг. папулярная беларускамоўная газета «Змаганьне» рэгулярна публікавала рэкламу карабельнай кампаніі «Red Star Line». Кампанія з нумара ў нумар настойліва прапаноўвала выезд у Канаду ці ЗША параходамі «Ляплянды» і «Бэльгелянды» з порта горада Антвэрпэн («Змаганьне» № 4, 10, 19 за 1923 г.). Рэгулярныя рэкламныя абвесткі за 1923 г. змяніліся разгорнутымі артыкуламі пра эміграцыю ў газеце «Змаганьне» за 1924 г. Верагодна, супрацоўнікі кампаніі «Red Star Line» імкнуліся атрымаць дадатковыя прыбыткі, таму публікавалі артыкулы, якія павінны былі стымуляваць да эміграцыі тых асоб, што яшчэ вагаліся ў сваім рашэнні.

Напрыклад, маркетынжавы ход з павышэннем коштаў на квіткі павінен быў прынесці дадатковы прыбытак у бліжэйшай перспектыве, фактычна адразу пасля публікацыі наступнай інфармацыі: «Параходная суполка «Red Star

Line» дала нам значь, што чакаецца падвышка цэнаў шыфскартаў на 15–20 даляраў, дзеля гэтага, каб гарантаваць сябе на атрыманьне шыфскарта па старой цане, трэба паспяшыць з уносам задатку ў кантору «Red Star Line» ў Вільні» [6]. Кароткатэрміновы характар акцыі вымушаў жадаючых эміграваць уносіць аванс без дакладных уяўленняў пра суправаджаючыя дакументы для легалізацыі ў прымаючай краіне.

Газета «Змаганьне» для рэкламы карабельнай кампаніі выкарыстоўвала не толькі абвесткі, але і эмацыйныя лісты саміх эмігрантаў, якія быццам бы былі пад такім уражаннем ад вандроўкі, што нават пісалі ў газету. У рэкламных акцыях «Red Star Line» 1923–1924 гг. прасочвалася прафесійнае ўяўленне страху і жаданняў патэнцыйных кліентаў. Напрыклад, вытрымка з ліста Рыўкі Мускат, якая выехала 3-м класам на параходзе «Lapland» таварыства «Red Star Line» у Паўночную Амерыку, з'яўляецца прыкладам прафесійнай і нават агрэсіўнай рэкламы. Абсалютна пазітыўныя ацэнкі Рыўкі Мускат пра падарожжа пераканаўча расейвалі чуткі пра цяжкую вандроўку праз акіян, дрэннае харчаванне, цесную каюту ці марскую хворобу. Чытачу, які паверыў у апублікаваны ліст, таксама хацелася здзейсніць падарожжа на далёкі кантынент. Дадзены ліст з'яўляецца класікай рэкламнай прадукцыі: «Увесь час на параходзе я чулася дужа добра і зусім здаровай. Есці давалі падаткам колькі і чаго хто хацеў. Сталаваньне складалася з розных патраваў: так напр. на сьнеданьне давалі: каву, 2 яйкі, масла, селядцы, чалядэрскі сыр, бульбу. Цукерніцы з цукрам былі растаўлены па ўсіх сталох. Усякі еў тое, што яму падабалася. На абед давалі: зупу, мяса, рыбу, кашу, кампот. Больш заставалася, чым з'ядалі» [7]. У сваім лісце Рыўка Мускат просіць брата Язэпа завітаць у кантору «Red Star Line» з падзякай за яе шыкоўнае падарожжа.

Рэгулярны і настойлівы рэкламны матэрыял у «Змаганьні» вымушае супаставіць яго з іншымі публікацыямі, што адразу тлумачыць камерцыйны характар ліста Рыўкі Мускат. Задаволеная абсалютна ўсім на параходзе дзяўчына з квітком 3-га класа піша пра свабодную каюту з чыстымі белымі поцілкамі і прыгожымі коўдрамі на асобных ложках. А беларускі эмігрант Язэп Маркевіч з аналагічным квітком у сваім апублікаваным лісце падкрэсліваў цеснату для пасажыраў на судне, што стварала сур'ёзны дыскамфорт: «...drenna było jechać z grucyну wialikaj kolkaści pasażyraў i stul wialikaj niawyhody ad ciesnaty» [8]. Такім чынам, бясконцыя падзякі Рыўкі Мускат могуць быць фантазіямі саміх карабельных агентаў, якія прадавалі квіткі эмігрантам. Расчараванне асоб па-

дарожжам магло выклікаць глыбокі стрэсавы стан, але вярнуцца ўжо не было магчымасці.

Далёка не заўсёды апраўдваліся надзеі эмігрантаў на высокі ўзровень заробкаў, добрыя ўмовы працы і жыцця. Пра няпростую штодзённасць беларусаў за мяжой рэгулярна публікавала матэрыялы беларускамоўная віленская прэса. Нярэдка публікацыі падлягалі лісты эмігрантаў, якія павінны былі настроіць на цяжкія ўмовы побыту жадаючых зарабіць у замежжы. У газеце «Беларуская доля» пра жыццё беларусаў у Францыі пісалася дакладна: «Холад, вільгаць і бруд пануюць у работніцкіх кватэрах. Кожнаму работніку даюць коўдру ваўняную, але звычайна дзіравую, ды старую – па ваенна-палонных, і за гэта вылічваюць з пэнсіі па 22 франкі, пад той час, як новая коўдра каштуе ад 14 да 16 фр. ... Умывальнікаў у дамох няма, вады – таксама, за вадой трэба хадзіць да чану, дзе плавае гнілое лісьце, чэрві, ды нават здохлыя птушкі» [9], – пісалася ў артыкуле «Нядоля эмігрантаў у Францыі». Для працоўных эмігрантаў у Францыі абавязковай умовай было падпісанне кантракту, аднак яго ўмовы далёка не заўсёды вытрымліваліся працадаўцамі, часта яны плацілі меней, не сачылі за санітарыяй для наймітаў.

Псіхалагічна асоба трапляла ў сітуацыю выбару паміж аповедамі агентаў пра магчымасці замежных заробкаў і публікацыямі беларускамоўных выданняў, дзе агульная карціна жыцця эмігранта была далёка няпростай. Паспрыяць рашэнню эміграваць у выпадку ўнутраазабовага матывацыйнага канфлікту маглі пераказы аднаўскоўцаў ці знаёмых, а часам пэўныя сямейныя абставіны.

Працэс сацыяльнай адаптацыі беларусаў на чужыне быў даволі складаным. Новым жыхарам дзяржавы неабходна было засвоіць іншую сістэму маральных каштоўнасцей, іншыя нормы паводзін у грамадстве і ўвесь час імкнуцца дамагацца роўнасці ў сацыяльна-эканамічных правах. Да таго ж беларусам важна было як мага хутчэй вывучыць замежную мову, зразумець чужое заканадаўства, адчуць традыцыі прымаючага грамадства, што часта патрабавала вялікіх намаганняў і часу. Вострай праблемай для шматлікіх эмігрантаў быў пошук працы, асабліва ў перыяд сусветнага эканамічнага крызісу. Псіхалагічны дыскамфорт беларускіх эмігрантаў у Амерыцы праілюстравала газета «Bielaruskaja Krynica»: «Bielarusy ŭ Amerycy rjuć dobra wodku (samahonku) i ŭ karty hulajuć, choć, praŭda, jość i akuratnych. Ciapier u nas z rabotaj słabawata, mnohija siadziac biez raboty» [10]. Эмігранты заўсёды былі ўразлівымі да ўмоў чужога сацыякультурнага асяродка. Моцны стрэс ад згубы звычайнага вобразу жыцця,

беспрацоўе, нестабільнасць, палажэнне незапатрабаванасці нярэдка прымушалі прадстаўнікоў эміграцыі рэагаваць у спецыфічнай пратэстнай форме.

Заканамернасці адаптацыі эканамічных і палітычных эмігрантаў адрозніваліся. Калі для прадстаўнікоў эканамічнай хвалі асноўнай мэтай былі заробкі, то для асоб, уцягнутых у палітычнае жыццё, галоўнай задачай становілася самарэалізацыя ў пабудове беларускай нацыянальнай ідэі, развіцці нацыянальнай ідэнтычнасці. Колькасць палітычных эмігрантаў значна саступала беларускай эканамічнай міжваеннай хвалі. Асноўнымі цэнтрамі беларускага палітычнага жыцця сталі Чэхаславакія, Латвія, ЗША.

Упэўненасць у значнасці арганізацыйнай працы членаў беларускіх саюзаў і партый замежжа стымулявала іх, мабілізавала на новую работу, дапамагала спраўляцца з праблемамі побыту ў прымаючым грамадстве. Маральная падтрымка для эмігрантаў перыядычна гучала са старонак беларускамоўнай віленскай прэсы. «Нас паведамяюць з чэскае Прагі, што тамтэйшы ўкраінскі Пэдагагічны Інстытут, які абслугоўвае і беларускую моладзь, пастанавіў стварыць адуманую катэдру беларусказнаўства, каб гэтым дапоўніць нацыянальнае ўзгадаванне нашых студэнтаў у Празе. ... І прыдумаюць толькі, што гэта робіцца на чужыне, пад той час, як з Віленскага ўніверсітэту беларуская мова аказалася выкінутай ня толькі з універсітэцкае аўдыторыі, але і з калідораў: тут, у сэрцы Заходняе Беларусі, універсітэт зыліквідаваў выклад беларускае мовы...» [11], – пісалася ў газеце «Беларуская доля» пра супрацоўніцтва беларускіх і ўкраінскіх эмігрантаў у Чэхаславакіі. Падобныя ацэнкі дзейнасці беларускай эміграцыі аб пашырэнні роднай мовы, абуджэнні нацыянальнай свядомасці беларусаў замежжа, развіцці адукацыйных кантактаў уздымалі самаацэнку эмігрантаў, а таму спрыялі сацыяльнай і псіхалагічнай адаптацыі. Фарміраванне этнічнага самаадчування дазваляла ствараць альтэрнатыўны асяродак зносін для палітычных беларускіх эмігрантаў.

Заклучэнне. Такім чынам, даследаванне адаптацыйных працэсаў у значнай ступені пашырае ўяўленні пра станаўленне беларускай дыяспары ў міжваенны час. Камерцыйныя праекты карабельных кампаній нярэдка негатыўна ўплывалі на ўяўленні асоб пра эміграцыю, што негатыўна адбівалася на іх стане псіхалагічнага камфорта ў працэсе індывідуальнай адаптацыі. Заканамернасці адаптацыйных працэсаў эканамічных і палітычных эмігрантаў адрозніваліся тэмпамі інтэграцыі ў прымаючым грамадстве. Прадстаўнікі палітычнай хвалі намагаліся развіваць нацыянальную ідэнтычнасць дыяспары.

Літаратура

1. Поляков Ю. А. Адаптация и миграция в историческом контексте // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.). М.: Институт российской истории РАН, 2006. С. 17.
2. Запольскі М. Пісьмы з Сэрбіі // Сын Беларуса. 1924. № 32. С. 4.
3. Тарле Г. Я. Общественные организации выходцев из России в Северной Америке в исторической литературе (конец XIX – начало XX в.) // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX – начало XX в.). М.: Институт истории РАН, 1999. С. 22–23.
4. Попков В. Д. Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003. С. 57.
5. W. D. Amerykaniac // Bielaruskaja Krynica. 1927. № 7. S. 2.
6. Важна для выяжджаючых у Амэрыку і Канаду // Змаганьне. 1924. № 9. С. 4.
7. Вытрымка з пьсьма Рыўкі Мускат, якая выехала да Амэрыкі ў 3-й клясе на параходзе «Lapland» параходнага Т-ва «Red Star Line» да брата Язэпа Муската ў Вільні // Змаганьне. 1923. № 18. С. 4.
8. Markiewicz J. Z žyccia Bielarusaj u Arhientynie // Bielaryskaja Krynica. 1928. № 22. S. 4.
9. Нядоля эмігрантаў у Францыі // Беларуская доля. Вільня. 1925. № 13. С. 2.
10. Awin L. Bielarusy ŭ Amerycy // Bielaruskaja Krynica. 1926. № 5. S. 7.
11. Беларуская катэдра ў Празе // Беларуская доля. 1925. № 6. С. 4.

References

1. Polyakov Yu. A. Adaptation and migration in the historical context. *Adaptatsiya rossiyskikh emigrantov (konets XIX–XX vv.)* [Adaptation of Russian emigrants (the end of 19th century – 20th century)]. Moscow, 2006, p. 17 (In Russian).
2. Zapol'ski M. Letters from Serbia. *Syn Belarusa* [Son of Belarusian], 1924, no. 32, p. 4 (In Belarusian).
3. Tarle G. Ya. Public organizations of emigrants from Russia in North America according the historical literature. *Sotsial'no-ekonomicheskaya adaptatsiya rossiyskikh emigrantov (konets XIX – nachalo XX v.)* [Social and economic adaptation of Russian emigrants (the end of 19th century – the beginning of 20th century)]. Moscow, 1999, pp. 22–23 (In Russian).
4. Popkov V. D. *Fenomen etnicheskikh diaspor* [Phenomenon of ethnic diasporas]. Moscow, IH RAS Publ., 2003. P. 57.
5. W. D. American. *Belaruskaya krynitsa* [Belarusian Source], 1927, no. 7, p. 2 (In Belarusian).
6. Important for the leaving to America and Canada. *Zmagan'ne* [Struggle], 1924, no. 9, p. 4 (In Belarusian).
7. Fragment from the letter of Ryvka Muscat to her brother Jazep Muscat in Wilna about the travel to America with steamship association “Red Star Line” in steamship “Lapland”. *Zmagan'ne* [Struggle], 1923, no. 18, p. 4 (In Belarusian).
8. Markevich J. From the life of Belarusians in Argentina. *Belaruskaya krynitsa* [Belarusian Source], 1928, no. 22, p. 4 (In Belarusian).
9. Trouble of emigrants in France. *Belaruskaya dolya* [Belarusian fate], 1925, no. 13, p. 2 (In Belarusian).
10. Awin L. Belarusians in America. *Belaruskaya krynitsa* [Belarusian Source], 1926, no. 5, p. 7 (In Belarusian).
11. Belarusian department in Prague. *Belaruskaya dolya* [Belarusian fate], 1925, no. 6, p. 4 (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Сьвярдлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: sunny_san@rambler.ru

Information about the author

Koval Volha Uladzimirauna – PhD (History), Senior Lecturer, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., Minsk, Republic of Belarus). E-mail: sunny_san@rambler.ru

Паступіў 25.02.2017

УДК 378(476-25)(091)

Л. И. Мосейчук

Центр проблем развития образования Белорусского государственного университета

**ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ РЕЛИГИИ В БЕЛОРУССКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ**

Статья посвящена вопросам, связанным с особенностями преподавания истории и теории религии в первое десятилетие работы БГУ. На основе архивного материала рассмотрены изменения, происходившие в преподавании учебных предметов конфессиональной направленности. Автором подчеркивается, что поиски наиболее оптимальной учебной предметизации открытого в 1921 г. университета совпали с началом антирелигиозной кампании в стране. В этой связи от университетских преподавателей при изложении предметов, прямо или косвенно затрагивающих религиозную проблематику, требовался определенный такт, навык завуалированности высказываний и знание марксистской идеологии.

Ключевые слова: образование, гуманизация обучения, университет, методические практики, история религии.

L. I. Maseichuk

BSU Center for Issues of Education Development

**THE TEACHING OF THE HISTORY AND THEORY OF RELIGION
IN THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY IN THE PERIOD
OF FORMATION OF HIGHER EDUCATION IN BELARUS**

The article is devoted to the specifics of the teaching of the history and theory of religion in the first decade of operation, BSU. On the basis of archival documents discussed changes that took place in the teaching of confessional educational disciplines. The author emphasizes that the search for the most optimal study featuring in young University in 1921 coincided with the beginning of the anti-religious campaign in the country. In this regard, from the university teachers in presenting the material, including religious issues, required a certain tact, caution statements and knowledge of the Marxist ideology.

Key words: education, humanization of education, University, methodical practice, religion history.

Введение. Белорусский государственный университет – старейший из действующих ВУЗов Беларуси. Перипетии его деятельности в разные исторические периоды довольно подробно изучены. Однако из поля внимания исследователей абсолютно незаслуженно выпал такой аспект, как изучение и преподавание истории и теории религии в первые годы работы БГУ. В это время – в момент становления университета – шел процесс примирения двух взаимно противоречащих концепций. С одной стороны, преподаватели – приверженцы классических университетских традиций. Для них изучение древних эпох было невозможно без знакомства и понимания религиозных воззрений, определявших идейное и политическое содержание жизни древних государств. С другой стороны – потребности молодого государства, искоренявшего любые проявления религиозного культа.

Основная часть. Открытие Белорусского государственного университета (далее – БГУ) состоялось 30 октября 1921 г. Его деятельность, как и других советских вузов, регламентировалась положением о высших учебных заведениях РСФСР, подписанным В. И. Лениным и приня-

тым Советом Народных Комиссаров (далее – СНК) 2 сентября 1921 г. [16]. Согласно п. 7 вышеназванного положения, в БГУ были сформированы три факультета: рабочий, медицинский и факультет общественных наук (далее – ФОН). В рамках ФОНа работало четыре отделения: экономическое, правовое, педагогическое и этнолого-лингвистическое. При этнолого-лингвистическом отделении ФОНа, «сообразно с местными условиями» работали четыре языковых секции – белорусская, еврейская, русская и польская.

Перед высшей школой БССР ставились задачи подготовки специалистов для различных отраслей народного хозяйства, науки и культуры, воспитанных в новой марксистской идеологии. «Наш университет не может, и не будет ставить своей исключительной задачей в области общественных наук развитие научно-формального мышления, – он должен быть марксистским учебным заведением», – декларировалось на страницах газеты «Звезда» 30 октября 1921 г. в день открытия БГУ [1].

Соответственно воспитательным задачам были сформированы и учебные планы, по которым, после их утверждения Главпрофобром, и

осуществлялась образовательная деятельность в БГУ в 1921/1922 гг. [2, с. 333; 13, с. 186–199].

Интересен тот факт, что в условиях развивающейся антирелигиозной компании в Советском государстве, в учебных планах открывшегося университета присутствовали предметы религиозно-педагогического характера.

Еще в 1919 г. совместными усилиями временного правления БГУ и групп преподавателей были разработаны первые учебные планы, в соответствии с которыми с 1921 г. работал Университет.

Так, на общественно-педагогическом отделении ФОНа должен был читаться основной курс «История религии» (8 ч). Дополнительно, по выбору, студентам предлагались «История первых веков христианства» и «История религиозных движений в Беларуси». Продолжительность их была невелика, на каждый выделялось по 4 ч [13, с. 191]. На секции еврейского языка в качестве дополнительных занятий фигурировали курсы Талмуда, Кабаллы, Библии (на все отводилось 4 ч) [13, с. 190].

Помимо специальных предметов, полностью посвященных конфессиональной истории, различные аспекты религиозоведения имели место в лекциях по другим гуманитарным предметам. Наиболее рельефно это проявлялось в преподавании исторических дисциплин, что подтверждает даже беглый анализ учебных программ, подготовленных В. Н. Дьяковым, Д. А. Жариновым, В. Н. Перцевым, В. И. Пичетой, В. М. Игнатовским, Н. М. Никольским [6, л. 6–97]. Эти историки – приверженцы объективного научного подхода – осознали, что без изучения религии невозможно полно и детально овладеть знаниями по истории России, Западной Европы, Беларуси.

Так, на занятиях, проводимых профессором В. Н. Дьяковым по истории Западной Европы XVII–XVIII вв., студенты познакомились с яркими явлениями европейской духовной культуры и религии. В своих лекциях преподаватель раскрывал такие темы, как «Развитие и распространение критики сословных предрассудков и церковного обскурантизма», «Гражданская конституция духовенства» (принятая в 1790 г. во Франции) и закрепившая за государством абсолютный контроль над Церковью [6, л. 6 об.].

На этнолого-лингвистическом отделении ФОНа профессор Н. М. Никольский читал студентам курсы истории религии, раннего христианства и истории Израиля. В его объяснительной записке к лекциям по истории раннего христианства говорилось, что при изучении данного предмета им, в первую очередь, выделяются социальные условия жизни Иудеи и Галилеи I в. н. э. и «в этой же плоскости трактуется проблема и об Иисусе» [6, л. 27]. Преподаватель подчеркивал, что весь курс базиру-

ется на основе его собственных научных разработок, имеющих «известную долю субъективизма» [6, л. 27]. На учебном курсе, посвященном истории Израиля, Н. М. Никольский подробно разбирал со студентами «главные вопросы истории», касающиеся Библейских текстов и библейской критики [6, л. 25].

Религиозная тематика затрагивалась при прочтении любого гуманитарного предмета: курс белорусской народной словесности (преп. М. Н. Пятухович), общий курс русской литературы XIX в. (преп. А. Н. Вознесенский), история русской культуры, содержащая и раздел, посвященный церкви (проф. В. И. Пичета), истории белорусской, польской, еврейской культуры [2, с. 337].

На заседаниях Научного общества БГУ, Минского общества истории и древностей, социально-исторической секции Инбелкультдела были доклады на темы: «Религия как предмет науки» (проф. Никольский), «К питанню аб пачатку Рэфармацыі на Беларусі» (проф. А. А. Савич), «Адносіны ураду Паўла I да ўніяцкае царквы на Беларусі» (преп. Д. И. Довгялло) и др. [3, с. 249; 15, с. 135].

3 марта 1924 г. по инициативе первого ректора БГУ В. И. Пичеты (1921–1929) на педфаке был открыт музей первобытной культуры и истории религии [9, л. 9]. Его экспозиция активно демонстрировалась не только студентам, но и курсантам 6 командных пехотных курсов, подшефных университета, поскольку профессор С. З. Каценбоген читал для них курс о происхождении религии.

Тем не менее, следует отметить, что религиозная тематика практически отсутствовала в темах дипломных работ. Среди первых дипломных работ, утвержденных на заседаниях исторической предметной комиссии в 1924 г., их было лишь две: «Хозяйственные основы белорусской народной религии» и «Сляды першабытнага гармадзкага строю ў беларускай народнай рэлігіі» [15, с. 135]. В дальнейшем подобная тематика вообще не становилась предметом студенческих исследовательских работ [9].

Такое пренебрежительное отношение со стороны студенчества к религиозной тематике становится вполне понятным, если учесть условия, в которых происходило становление высшего образования Беларуси.

Временное затишье начала 20-х гг. сменилось более жесткой антирелигиозной политикой, что было связано с началом индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства. Первейшее значение придавалось созданию Союза безбожников. Повышению уровня компетентности членов таких организаций должны были способствовать раз-

личные формы обучения «профессиональных безбожников» на курсах, семинарах, в кружках. В 1926 г. в БГУ для антирелигиозной пропаганды была создана ячейка общества «Безбожник». Ставка делалась, в первую очередь, на партийные кадры университета, которые за несколько лет выросли более чем в два раза.

Ряд постановлений, принятых СНК РСФСР в сфере высшего образования (1924–1925), также способствовали ликвидации в университете «ненужных предметов». Декларировалось усиление практической составляющей образования. «Преподавание в ВУЗах должно постоянно иметь в виду ту специальность, какую избрал студент, и должно быть жизненно (т. е. соответствовать времени – Л. М.)» – отмечалось в документах [5, л. 62а]. Кроме того, на основании декрета 1924 г. Совнаркома БССР «О сокращении числа учащихся в ВУЗах» [5, л. 1], Главпрофобром начинают проводиться «организованные проверки», вызванные «необходимостью освободить ВУЗы от чрезмерной перегрузки и обеспечить им возможность нормальной учебной работы» [5, л. 2].

В инструкции «О проведении качественной проверки студентов ВУЗов БССР», принятой 11 июня 1924 г. СНК БССР, подчеркивалось, что безусловному исключению подлежат «студенты, проявившие себя в качестве антипролетарского элемента, враждебно настроенные к политике Советской власти, и, в частности, к пролетаризации ВУЗа» [4, л. 2]. В первую очередь исключались «нетрудовой элемент» и дети священнослужителей. По итогам проверки 1924 г. на всех факультетах БГУ количество студентов, указавших в анкетах в графе «Социальное происхождение» – «из семьи служителей культа», уменьшилось в среднем на 62% [4, л. 37, 46, 61]. Шансы на восстановление у таких «вычищенных» студентов были ничтожно малы [10, л. 5; 11, л. 1].

Заметим, что ряд преподавателей БГУ также были выходцами из семей «служителей культа». В 1928 г. таких преподавателей насчитывалось более 20 человек, в том числе и ректор – В. И. Пичета.

Иметь отношение к религии, и даже изучать ее, становилось делом небезопасным, поэтому

большинство преподавателей, образованных и воспитанных в другой образовательной традиции, не разделяя «богоборческого» запала советской власти, вынуждены были приспособливаться к существующим реалиям. Приходилось доказывать не только свою лояльность к жесткой антирелигиозной государственной политике, но и активно участвовать в ней. Весь трагизм сложившейся ситуации виден из статьи ректора БГУ В. И. Пичеты «Паслужым прыкладам для студэнтаў», опубликованной 26 мая 1929 г.: «Прафесары і выкладчыкі універсітэту павінны заняць актыўную пазіцыю на антырэлігійным фронце, паказаць, што яны з’яўляюцца прыхільнікамі пралетарскага светапогляду...» [12].

Идея атеизма, борьбы с религией как классово чуждым явлением, приняла массовый характер. Конфессиональные структуры отныне стали рассматриваться как активно действующие очаги контрреволюции. В этих условиях преподавание предметов, прямо или косвенно затрагивающих религиозную проблематику, требовало от преподавателя не научной объективности, а определенного такта, навыков завуалированности высказываний и знания марксизма.

Заключение. Таким образом, к началу 30-х гг. в стенах Белорусского государственного университета научная объективность отступила под напором марксистской целесообразности. Любое объективное упоминание о религии было вытеснено из университетских курсов. История религиозных течений не преподавалась вовсе, а минимальные упоминания на эту тему подавались в трактовке борьбы трудящихся против класса угнетателей и примкнувшим к ним служителям культа. Конфессиональная история и религиозоведение были вычеркнуты из образования.

Тем не менее, и в это непростое время в университете были преподаватели, которые стремились в своих лекциях быть, в первую очередь, исследователями и давать студентам разносторонние знания, поэтому учебные планы первых лет деятельности БГУ создавались таким образом, чтобы не только осуществлять подготовку специалистов, но и воспитывать их как национальных интеллигентов и толерантных людей.

Литература

1. Белорусский университет (беседа с зам. ректора БГУ проф. С. З. Каценбогиным) // Газета «Звезда». № 255 (939). 30 октября 1921.
2. Каценбогин С. З. Белорусский государственный университет за 1921–1922 акад. год (итоги и перспективы) // Труды БГУ. 1922. № 2–3. С. 326–364.
3. Каценбогин С. З. Белорусский государственный университет за 1922–1923 акад. год // Труды БГУ. 1923. № 4–5. С. 231–281.
4. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1229.
5. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 41.
6. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 82.

7. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 127.
8. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 753.
9. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1890.
10. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 3084.
11. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 3085.
12. Пичета В. Паслужым прыкладам для студэнцтва // Савецкая Беларусь. 1929. 26 мая.
13. Турук Ф. Ф. Университетская летопись // Працы БДУ. 1922. № 1. С. 175–207.
14. Яновский О. А. Диалог интеллигенции и советской власти о существенных характеристиках Белорусского университета // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Вып. 4. Мінск: БДУ, 2009. С. 76–86.
15. Баранова Е. В. В. И. Пичета и изучение истории и теории религии в Белорусском государственном университете (1920-е гг.) // Религия и общество – 4. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2009. С. 134–136.
16. Положение о высших учебных заведениях РСФСР (2 сентября 1921). Декрет Совета Народных Комиссаров № 486 [Электронный ресурс]. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2762> (дата обращения: 23.10.2016).

References

1. Belarusian State University (conversation with Vice-Rector Prof. S. Katsenbogin). *Gazeta "Zvezda"* [Newspaper "Star"], 1921, 30 October, no. 255 (939) (In Russian).
2. Katsenbogin S. Z. Belarusian State University for the 1921–1922 acad. years (Results and Prospects). *Trudy BGU* [Proceedings of BSU], 1922, no. 2–3, pp. 326–364 (In Belarusian).
3. Katsenbogin S. Z. Belarusian State University for the 1922–1923 acad. years. *Trudy BGU* [Proceedings of BSU], 1923, no. 4–5, pp. 231–281 (In Belarusian).
4. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Belarus' (NARB)* [The National Archives of the Republic of Belarus (further – NARB)]. Fund 42. I. 1. F. 1229.
5. NARB. Fund 205. I. 1. F. 41.
6. NARB. Fund 205. I. 1. F. 82.
7. NARB. Fund 205. I. 1. F. 127.
8. NARB. Fund 205. I. 1. F. 753.
9. NARB. Fund 42. I. 1. F. 1890.
10. NARB. Fund 205. I. 3. F. 3084.
11. NARB. Fund 205. I. 3. F. 3085.
12. Picheta V. Serve as an example for students. *Savetskaya Belarus'* [Soviet Belarus], 1929, 26 May (In Belarusian).
13. Turuk F. F. University chronicle. *Pratsy BDU* [Proceedings of BSU], 1922, no. 1, pp. 175–207 (In Belarusian).
14. Yanovskiy O. A. Dialogue between the intelligentsia and the Soviet authorities about the essential characteristics of the Belarusian University. *Pratsy gistorychnaga fakul'teta BDU* [Proceedings of the Faculty of History BSU], Minsk, BGU Publ., 2009, issue 4, pp. 76–86 (In Belarusian).
15. Baranova E. V. V. I. Picheta and study of the history and theory of religion in the Belarusian State University (1920). *Religiya i obshchestvo – 4* [Religion and Society – 4], Mogilev, MHU im. A. A. Kuleshova Publ., 2009, pp. 134–136 (In Russian).
16. *Polozheniye o vysshikh uchebnykh zavedeniyakh RSFSR (2 sentyabrya 1921)*. *Dekret Soveta Narodnykh Komissarov № 486*. [The position of the higher educational institutions of the RSFSR (2 September 1921). Decree of the Council of People's Commissars of the number 486]. Available at: <http://letopis.msu.ru/documents/2762> (accessed 10.23.2016).

Информация об авторе

Мосейчук Людмила Ивановна – научный сотрудник Центра проблем развития образования. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, просп. Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Information about the author

Maseichuk Liudmila Ivanovna – Researcher, Center for Issues of Education Development. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Поступила 18.01.2017

УДК 378(476)(091)(093)

В. Е. Козляков¹, Л. И. Мосейчук²¹Белорусский государственный технологический университет²Центр проблем развития образования Белорусского государственного университета**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАКТИКИ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ В 20–30-Е ГГ. XX В.**

В статье особое внимание уделяется анализу документальной базы по истории становления и развития практики научно-методического обеспечения университетского образования Беларуси в 20–30-е гг. XX в. Систематизированы письменные источники и архивные документы по теме. В статье показывается их разноплановость и информативность. Делается вывод о том, что широкий спектр материалов официального и частного характера, затрагивающих данную проблематику, позволяет с большой долей достоверности воссоздать микроуровень педагогического взаимодействия, средовое регулирование образовательных отношений и порядок образования, продуцируемые текстуальными программами учебников и учебных пособий.

Ключевые слова: архивные источники, фонды, образование, университет, методические практики.

Ul. Ye. Kazliakou¹, L. I. Maseichuk²¹Belarusian State Technological University²BSU Center for Issues of Education Development**THE HISTORY AND DEVELOPMENT OF THE PRACTICE OF SCIENTIFIC
AND METHODOLOGICAL SUPPORT BELARUSIAN UNIVERSITY
EDUCATION IN THE 20–30'S THE TWENTIETH CENTURY SOURCES**

The article analyzes the documentary database on the history of formation and development of the practice of scientific and methodological support of university education in Belarus in the 20–30's of the twentieth century. Systematized written sources and archival documents. The article shows the diversity and their descriptiveness. The conclusion is that a wide range of official and private materials affecting this perspective makes it a great degree of confidence to recreate the micro level of pedagogical interaction, environmental regulation of educational relations and the order of formation those produced by textual programs textbooks and teaching materials.

Key words: archival sources, funds, education, university, methodical practice.

Введение. Одним из основных условий устойчивого развития общества является баланс между традицией и новацией. В образовании этот баланс обеспечивается посредством нормативного регулирования педагогических отношений, реализующихся как на официальном уровне, так и на уровне имплицитных нормативных программ. Однако история становления и развития имплицитного плана научно-методического обеспечения университетского образования в период зарождения университетского образования Беларуси исследователями в особый предмет не выделялась.

В этой связи рассматриваемая в статье проблема носит актуальный характер, поскольку анализ источников по данной проблеме позволит не только существенно дополнить данные ранее осуществленных исследований, но и составить более полную картину становления отечественного образования в начальный период его развития.

Основная часть. Большинство документов, освещающих историю становления и развития научно-методического обеспечения высшего образования Беларуси, сосредоточены в нескольких фондах Национального архива Республики Беларусь (далее – НАРБ). (Ф. 4 «Белорусский национальный комиссариат (Белнацком)»; Ф. 6 «ЦИК БССР, г. Минск»; Ф. 7 «Совет Министров БССР (СНК БССР)»; Ф. 15 «Полномочное представительство Совета Министров Республики Беларусь при Правительстве Российской Федерации, г. Москва»; Ф. 42 «Министерство просвещения (Минпрос) БССР, г. Минск»; Ф. 44 «Народный комиссариат труда (Наркомтруд) БССР, г. Минск»; Ф. 101 «Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) БССР, г. Минск»; Ф. 205 «Белорусский государственный университет Министерства народного образования Республики Беларусь, с 10.01.1992 г. – Министерства образования

Республики Беларусь, с 23.09.1994 г. – Министерства образования и науки Республики Беларусь, с 29.08.1996 г. – при Совете Министров Республики Беларусь, г. Минск» (далее – «Белорусский государственный университет»); Ф. 332 «Белорусский союз потребительских кооперативных обществ (Белкоопсоюз)»; Ф. 701 «Комиссия по осуществлению национальной политики при Центральном Исполнительном Комитете (ЦИК) БССР, г. Минск».

Из обширного источникового комплекса по данной теме целесообразно выделить документальные (законодательные, актовые, делопроизводственные и статистические), повествовательные (воспоминания и переписка) группы источников, а также периодические издания.

Документальные источники представлены законодательными документами, прямо или косвенно характеризующими правительственную политику в области высшего образования в БССР. Это постановления, относящиеся к организации и открытию БГУ (Ф. 4, оп. 1, д. 14, 131), декреты, принятые на заседаниях СНК БССР (Ф. 6, оп. 1, д. 278, 10. Т. 1, 1282; Ф. 15, оп. 1, д. 26, 28), приказы Наркомпроса БССР (Ф. 6, оп. 1, д. 124, 1282; Ф. 7, оп. 1, д. 91, 880а; Ф. 15, оп. 1, д. 2; Ф. 42, оп. 1, д. 213, 1181; Ф. 101, оп. 1, д. 2889) и постановления НК РКМ БССР (Ф. 101, оп. 1, д. 3494, 3557) и пр.

Использование материалов законодательства в исследовании позволяет раскрыть и проанализировать влияние государственного запроса-требования при подготовке специалистов с высшим образованием на методологические изменения, происходящие внутри аудиторий.

Важной составной частью источникового комплекса по истории высшего образования являются актовые источники (акты). В отличие от законов, которые устанавливают и формулируют правовые нормы, акты лишь используют их. При изучении вышеназванной проблематики использовались публично-правовые договора.

К публично-правовым договорам относятся постановления, положения, приказы, циркуляры, принятые на заседаниях правления БГУ, предметных комиссий, Коллегии Наркомпроса и Наркомздрава, относящиеся к повседневной деятельности учебного заведения.

Большинство документов такого рода хранится в фонде Ф. 205 (оп. 1, д. 35, 37, 42, 60, 72, 166, 315, 328, 373, 538, 548, 753, 754, 755, 820; оп. 5, д. 41), а также в фондах Ф. 42 (оп. 1, д. 169, 1869), Ф. 44 (оп. 1, д. 1322, л. 208); Ф. 101 (оп. 1, д. 2109, 3502, л. 27) НАРБ.

Использование данной группы документов позволяет уточнить информацию о причинах открытия и ликвидации кафедр, перехода к бригадно-лабораторному методу в 1925 г.,

проведении политики белоруссизации в 20-е гг. и усилении идеологизации университета в 30-е гг., причины перехода студентов из БГУ в другие вузы и пр.

Наиболее информативным видом источников при изучении темы «Становление и развитие практики научно-методического обеспечения университетского образования Беларуси в 20–30-е гг. XX в.» являются материалы делопроизводства.

В своем большинстве это отчеты о работе БГУ (Ф. 42, оп. 1, д. 100, 1566; Ф. 205, оп. 1, д. 593, 636, 715, 716, 732), переписка с Наркомпродом, Совпрофбелом, Главпрофобром и Наркомпросом БССР по текущей деятельности университета (Ф. 205, оп. 1, д. 21, 179, 237, 487, 538, 548), протоколы правления университета и заседаний факультетских предметных комиссий (Ф. 205, оп. 1, д. 315, 328), планы работ кафедр (Ф. 205, оп. 1, д. 482), инструкции по проведению практических занятий (Ф. 205, оп. 1, д. 165, л. 13–14 об.) и пр.

Среди «повесток дня», в протоколах заседаний деканатов и предметных факультетских комиссий, наиболее часто фигурируют вопросы, связанные с назначением и/или увольнением профессорско-преподавательского персонала, исполнением научных разработок сотрудниками университета, развитием образовательных связей между студентами и преподавателями БГУ, сроки сдачи зачетов и письменных работ.

Для раскрытия темы исследования наиболее информативной является группа документальных источников, представленная материалами, содержащими информацию об использовании методического инструментария, применяемого в образовательной практике высшей школы. Это учебные планы университета (Ф. 205, оп. 1, д. 15), учебные планы, программы факультетов и объяснительные записки к ним (Ф. 205, оп. 1, д. 41, 81–85, 87, 231, 281, 282, 381, 483, 484, 730, 752, 764, 786, 803; Ф. 332, оп. 1, д. 1308; Ф. 701, оп. 1, д. 56), годовые отчеты профессорско-преподавательского состава и факультетов (Ф. 205, оп. 1, д. 82, 86, 89, 129, 177, 795, 796), отчеты факультетов (Ф. 205, оп. 1, д. 179, 180, 234, 332, 822), учебные задания (Ф. 205, оп. 1, д. 485) и переписка администрации университета с преподавателями по вопросам учебной и учебно-методической работы (Ф. 205, оп. 1, д. 824, 892).

В первые годы работы БГУ учебные планы составлялись на основе учебных программ, которые писали сами преподаватели. Планы не имели единой структуры и носили исключительно авторский характер, чаще всего это был перечень тем, которые планировалось изучить со студентами на лекциях и семинарских заня-

тиях (Ф. 205, оп. 1, д. 482, л. 29–29 об., 31–32, 61–62, 68–68 об., 70–81 об., 86, 97, 114–116). Учебные планы и программы обсуждались и утверждались на заседаниях предметных факультетских комиссий, которые и несли всю полноту ответственности за их реализацию.

К программам учебных курсов зачастую прилагались объяснительные записки, в которых, наряду с безликим перечнем изученных тем (Ф. 205, оп. 1, д. 482, л. 6–7, 32, 56–56 об.), встречались и эмоционально окрашенные замечания (Ф. 205, оп. 3, д. 1172, л. 4), позволяющие нам разобраться в неоднозначных, порою весьма сложных ситуациях, возникающих в учебной аудитории, которые зачастую требовали от преподавателя быстрого принятия решения, что, в свою очередь, нередко приводило к корректировке содержания учебного материала непосредственно во время занятия.

Изменения, вносимые в программу курса во время учебного процесса, равно как и аргументация данных изменений, находили свое отражение в объяснительных записках преподавателей. Однако такие письменные пояснения не носили обязательного характера, составлялись преподавателями в свободной форме, соответственно, не имели единой структуры и были весьма неоднородны по своему содержанию (Ф. 205, оп. 1, д. 41, л. 51–53 об.).

Более детально проанализировать методы, применявшиеся в учебных аудиториях, позволяют отчеты профессорско-преподавательского состава, хранящиеся в делах первой описи 205 фонда НАРБ (дела 82–83, 86–88, 129, 753, 796). Вся массу такого рода документации условно можно разделить на два вида: годовые и краткие отчеты.

Отчеты о проделанной работе писались всеми преподавателями БГУ по определенному стандарту. Педагог был обязан указать, какой лекторный курс им был прочитан, за какое время и на каких факультетах, перечислить темы просеминарских и семинарских занятий. Часто в отчетах описывались применяемые методы, подводились итоги проделанной работы, отмечались сложности, возникшие при разборе того или иного вида материала, фиксировались положительные результаты, при дальнейшем изучении курса делались прогнозы на будущий год. В годовых отчетах показывалась его общественная и научная деятельность, фиксировались все командировки и публикации.

В кратких отчетах, как правило, отсутствовали пункты, связанные с общественной и/или научной деятельностью преподавателя.

Анализ данного рода документов позволяет не только констатировать, что за пределами университетских стен у студентов было мало

возможностей и времени для самостоятельной учебы, но и фиксировать момент построения образовательного пространства (образовательного действия) таким образом, чтобы восполнить организационные недочеты. Для этого использовались различные методы организации и осуществления познавательной деятельности: словесные, наглядные, практические, репродуктивные, объяснительно-иллюстративные, исследовательские, проблемные и др. (Ф. 205, оп. 1, д. 41, л. 4, 9, 68 об.).

В отчетах профессорско-преподавательского состава содержатся материалы, свидетельствующие о трудностях, с которыми ежедневно сталкивались участники образовательного процесса: нехватка учебников, тетрадей для конспектирования, пишущих принадлежностей, наглядных пособий и аудиторий; перебои с электричеством; отсутствие отопления учебных помещений и пр. Ряд педагогов отмечали как огромную проблему, привносящую хаос в образовательную среду, отсутствие постоянного расписания занятий, их нерегулярность, растянутость по времени лекционных и практических курсов.

Проанализировать динамику качественных и количественных характеристик студентов и педагогов БГУ за период с 1921 г. по 1929 г., установить наличие и тип связей между академической успеваемостью и социально-демографическими показателями позволяют статистические данные: отчеты БГУ по приему студентов (Ф. 42, оп. 1, д. 213, л. 378–379), сметы расходов на оборудование кабинетов и закупку методической и учебной литературы (Ф. 42, оп. 1, д. 1890), штатные расписания (Ф. 205, оп. 1, д. 55, 59), а также списки студенческого (Ф. 42, оп. 1, д. 2098; Ф. 101, оп. 1, д. 3603; Ф. 44, оп. 1, д. 472; Ф. 205, оп. 1, д. 110, 178, 206; Ф. 205, оп. 1, д. 308) и профессорско-преподавательского состава вуза (Ф. 42, оп. 1, д. 213, д. 237; Ф. 205, оп. 1, д. 303, 549, 670, 767).

Хотелось бы отметить, что объективное, целостное представление о ситуации, сложившейся в университете в первые десятилетия его существования, возможно не только за счет новых подходов к источникам, уже введенным в научный оборот, но и за счет дальнейшего расширения источникового поля. Поскольку при разработке темы в фокус повышенного исследовательского интереса попадают участники педагогического процесса – студенты и преподаватели – то весьма перспективным представляется обращение к такому комплексу массовых делопроизводственных источников, как личные дела.

Личные дела профессорско-преподавательского и студенческого состава Белорусского

государственного университета собраны в описи 3 фонда 205 «Белорусский государственный университет».

Специфика данного комплекса источников заключается в том, что он носит смешанный характер. Личное дело – это делопроизводственный источник, возникший в результате деятельности канцелярии БГУ по профессорско-преподавательским и студенческим делам. В то же время в состав личных дел входят и документы личного происхождения: автобиографии, заявления, справки о состоянии здоровья, характеристики, наградные листы, приказы, имеющие отношение к работе педагога и/или связанные с учебой студента, заявления бытового характера (о предоставлении жилплощади, выделение талонов на питание и/или одежду) и пр.

В БГУ личные дела заводились на всех, кто был зачислен на учебу или принят на работу. Вновь поступающие документы подшивались к старому делу. Процесс формирования дела продолжался на протяжении всего срока обучения или работы в университете, что дает возможность проследить учебную или трудовую биографию практически всех студентов и преподавателей БГУ.

Личные дела являются ценнейшим историческим источником, поскольку позволяют сквозь сухие и скупые факты и цифры увидеть конкретного действующего педагога, разобраться в особенностях его взаимодействия со студенческой аудиторией, осветить многие стороны внутриуниверситетской и аудиторной жизни.

Документы личного происхождения представлены воспоминаниями и письмами бывших преподавателей и студентов БГУ: М. М. Пиатуховича, С. Я. Вольфсона, С. М. Мелких, К. М. Поликарповича, В. В. Якунина, В. Д. Друщица, М. О. Гредингера, Д. Н. Дьякова, М. Я. Адериho, И. Е. Лакиной, Н. Н. Улащика, Л. Н. Преображенской, Л. А. Арцимовича и Ю. И. Бибилы.

В записках бывших студентов можно выделить три темы: воспоминания авторов о своих студенческих годах, наставниках и своих первых шагах в научной деятельности [1]. В то же время воспоминания преподавателей носят более предметный характер [4].

Анализ документов личного происхождения позволяет детализировать представление о проблемах в сфере высшего образования белорусского государства в рассматриваемое время.

Деятельность БГУ широко освещалась на страницах газет «Звезда», «Савецкая Беларусь»,

в журнале «Труды БГУ». Интерес вызывало даже, казалось бы, несущественное событие, происходящее в вузе: от развития университетской структуры (факультетов, лабораторий, учебных кабинетов и т. д.) до научных разработок.

Внимательный анализ такого рода материалов дает возможность проследить внедрение новой, политически выдержанной методологии в образовательный процесс БГУ, разобраться в нюансах ее практического применения в учебных аудиториях, понять, с какими препятствиями (объективного и субъективного характера) сталкивались участники образовательного процесса.

Своеобразной альтернативой официальным текстам, посвященным вопросам организации обучения рассматриваемого периода, являются материалы, опубликованные в студенческих изданиях: «Шлях студэнцтва», «Беларускі студэнт», «Голас рабфакаўца», «Альманах», многотиражная университетская газета «Ленінскім шляхам» («За пролетарские кадры», «За ленінскія кадры»), а также в сборнике белорусского студенческого сообщества за рубежом «Наш шлях» (выходил в г. Вильнюсе).

Публикации, размещенные на их страницах, представляют собой иллюстрации учебной и досуговой жизни студентов. По своему содержанию они более эмоциональны, не носят отпечатка официозности, не претендуют на научность. Использование такого рода источников позволяет посмотреть на ту или иную образовательную проблему глазами студентов.

Заключение. Анализ источников: отчетных данных, периодики, законодательных и статистических материалов, обнаружил, что документальная база по истории становления и развития практики научно-методического обеспечения университетского образования Беларуси в 20–30-е гг. XX в. является обширной и разноплановой. В наибольшей степени рассматриваемую тему отражают материалы делопроизводства, многие из которых представлены архивными документами.

Использование широкого спектра материалов официального и частного характера, затрагивающих данную проблематику, позволяет с большой долей достоверности воссоздать микроуровень педагогического взаимодействия, средовое регулирование образовательных отношений, порядок образования, продуцируемый текстуальными программами учебников и учебных пособий.

Литература

1. Улащик Н. Н. В. И. Пичета в первые годы существования Белорусского государственного университета // Славяне в эпоху феодализма. М.: Наука, 1978. С. 66–72.
2. Вальфсон С. Я. Адрыўкі з успамінаў і думкі // Беларускі Дзяржаўны унівэрсытэт. Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск, 1927. С. 53–54.

References

1. Ulashchik N. V. I. Picheta in the early years of the Belarusian State University. *Slavyane v epokhu feodalizma* [Slavs in the era of feudalism], Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 66–72 (In Russian).
2. Wolfson S. Y. Excerpts from the memories and thoughts. *Belaruski Dzyarzhauny universitet. Da 10-y gadaviny Kastrychnikavay revalytsyi* [Belarusian State University. By the tenth anniversary of the October Revolution], Miensk, 1927, pp. 53–54 (In Belarusian).

Информация об авторах

Козляков Владимир Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: Kozlykov-ve@mail.ru

Мосейчук Людмила Ивановна – научный сотрудник Центра проблем развития образования. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, просп. Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Information about the authors

Kazliakou Uladzimir Yegoravich – DSc (History), Professor, Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Kozlykov-ve@mail.ru

Maseichuk Liudmila Ivanovna – Researcher, Center for Issues of Education Development. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Поступила 18.01.2017

УДК 355.42.424

А. А. Зайцев¹, Н. В. Зайцева²¹ Военная академия Республики Беларусь² Белорусский национальный технический университет**ОБОСТРЕНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В ЕВРОПЕ – РЕЗУЛЬТАТ АМБИЦИЙ США**

В статье рассмотрены положения Национальной военной стратегии США и документы, принимаемые военно-политическим руководством альянса на последних саммитах НАТО, определяющие военно-политическую обстановку в Европе. Показаны практические мероприятия, проводимые альянсом под руководством США на континенте, которые оказывают неблагоприятное влияние как на развитие общей военно-политической и стратегической обстановки в Европейском регионе, так и на ситуацию в непосредственной близости от границ Беларуси. Их следует рассматривать как рост потенциальной угрозы безопасности Союзного государства.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, военно-политическая обстановка, саммит НАТО, амбиции, санкция.

A. A. Zaytsev, N. V. Zaytseva¹ Military Academy of the Republic of Belarus² Belarusian National Technical University**THE AGGRAVATION OF THE MILITARY-POLITICAL SITUATION IN EUROPE THE RESULT OF THE AMBITIONS OF THE UNITED STATES**

The article discusses the provisions of the National military strategy of the United States and the documents adopted military-political leadership of the Alliance at the recent NATO summits, defining the military-political situation in Europe. Shown practical activities carried out by the Alliance under the US leadership on the continent which have an adverse impact on the development of a common military-political and strategic situation in the European region, and the situation close to the borders of Belarus and they should be seen as growth a potential threat to the security of the Union state.

Key words: armed conflict, the military-political situation, the NATO summit, ambitions, sanction.

Введение. Соединенные Штаты Америки, стремясь любой ценой сохранить за собой статус единственной сверхдержавы, несмотря на декларирование в официальных документах о низкой вероятности развязывания крупномасштабной войны, продолжают поиски нового врага, угроза со стороны которого способна сплотить вокруг США всех союзников и, в первую очередь, европейских.

Основная часть. В вышедшей в свет в июне 2015 г. Национальной военной стратегии США [1] бывший председатель объединенного комитета начальников штабов М. Демпси пугает мировое сообщество: «Международная обстановка в сфере безопасности сегодня – самая непредсказуемая за все 40 лет моей службы. С тех пор, как в 2011 г. была опубликована последняя Национальная военная стратегия, порядок в мире значительно ослабел, и наши военные преимущества начали уменьшаться. В будущем конфликты будут возникать быстрее, длиться дольше, и происходить они будут на гораздо более сложном в техническом плане поле боя. А это будет иметь серьезные последствия для США».

Исходя из этого в документе говорится, что для достижения статуса сверхдержавы США на-

мерены опираться на свою «дипломатию и лидерство, подкрепленные мощной военной силой».

В числе ныне существующих международных конфликтов, влияющих на военно-политическую обстановку в мире, упомянута ситуация на Украине, среди потенциальных – обстановка на Корейском полуострове и в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, где КНР продолжает территориальные споры со своими соседями.

По поводу существующих врагов к государствам и организациям, которые пытаются провести ревизию ключевых аспектов международного порядка и создающих угрозу интересам национальной безопасности США, отнесены Россия, Иран, Северная Корея и Китай, а также боевые экстремистские организации, которые возглавляют «Аль-Каида» и Исламское государство [1].

По поводу России утверждается, что она «нарушает суверенитет и территориальную целостность Украины» и придерживается «воинственного подхода к другим соседним странам», ставя под угрозу международные нормы.

Стратегия также подтверждает намерение Белого дома продолжать укрепление американских ВС, «которые должны быть меньше по

численности, но при этом все равно оставаться самыми сильными в мире по всем показателям». Авторы стратегии подчеркивают, что при решении всех этих задач США, как и прежде, будут опираться на своих союзников, и в первую очередь на страны НАТО. Курс на всемерное укрепление вооруженных сил подтвердил недавно избранный президент США Д. Трамп. В целом весь документ пропитан мыслью об американском превосходстве, лидирующем положении США в мире при поддержке существующей военной силы. Аналогичные послы содержатся в важнейшем документе государства – Стратегии национальной безопасности США, вышедшей в свет в феврале 2015 г. [2].

Что касается Республики Беларусь, то в последних документах военно-политического руководства США наше государство не отнесено к числу «стран изгоев и источников угроз», как это было ранее. Но в то же время следует понимать, что считая Россию источником напряженности в мире, США подразумевают, что ее политика полностью поддерживается Республикой Беларусь, как наиболее близким ее союзником. При этом отношение США к Беларуси прослеживается как к придатку России – настороженное.

Удобным предлогом для достижения поставленных целей в поиске врага послужила кризисная ситуация вокруг Украины, возникшая в результате многолетних целенаправленных усилий США. В ней отчетливо проявились попытки Вашингтона дискредитировать Россию в глазах Европы, максимально разрушить ее связи с европейскими государствами, лишит стороны выгод и преимуществ тесного взаимодействия, а также вытеснить с европейского рынка российские энергоносители.

Проводя агрессивную политику по отстаиванию национальных интересов, США взяли на себя роль «мирового жандарма», активно вмешиваясь во внутренние дела суверенных государств. Наряду с применением политического, экономического, информационного давления Вашингтон использует и военно-силовые методы в интересах расширения своего стратегического влияния. Следует отметить, что за редким исключением американская агрессия не оправдана какими-либо угрозами для самих Соединенных Штатов, а направлена преимущественно на установление политического и экономического влияния в зарубежных странах. При этом зачастую в качестве повода для интервенции Белый дом использует сфабрикованные доказательства с обвинением отдельных государств в производстве оружия массового уничтожения (Ирак в 2003 г.), геноциде официальными властями мирного населения (Ливия в 2011 г.) или борьбу с международным терроризмом (Ирак и Сирия с 2014 г.).

Следствием такой политики является фактическое уничтожение некогда благополучных и стабильных стран, погружение в хаос целых регионов, а также многочисленные жертвы среди мирного населения и разрушение инфраструктуры. Все это приводит к разбалансировке существующей системы обеспечения международной безопасности и глобального регулирования, создает угрозу перерастания процесса политического, экономического и тем более военного противостояния в неуправляемую стадию. В условиях ослабления влияния таких международных институтов обеспечения безопасности, как ООН и ОБСЕ, откровенные попытки США установить тотальный контроль за деятельностью всех сфер, начиная со спортивных, гуманитарных и заканчивая дипломатическими, носят систематический характер. Тезис о «нарастающей российской угрозе» военно-политическое руководство США использует также в интересах преодоления углубляющихся противоречий внутри НАТО. Главная цель заключается в том, чтобы обеспечить постоянное присутствие ВС США в странах Восточной Европы и Балтии, существенно увеличить военные расходы союзников, продолжить планомерное приближение блока к государственным границам Союзного государства [3].

Стремление к передовому присутствию на границах Российской Федерации и Беларуси прослеживается в ходе анализа документов, принятых на последних саммитах НАТО.

Так на Чикагском саммите (2012) была подтверждена необходимость продолжения работы на европейском континенте: по созданию системы противоракетной обороны (ЕвроПРО), системы радиолокационной разведки воздушно-наземного базирования (Alliance Ground Surveillance programme, AGS); миссии по патрулированию воздушного пространства стран Балтии (авиабаза Зокняй – Литва); реализации программы стратегических авиационных перебросок и программы совершенствования системы дальнего радиолокационного обнаружения и управления авиацией «АВАКС-НАТО».

На саммите НАТО в Ньюпорте (Великобритания, 2014 г.) было признано необходимым увеличить военное присутствие НАТО в Балтийском регионе. В соответствии с принятыми решениями, в составе сил первоочередного задействования (СПЗ) (наиболее боеготовое формирование НАТО в Европе) было спланировано и в настоящее время создано межвидовое формирование экстренного реагирования бригадного уровня (пять батальонов сухопутных войск с приданными подразделениями ВВС, ВМС и ССО). Численность формирования – около 5 тыс. человек со сроками готовности к приме-

нению дежурных подразделений – 48 часов, остальных – до семи суток. В результате этого общая численность СПЗ НАТО увеличена с 25 тыс. до 30 тыс. военнослужащих. В состав формирования выделены подразделения вооруженных сил Великобритании, Дании, Латвии, Литвы, Нидерландов, Норвегии и Эстонии.

В связи с продолжающимся военным конфликтом в Украине принято решение о повышении степени готовности АК (Германия-Дания-Польша) к 2018 г. до 90 суток (со 180). План предлагается осуществить за счет повышения возможностей органа управления корпусом, увеличив его численность со 180 до 400 человек, а также сокращения сроков готовности к применению входящих в него соединений.

Особое внимание следует обратить на **саммит НАТО в Варшаве в июле 2016 г.**, где была подписана совместная декларация между НАТО и ЕС о сотрудничестве в сфере противодействия «гибридным» угрозам безопасности в информационной сфере и на море; утверждена «Всеобъемлющий пакет помощи Украине по противодействию современным вызовам и угрозам, включая «гибридные». При этом под гибридными подразумеваются действия РФ в Украине; спланировано размещение с 2017 г. в Польше и странах Балтии по одной батальонной тактической группе численностью до 1 тыс. военнослужащих. В январе 2017 г. данное решение уже выполнено; объявлено о включении в состав системы ПРО НАТО в Европе объектов противоракетной обороны США в Румынии (*ПУ противоракет SM-3, РЛС типа AN/SPY*), Турции (*РЛС AN/TPY-2*) и Испании (*четыре корабля с противоракетами SM-3*); принято решение о формировании многонациональной миротворческой бригады в Румынии в составе подразделений ВС Болгарии и Румынии; подтверждено завершение к 2018 г. мероприятий по сокращению сроков развертывания входящих в германо-датско-польский АК БР (Щецин, РП) соединений и времени их переброски в места боевого предназначения; достигнута договоренность о разработке к началу 2017 г. «Всеобъемлющего плана действий» по повышению уровня взаимодействия военных и гражданских структур стран – членов НАТО в сфере обеспечения безопасности; «киберпространство» признано областью, в которой возможно ведение боевых действий; принято решение о формировании управления объединенной разведки и безопасности и введении должности помощника генерального секретаря альянса по соответствующим вопросам; подтверждены планы начала функционирования в 2018 г. объединенной разведывательной системы JISR.

В настоящее время на авиабазах и в военных городках Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии развернуты группы тактической авиации ВВС государств – членов НАТО и подразделения сухопутных войск и морской пехоты ВС США. Нарастает корабельный состав коалиционных оперативных соединений, несущих боевую службу в акваториях Балтийского, Черного и Средиземного морей, расширяется программа оперативной и боевой подготовки ОВС НАТО. В партнерской деятельности альянса большое внимание уделяется вопросам практического взаимодействия. Наиболее значимые проекты намечается реализовывать в рамках утвержденных на саммите новых инициатив – «Развитие оперативной совместности» и «Содействие внеблоковым государствам в укреплении их потенциала в сфере безопасности и обороны». Особое место отводится проблеме оказания всесторонней помощи Украине и Грузии. Помимо этого, НАТО продолжает оказывать поддержку Грузии, Боснии и Герцеговине, Македонии и Черногории в интересах их подготовки к вступлению в блок [4].

Руководство Европейского союза (ЕС) также прилагает активные усилия по закреплению за организацией статуса одного из геополитических центров. В этой связи наряду с развитием экономики объединенной Европы и стимулированием ее устойчивого роста большое значение придается наращиванию антикризисного потенциала организации.

Важное внимание руководство ЕС уделяет укреплению связей с **государствами постсоветского пространства** (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдавия, Украина) в рамках инициативы «Восточное партнерство», которая, по сути, является инструментом для распространения влияния Запада на бывшие республики СССР.

В ходе развития украинского кризиса Европейский союз ярко продемонстрировал зависимость своего внешнеполитического курса от Соединенных Штатов Америки. По указке Вашингтона государства ЕС ввели в 2014 г. санкции против Российской Федерации, которые наносят существенный ущерб в первую очередь национальным экономикам всех стран Европы [5].

На Европейском континенте ключевой ареной противостояния является Украина. Российская Федерация и Запад расходятся практически по всем вопросам, касающимся стабилизации ситуации в этом государстве. Каждая из сторон по-своему интерпретирует Минские соглашения, что существенно осложняет выполнение принятых решений. При этом сохраняющаяся напряженность на Донбассе активно используется Киевом для дискредитации России,

а также отвлечения внимания населения страны от социально-экономических проблем.

Совершенный на **Украине** националистическими силами государственный переворот, поводом для которого, по заявлению его инициаторов, послужил отказ команды В. Януковича от подписания соглашения об ассоциации с ЕС, привел к усилению центробежных сил на юго-востоке республики и в Крыму, где значительная часть населения не признала новых киевских властей и реализовала свое право на самоопределение. В результате проведенных плебисцитов Республика Крым и город Севастополь вошли в состав Российской Федерации, а самопровозглашенные Донецкая и Луганская Народные Республики заявили о своем суверенитете.

Украина во взаимодействии с НАТО продолжает принимать меры по наращиванию потенциала национальной армии, не исключая реализацию силового сценария восстановления контроля над Донбассом, а также создание политических условий для возвращения Крыма под свою юрисдикцию.

В 2016 г. противоборствующие стороны в соответствии с Минскими соглашениями осуществляли отвод тяжелых вооружений от линии соприкосновения и неоднократно договаривались о прекращении огня. Однако в связи с отсутствием действенной системы контроля за их выполнением существенных результатов достигнуть не удалось. Вдоль всей линии соприкосновения с различной интенсивностью продолжают взаимные обстрелы, в том числе с использованием артиллерийских систем и РСЗО. Широко применяются снайперские группы, вооруженные новейшими видами стрелкового оружия. При этом в интересах вооруженных сил Украины воздушными и космическими средствами НАТО осуществляется ведение разведки территорий ДНР/ЛНР, на стороне правительственных войск принимают участие военные специалисты вооруженных сил стран – участниц НАТО, представители частных военных компаний, а также наемники из числа иностранных граждан.

Неурегулированность вооруженного конфликта в Украине в 2016 г. продолжала способствовать обострению военно-политической и стратегической обстановки вокруг Беларуси.

Отрицательное влияние на развитие ситуации в Европе кроме вооруженного конфликта в Украине оказывает беспрецедентное по своим масштабам противостояние в военно-политической области между Россией, с одной стороны, и США, НАТО, ЕС – с другой; обострение конкурентной борьбы между Востоком и Западом в экономической сфере, переход к применению санкционной политики; наращивание западными странами военной деятельности на

территории сопредельных с Республикой Беларусь государств, свидетельствующее о практической реализации планов по изменению конфигурации присутствия Североатлантического союза в регионе.

Неблагоприятным фактором с точки зрения безопасности является девальвация существующей системы контроля над вооружениями. Это, в первую очередь, касается Договора об обычных вооруженных силах в Европе (1999), адаптация которого к современным реалиям так и не произошла. Необходимыми условиями для возобновления диалога являются отмена дискриминационных для России так называемых «фланговых ограничений» и присоединение стран Балтии к режиму контроля над обычными вооружениями в Европе.

Именно несовершенство данного документа, а также необязательность его исполнения способствуют милитаризации Восточной Европы. В складывающейся обстановке создание эффективной системы контроля над вооружениями остается базисом внешней политики Республики Беларусь. Одним из аспектов соответствующей деятельности является реализация Соглашения о мерах регионального доверия, что оказывает благоприятное влияние на укрепление военной безопасности нашей страны и развитие добрососедских отношений с сопредельными государствами.

Касаясь проблемы разоружения, нельзя не отметить негативную роль США в данном процессе, которые последовательно осуществляют мероприятия по совершенствованию и наращиванию своего ядерного потенциала, в том числе на Европейском континенте. В частности, модернизируются инфраструктура авиабаз, а также самолеты-носители ВВС стран, в которых размещены тактические ядерные авиационные боеприпасы (Бельгия, Германия, Италия, Нидерланды, Турция).

В настоящее время столкновение интересов субъектов международных отношений приобретает все более жесткие формы, очевидно нарастание конфронтационности и радикализма. Налицо подмена существующей системы межгосударственных сдержек и противовесов военно-политическими союзами и коалициями, которые наделили себя правом самостоятельно принимать любые решения, в том числе и на применение военной силы, без учета мнения большинства государств мира.

Заключение. Таким образом проведенный анализ действующих концептуальных документов администраций США и практических мероприятий военно-политического руководства НАТО в Европе подтверждает неизменность их курса на удержание лидирующего положения

страны в мире и в Европе в качестве политической, военной и экономической сверхдержавы.

В сферу своего влияния США, с учетом меняющегося характера войны, накопленного опыта военных действий за последние годы, стирающейся грани между войной и миром, привлекают все государства НАТО и также «дружественные страны». Идет работа над повышением готовности и способности проводить полный спектр операций в любом регионе, где этого потребует необходимость, как на основе мандата Совета Безопасности ООН, так и в соответствии с собственными решениями.

Вышеизложенное показывает, что рост амбиций США все более влияет и приводит к обострению военно-политической обстановки в Европе. Процессы, развивающиеся вследствие активизации военной деятельности США и Евроатлантического союза в Восточной Европе, оказывают неблагоприятное влияние как на развитие общей военно-политической и стратегической обстановки в Европейском регионе, так и на ситуацию в непосредственной близости от границ Беларуси, и их следует рассматривать как рост потенциальной угрозы безопасности Союзного государства.

Литература

1. Национальная военная стратегия [Электронный ресурс]. URL: http://inosmi.ru/op_ed/20150703/228922858.html#ixzz3oQZ91RZD (дата обращения: 17.02.2017).
2. Стратегия национальной безопасности США [Электронный ресурс]. URL: http://inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885.html#ixzz3oQYMCf1x (дата обращения: 17.02.2017).
3. Печуров С. Эволюция взглядов руководства США на реформирование вооруженных сил после «холодной войны» // Заруб. воен. обозрение. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://ebiblioteka.ru/browse/doc/40795758> (дата обращения: 17.02.2017).
4. Микрюков В. Тяжелое бремя Америки // Независ. воен. обозрение. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/issuetext> (дата обращения: 17.02.2017).
5. Тимохин П. Военная сила в политике национальной безопасности США // Заруб. воен. обозрение. 2015. № 2. С. 3–10 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/43289852> (дата обращения: 17.02.2017)

References

1. *Natsional'naya voennaya strategiaya* [National military strategy]. Available at: <http://inosmi.ru/oped/20150703/228922858.html#ixzz3oQZ91RZD> (accessed 17.02.2017).
2. *Strategiya natsional'noy bezopasnosti SSHA* [The national security strategy of the United States]. Available at: http://inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885.html#ixzz3oQYMCf1x (accessed 17.02.2017).
3. Pecherov S. The evolution of views of the US in reforming the armed forces after the cold war. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie* [Foreign military review], 2014, no. 4. Available at: <http://ebiblioteka.ru/browse/doc/40795758> (accessed 17.02.2017).
4. Mikryukov V. Heavy burden of America. *Nezavisimoe voennoe obozrenie* [Independent military review], 2015, no. 1. Available at: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/issuetext> (accessed 17.02.2017).
5. Timokhin P. Military force in national security policy of the United States. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie* [Foreign military review], 2015. no. 2, pp. 3–10. Available at: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/43289852> (accessed 17.02.2017).

Информация об авторах

Зайцев Александр Александрович – кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры военной стратегии. Военная академия Республики Беларусь (220057, Минск, пр-т Независимости, 220, Республика Беларусь).

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории. Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь).

Information about the authors

Zaytsev Aleksandr Aleksandrovich – PhD (Military), Associate Professor, Professor, the Department of Military Strategy. Military Academy of the Republic of Belarus (220057, Minsk, Nezavisimosti Ave., 220, Republic of Belarus).

Zaytseva Nadezhda Viktorovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economic Theories. Belarusian National Technical University (220013, Minsk, Nezavisimosti Ave., 65, Republic of Belarus).

Поступила 18.02.2017

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316.32

П. А. Водопьянов

Белорусский государственный технологический университет

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ВЫЗОВОВ И РИСКОВ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

В статье обозначены угрозы, представляющие опасность для жизни современного общества, обоснована необходимость изменения сложившегося социально-экономического вектора развития цивилизации, приводящего к нарастанию различного рода рисков в современных условиях. Особое внимание уделено обоснованию комплекса мер, необходимых для обеспечения нормальной жизнедеятельности людей. К их числу относятся: стабилизация численности населения в мире, рационально обоснованное использование природных ресурсов, меры по предотвращению глобального экологического кризиса, снижение индустриального давления на биосферу как необходимого условия сохранения климатических условий, сохранение биологического разнообразия видов и природных экосистем.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, глобальные риски, климат планеты, биологическое разнообразие, природные экосистемы, экологический кризис, численность населения, природные ресурсы.

P. A. Vodop'yanov

Belarusian State Technological University

WAYS TO OVERCOMING CHALLENGES AND RISKS IN THE LIFE OF THE COMPANY

The author indicates threats that endanger the life of modern society, the necessity of changing the existing socio-economic direction of civilization development leading to risk increase in the modern world. Particular attention is given to the justification of the set of measures necessary to ensure the normal life of people. This set of measures includes stabilization of the world population, the rational use of natural resources, measures to prevent global ecological crisis, the decline of the industrial pressure on the biosphere as a necessary condition for the preservation of climatic conditions, the preservation of the biological diversity of species and natural ecosystems.

Key words: socio-economic development, global risks, global climate, biodiversity, natural ecosystems, ecological crisis, population, natural resources.

Введение. Существуют две основные проблемы, представляющие опасность для жизни современного общества, – это деградация жизненной среды, обусловленная негативной человеческой деятельностью и представляющая опасность для всего живого, в том числе и для человека, и истощение природных ресурсов, необходимых для удовлетворения потребностей людей.

Основная часть. Достижения современной науки и техники, всевозрастающий рост численности населения привели к преобразованию природы, изменению качественных параметров окружающей среды и созданию условий в отдельных регионах мира, не пригодных для существования людей. Свидетельством сказанного является то, что в настоящее время около $\frac{1}{3}$ природных территорий полностью нарушено

под влиянием человеческой деятельности. Объем промышленных отходов только на территории Европы составляет около 100 млн т в год, т. е. по 1 кг на человека. Это и многое другое свидетельствует о том, что человечество приближается к критической точке – точке бифуркации в своем развитии. Уже сегодня перед ним маячат такие угрозы, как ядерная катастрофа, создание биороботов и генно-модифицированных продуктов, клонирование человека, опыты в области генной инженерии и другие далеко непредсказуемые последствия и риски, представляющие опасность для ближайшего будущего.

С увеличением масштабов человеческой деятельности произошел стремительный процесс уничтожения многих видов (ежедневно теряется 1 вид) по сравнению с историческим прошлым,

что обусловлено ростом численности населения, уничтожением природных территорий, загрязнением окружающей среды и другими негативными явлениями. Это представляет опасность для нормальной жизнедеятельности людей в результате недостатка жизненного пространства и нехватки природных и биологических ресурсов.

На этом основании можно предположить, что современная цивилизация подошла к точке бифуркации – выбору дальнейшего пути развития: либо продолжить традиционный, сугубо потребительский вектор социально-экономического развития, который приведет к уничтожению жизни на планете; либо избрать принципиально иной путь развития – путь согласования экономического развития с законами эволюции биосферы на основе утверждения биосферного мышления, ориентированного на осознание сопричастности человека природе, на установление гармонии во взаимодействии общества и природы.

Именно поэтому сугубо потребительский вектор социально-экономического развития, основанный на экономическом росте, не может служить необходимым основанием для достижения безопасного будущего. В этой связи возникает необходимость избрания нового пути развития, в основе которого лежит учет восстановительных свойств биосферы и воспроизводство ею биологических ресурсов, необходимых для нормальной жизнедеятельности людей.

Это предполагает принятие комплекса мер, соблюдение которых будет способствовать поддержанию качества окружающей среды и обеспечению нормальной жизнедеятельности людей.

В первую очередь, это касается принятия мер по достижению стабилизации численности населения планеты.

Численность населения в мире крайне неоднородна. В развитых странах наблюдаются низкая рождаемость, низкая смертность, большая продолжительность жизни, и потому существует угроза для этих стран в воспроизводстве населения. По имеющимся данным, уровень рождаемости в странах Западной Европы составляет 1,23 (1–2 ребенка на семью), что свидетельствует о том, что в недалеком будущем численность населения сократится до критического уровня. Численность населения в этих странах поддерживается в основном за счет мигрантов. В настоящее время в странах Западной Европы около 30–35% населения составляют выходцы из других стран.

Противоположная демографическая ситуация в XX в. сложилась в развивающихся странах. За счет заимствования успехов в области

науки и медицины у западных стран в этих странах началась снижаться детская смертность и увеличилась средняя продолжительность жизни.

Темпы годового прироста населения в этих странах достигли необычайно высокого уровня – около 3% в год, а в некоторых странах 3,5%.

В результате отмеченных тенденций в настоящее время прирост населения осуществляется развитыми странами. В целом на сегодняшний день основными направлениями роста численности служат высокая рождаемость и низкая смертность в развивающихся странах и низкая рождаемость и низкая смертность, характерная для развитых стран.

В настоящее время население планеты достигло 7,5 млрд человек, в то время как население западного мира практически прекращает свое воспроизводство. Это обусловлено множеством факторов, таких как гендерное равенство, материальная обеспеченность женщин, внедрение новых образцов культуры, игнорирование традиций в воспроизводстве семьи и общечеловеческих ценностей и т. п. И, если Запад задыхается в хватке «культуры смерти», как однажды об этом сказал Папа Римский, то не приведет ли это к закату западной цивилизации? Именно это обстоятельство – свидетельство депопуляции населения развитых стран, правительства которых принимают законы о гомосексуалистах, отдельные политические деятели публично высказываются за отмену инцеста и многие другие факторы, демонстрирующие упадок и деградацию новой культуры. Особую роль в этом плане играет СМИ, навязывающие стандарты массовой, упрощенной культуры, ориентированной на воспитание молодежи, образ мыслей у которой претерпевает существенную трансформацию. Самые главные исторические события, как об этом отмечал еще в конце XIX в. Густав Лебон в работе «Психология народов и масс», явились результатом сдвигов в человеческом мышлении, в кардинальном обновлении образа мыслей [1].

Поэтому насущные проблемы современной культуры заключаются в необходимости формирования нового образа мышления, новых оценок и нового образа жизни, способных предотвратить опасности, стоящие перед мировым сообществом.

В отличие от природных регуляторных механизмов, действие которых осуществляется на основе генетических программ, закодированных автоматически и не допускающих нарушение порога устойчивости, в человеческом обществе эти механизмы зависят от ценностных установок, взглядов, убеждений и норм ныне живущих поколений.

В отличие от природных систем социальные системы, закодированные культурой, быстро изменяются и зависят от сложившихся представлений, норм, ценностей и практик взаимодействия обществ между собой и с окружающей средой.

Именно поэтому западная цивилизация, давшая человечеству все лучшие образцы культуры и науки, достигшая могущества и богатства, переживает глубочайший упадок культуры, находится в состоянии кризиса, наглядным свидетельством которого является депопуляция общества. Поскольку для сохранения имеющейся численности населения необходимо 2,1, а для расширенного производства – 3 человека на семью. Экономическая независимость женщины, высокий уровень образования, сексуальная революция, ориентированная на свободную любовь и половое удовлетворение, – едва ли не главные факторы снижения рождаемости в Европе?

Вместе с тем высокий прирост населения в развивающихся странах от 85 до 100 млн человек в год создает огромную индустриальную нагрузку на глобальные системы жизнеобеспечения. При нынешних тенденциях прироста населения следует ожидать самых неблагоприятных последствий для всего населения земного шара, поскольку уже в настоящее время несущая способность биосферы (воспроизводство систем жизнеобеспечения в условиях функционирования нынешней экономики) достигла критического предела. Она непосредственно зависит от численности населения и уменьшается во столько раз, во сколько возрастает его численность.

Особую тревогу в этом плане вызывает обеспечение людей продуктами питания в условиях всевозрастающего населения планеты. А между тем катастрофически сокращается плодородный слой почвы, около 1000 т в секунду и около 3000 м² лесных территорий. В настоящее время 27% природных территорий полностью нарушены, 27% – частично нарушены и 27% – не нарушены. Для сравнения: полностью нарушенные территории – это территории, равные площади США, Канады и Китая, вместе взятых.

В этой связи можно без преувеличения утверждать, что кризисные явления, угрожающие будущему человечества, находятся в прямой зависимости от всевозрастающей численности населения, деградации и разрушения природных территорий, наносимого им ущерба, истощения природных ресурсов, загрязнения окружающей среды и других факторов.

Вследствие резкого возрастания численности населения происходит сокращение земель, пригодных для ведения сельского хозяйства, запасов пресной воды, отмечается недостаток энергии. Многие пахотные земли отводятся под строительство городов, промышленных объек-

тов, более того, происходит загрязнение больших территорий радионуклидами, ядохимикатами, пестицидами, тяжелыми металлами, солями, что приводит их в непригодность для выращивания сельскохозяйственных культур. Экологический ущерб от этого колоссален – сокращаются площади сельскохозяйственных угодий, водных ресурсов, увеличивается загрязнение окружающей среды. Это вызывает нехватку продовольствия, утрату калорийного и качественного питания. При существующей численности населения около 1 млрд человек находится в состоянии голода, и около 1 млрд человек страдает хроническим недоеданием, и это происходит в условиях, когда ежегодно население планеты увеличивается на 100–120 млн человек, более 5 млн умирает от голода.

И это притом, что согласно данным ООН, в мире производится продовольствия в 1,5 раза больше, чем необходимо для всех людей планеты. Производимого сегодня продовольствия достаточно, чтобы прокормить 10 млрд человек (прогноз численности населения на 2050 г.).

По данным ООН (июнь 2014 г.), 1/3 пищевых продуктов теряется или используется не по назначению. Только в США 40% пригодных к употреблению продуктов из-за их нестандартных размеров выбрасывается в отходы. В Европе ежегодно уничтожается около 100 млн т продуктов (в Англии около 7 млн т), причем половина из них пригодна к употреблению.

При этом уровень потребления резко отличается в различных странах, а его неоднородность является причиной социальной нестабильности, порождает цветные революции и бунты, протесты и войны. США владеет 50% мирового богатства при численности населения 6,3% в мире.

По имеющимся прогнозам, к концу XXI в. население планеты составит 12–14 млрд человек.

Экспоненциальный рост численности населения приводит к нехватке природных ресурсов и порождает войны, голод, болезни и другие неблагоприятные явления. В мире происходят военные действия за овладение природными ресурсами, их нехватка, наряду с социальной организацией отдельных государств, приводит к голоду; низкий уровень медицинского обслуживания, наряду со снижением качества окружающей среды и некачественной пищей, – причина множества заболеваний и болезней. Все это является одной из причин сокращения численности населения в ближайшем будущем.

В настоящее время идет ожесточенная (бескомпромиссная) борьба за овладение природными ресурсами, зачастую облегченная в «метафорические одежды» – свободы, соблюдения прав человека, нарушения демократии и др. Эта борьба всегда имела место в человеческой

истории, начиная с Великих географических открытий и кончая новыми формами неокolonизма.

Особую опасность в современных условиях приобретает глобальный антропологический, экологический кризис, по сути, означающий столкновение человека с природой. На протяжении длительной человеческой истории человек находился в полной зависимости от природы. Положение коренным образом изменилось в середине XX в., со времени наступления современной научно-технической революции, открывшей широкие возможности преобразования природы и использования ее ресурсов. Человеческая деятельность, превратившаяся в глобальную экологическую силу, позволила человеку освободиться от зависимости от природы и привела к ее деградации, к нерациональному использованию ресурсов [2].

Кризисные явления всегда имели место в различные геологические эпохи. Экологический кризис эпохи неолита позволил человеку выделиться от зависимости от природы за счет приручения диких животных и выведения культурных растений. С этого времени стало возможным создавать искусственные биогеоценозы, сохранение нормального функционирования которых требует дополнительной энергии. Такого рода биогеоценозы могут нормально функционировать только за счет энергии, получаемой от человека.

Более того, в состав искусственно созданных биогеоценозов включаются многие компоненты, которые не подлежат разложению в естественной среде (стекло, пластмассы, многие химические элементы).

Одним из важнейших направлений преодоления такого рода опасных явлений выступает

изменение образа жизни, потребностей людей и характера активной деятельности человека на основе создания таких условий, без которых невозможна нормальная жизнедеятельность людей. В настоящее время возникла настоятельная необходимость изменения сложившегося миропонимания, образа жизни ныне живущих людей на основе учета естественных законов эволюции биосферы. Иными словами, выход из различного рода кризисных явлений возможен при условии утверждения новой системы образования и воспитания, обеспечивающей безопасность существования человека в условиях современной экологической ситуации, на основе утверждения новой нравственности, включающей традиционные общечеловеческие ценности и учитывающей современные условия жизнедеятельности человека. Такого рода нравственность возможна на основе переосмысления антропоцентристской ориентации по отношению к природе, на основе утверждения нового гуманизма, включающего «благоговение перед жизнью» (А. Швейцер) по отношению ко всему живому на нашей планете.

Заключение. Данное обстоятельство позволяет по-новому осмыслить роль и значение биологического разнообразия как необходимого условия обеспечения нормального функционирования биосферы. Только при этом условии открывается возможность выхода человечества из «тисков» (объятий) экологического кризиса, поскольку сугубо технологическое решение экологических проблем, хотя и необходимое условие, но недостаточное на пути предотвращения экологической катастрофы как одного из наиболее опасных рисков глобального характера.

Литература

1. Густав Лебон. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 124 с.
2. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружение. М.: Наука, 1964. 340 с.

References

1. Gyustav Lebon. *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of peoples and masses]. St. Petersburg, Maket Publ., 1995. 124 p.
2. Vernadskiy V. I. *Khimicheskoye stroyeniye biosfery Zemli i ee okruzeniye* [The chemical structure of the Earth's biosphere and its environment]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 340 p.

Информация об авторе

Водопьянов Павел Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: pva1940@bk.ru

Information about the author

Vodop'yanov Pavel Aleksandrovich – DSc (Philosophy), Professor, Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: pva1940@bk.ru

Поступила 28.02.2017

УДК 316.32; 303.01; 316.4

В. П. ШалаевПоволжский государственный технологический университет
(Йошкар-Ола, Российская Федерация)**СИНЕРГЕТИКА ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА, ПОТРЕБЛЕНИЯ
И ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕ**

В статье рассмотрены эвристические возможности социальной синергетики (синергетической теории человека и общества) как научной методологии исследования, описания, понимания, прогнозирования и управления сложной социальной реальностью. В фокусе статьи находится проблема управления, безопасности, отчуждения и объективации человека в обществе эпохи глобализации, потребления и связанный с ними процесс ложной индивидуализации, ложной либерализации и ложной (иллюзорной) свободы человека. В качестве главного механизма такой иллюзорности важнейших ценностей бытия современного человека автор считает возрастание в обществе глобализации и потребления манипулятивного информационного трафика, рекламы, медиа и потребительской масскультуры, эксплуатирующих глубинные свойства человеческой инстинктивности, сензитивности, эмоциональности, морали и некритичности мышления.

Ключевые слова: синергетический подход, человек, общество, визуализация, управление, сознание, поведение, манипуляция, отчуждение.

V. P. Shalayev

Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

**THE SYNERGETIC OF GLOBAL CAPITALISM SOCIETY,
CONSUMPTION AND ALIENATION OF THE PERSON IN SOCIETY**

In article questions of heuristic opportunities of social synergetic (the synergetic theory of the person and society) as scientific methodology of research, description, understanding, forecasting and management of difficult social reality are considered. In particular, in focus of article a problem of management, safety, alienation and an objectivization of the person in the society of an era of globalization, consumption and the related process of a false individualization and false liberalization and false (illusory) freedom of the person. As the main mechanism of such illusiveness of the major values of life of the modern person, the author considers increase in the society of globalization and consumption of a manipulative information traffic, advertizing, media and a consumer mass culture operating deep properties of a human instinktinost, senzitivnost, emotionality, morals and not criticality of thinking.

Key words: synergetic campaign, person, society, visualization, management, consciousness, behavior, manipulation, alienation.

Введение. Идеи синергетической теории и методологии научного познания вот уже более 20 лет будоражат отечественное социально-гуманитарное знание, в том числе и в прикладных исследованиях, и в общественной практике. Ее эвристичность признается многими исследователями, но основные идеи пока еще слабо освоены, и прежде всего, в силу специфичности ее языка, порожденного высоким естествознанием (см. работы И. Пригожина, Г. Хакена, Н. Н. Моисеева, С. П. Курдюмова, В. И. Аршинова и др.). Но также трудно когда-то распространялись и укоренялись в социально-гуманитарном знании и такие естественно-научные подходы, как общая теория систем Л. фон Берталанфи и кибернетика Н. Винера, хотя позднее их методологический ресурс стал одной из основ современного обществознания.

Основная часть. Вхождение синергетики как общенаучной методологии в социально-гуманитарное знание породило феномен социальной синергетики [1–3]. Осмысляя отечественный тренд синергетики как теории самоорганизации систем различной природы (в том числе социальных) и управления ими, остановимся на наиболее существенных ее отечественных теориях конца XX – начала XXI в. Среди них теории Н. Н. Моисеева, С. П. Курдюмова, Е. Н. Князевой. Советскому математику, академику и мыслителю Н. Н. Моисееву принадлежит разработка оригинальной синергетической теории универсального эволюционизма (ТУЭ). К разряду ее глубинных идей можно отнести «эмпирические обобщения» – научные предположения, лежащие в основе «единой картины мира» и не противоречащие человеческому опыту. Главные из них:

1) «все процессы, протекающие во Вселенной, не детерминированы – мир по природе своей стохастичен. В нем существуют принципиальные неопределенности»;

2) «настоящее и будущее любой материальной системы в той или иной степени определяется прошлым...»;

3) «все процессы развития подчиняются определенным законам. Если мы говорим о неживом мире, то это законы физики и химии, в биологии это, кроме того, принципы естественного отбора и т. д. Все такие законы играют роль определенных принципов отбора. Не все, доступное джину, выпущенному из бутылки, может произойти в реальном мире» [4].

Важным наполнением «эмпирических обобщений» стали идеи «адаптационных» и «бифуркационных» механизмов развития мироздания. К первым относятся механизмы, реализующие однозначный переход системы в новое состояние при отсутствии случайных, неконтролируемых воздействий на нее. Ко вторым – механизмы, действующие в ситуациях крайней неопределенности путей дальнейшего развития, когда чрезвычайно сильны случайные, неконтролируемые воздействия на систему, особую роль приобретающие в переходные периоды ее существования, когда новый «эволюционный канал» развития предсказать заранее невозможно [4].

Н. Н. Моисеев рассматривает мир как сверхсложную самоорганизующуюся систему, грандиозный процесс самоорганизации которой подобен турбулентному движению жидкости, в которой на время возникают более или менее стабильные структуры (вихри), однажды неизбежно разрушающиеся, но дающие материал для образования новых структур в системах. Такая схема обладает значительной общностью. Она в равной степени подходит для описания процессов общественного и индивидуального развития человека. Большой интерес в этой связи представляет введенный Н. Н. Моисеевым концепт бифуркационности, являющийся ключом к пониманию эволюции, появлению необратимости в процессах развития Вселенной. Бифуркационность задает направленность в движении материального мира. Результатом бифуркаций являются, в частности, появление жизни и разума на Земле, с которыми связано и возникновение новых типов законов (новых принципов отбора). С бифуркационностью непосредственным образом связаны и периоды зарождения новых форм цивилизации и культуры в истории человечества, и все критические (экстремальные) периоды их развития. Чрезвычайно эвристичны возможности концепта бифуркационности, например, в по-

нимании процессов управления социальными системами, в которых ее можно возбуждать и управлять ею. Благодатным пространством для эвристичности этого концепта, безусловно, является и феномен визуализации в современном обществе, в том числе в рамках проблемы управления визуальностью как фактором управления поведением современного человека, на основе социокультурных ресурсов информационного общества.

Существенный вклад в становление и развитие современной формы синергетического знания в России, несомненно, принадлежит работам С. П. Курдюмова и Е. Н. Князевой [5]. Констатируя кредо синергетики как нового мировидения, ученые отмечают, что она изучает «открытые, нелинейные системы. Ее предмет – механизмы самоорганизации, перехода от хаоса к порядку и обратно, которые не зависят от природы элементов и подсистем». Особое внимание исследователи обращают на феномен «случайного» (флуктуации), доминирующую роль играющего в открытых нелинейных средах, т. е. не просчитываемых нелинейной математикой (являющихся типичными для мира). Сущность случайности в том, что она в форме малого воздействия, флуктуации, способна привести к изменению макроструктуры.

Роль малых направленных воздействий (случайных или целенаправленных) на социальную систему, находящуюся в ситуации бифуркационности (хаоса), становится определяющим фактором путей ее дальнейшего развития. С этим связан, например, и секрет возрастающей роли визуальных практик в современном обществе, широко и успешно эксплуатирующих визуальную сущность человека, в создаваемом пространстве информационного и мировоззренческого хаоса, вакуума ценностей и целей, в обществе потребления, в основе которого лежит работа с манипулятивным сознанием и технологиями.

Проходя через точку бифуркации (хаоса связей и отношений, ветвления путей эволюции системы), в системе срабатывает механизм диссипации – уничтожения, «выжигания» всех «лишних» вихревых потоков (аттракторов – активных устойчивых центров, потенциальных путей эволюции системы, способных притягивать и организовывать окружающую среду и в этом смысле способных ее «временить»), оставляющий только те потоки, что и образуют структуру и в наибольшей степени соответствуют актуально сложившейся ситуации в среде. Все это позволяет характеризовать случайность и связанные с ней малые воздействия и флуктуации (отклонения) как спусковой механизм сложного, нелинейно эволюционирующего мира, в том числе

и в пространстве жизни многообразных социальных систем (мировоззренческих, политических, экономических, информационных, технических и т. д.). Исследователи склонны говорить именно о диалектике случайности и необходимости, где случайность выступает доминирующим фактором за пределами бифуркационных состояний систем в период их ламинарного (последовательного и стабильного) развития.

Важная роль в анализе процессов развития отводится исследователями диалектике отрицательных обратных связей (стабилизирующих и возвращающих систему в исходное состояние) и положительных обратных связей (ведущих ее к разрушениям и неустойчивостям). При этом Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов подчеркивают, что «только системы, далекие от равновесия, системы в состояниях неустойчивости, способны спонтанно организовывать себя развиваться. Устойчивость и равновесность – это, так сказать, тупики эволюции» и наоборот. Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов могут считаться одними из первых исследователей прикладного поля синергетики в понимании социальных процессов различного уровня сложности от индивида до человечества и управления ими (корректнее сказать, соуправления). Суть их подхода заключается в аксиоме, что сложная нелинейная система способна сама «себя строить, структурировать, подобно тому, как строит, организует себя человек или наблюдаемая Вселенная в целом. Нужно только правильно инициировать желательные для человека тенденции саморазвития этой системы». Основываясь на синергетической идее «поля путей развития, спектра структур, потенциально содержащегося, скрытого в нелинейных средах» и роли человека в мире, ученые констатируют, что:

– поскольку всякое развитие многовариантно в своих путях, человек имеет право выбора оптимального для него пути, который можно не только выбрать, но и вычислить, управлять им;

– хотя путей развития много, но их количество не бесконечно. Человек может узнать ограничения данной конкретной системы (принцип запрета), сузив тем самым представления о возможных путях;

– человек способен описать и рассчитать оптимальные для себя и осуществимые, в плане имеющихся возможностей, «сценарии» развертывания событий и их предполагаемые механизмы (экономические, политические в том числе). Но «самое главное, зная будущее желательное состояние и способы следования естественным тенденциям самоорганизации систем, человек может сократить время выхода на аттрактор, будущую форму организации, тем самым он может миновать многие зигзаги

постепенного эволюционного пути, ускорить эволюцию».

Нет сомнений, что эти и другие идеи синергетики могут считаться базовыми в области современной научной теории, в области управления сложными социальными системами и процессами, в том числе «социальным хаосом» в сознании и поведении человека [1–3, 6]. Особую значимость синергетический подход в управлении приобретает в условиях современного информационного общества, широко пользующегося средствами визуализации. Синергетические идеи самоорганизации, бифуркационных и адаптационных механизмов развития, роли малых флуктуаций, случайности и хаоса в развитии сложных систем, аттракторов, открытых и закрытых систем и т. д. можно считать одним из фундаментов синергетической теории современного управления в целом. Ее эвристическое пространство все еще остается открытым, хотя на уровне метода, как мы это показали, и является уже сложившимся фактом [1–3]. Во всяком случае один факт уже является бесспорным спутником современности. Мы живем в обществе все более бифуркационном и все более подверженном бифуркационным экспериментам над ним (пример цветных революций, порожденных интересами большого капитала, бизнеса и политики). Бифуркационность процветает, например, и в процессах потребления (ценностей и поведения), конструируемого в сознании современного человека, со стороны этого капитала и бизнеса, позволяющего ему управлять миллионами и даже миллиардами людей на планете. При том, что этот потребитель сам успешно потребляется этим капиталом и бизнесом, независимо от его воли и желаний, управляемых извне, через нарисованное для него счастье жизни [7].

Особые возможности в познании, понимании и использовании синергетики мы наблюдаем в современной теории визуализации и влияния визуализации на современное общество массового потребления и связанных с ним манипулятивных технологий, эксплуатирующих человека в интересах большого бизнеса и политики. Достаточно привести примеры современных медиа и связанных с ними мировых и локальных информационных сетей, объективирующих жизнь человека, через его же собственные потребности и интересы, нередко ими и конструируемые. Нет сомнений, что в основе этих процессов и как их цель и как их результат – зомбированный, некритичный тип личности [6–12].

Визуальная революция (визуальный поворот в науке, открывшей визуальность как доминирующий канал познания и отношений человека с миром) стала важным фактором развития

современного общества массового производства и массового потребления. Визуальность человека, на которую приходится до 80% получаемой извне информации, основана на человеческих чувствах, наиболее влиятельном факторе самоопределения человека в мире его жизни. Эксплуатация современной цивилизацией, прежде всего бизнесом и политикой, этого канала жизни стала сегодня угрозой для человеческого существования, вопросом безопасности человека во все более отчужденном и объективирующем обществе.

Особые смыслы становящейся синергетической теории визуализации придает атмосфера глобализационных процессов современности, в основе которых наступление глобального капитализма с его устремленностью к гешефту (прибыли) любой ценой. Но также и связанная с ним западофикация (наступление на мир западной массовой культуры), массовое потребление и обусловленные ими формы отчуждения и объективации человека, в том числе средствами информационно-технологий, медиа и рекламы, эксплуатирующих уязвимые свойства человека [1–3, 6–13].

Заключение. В Йошкар-Оле уже многие годы ведутся исследования сущности глобализа-

ции, западофикации, общества потребления, их проявлений, социальных последствий и влияния на современного человека и общество. Исследования объединены вокруг международных Вавиловских чтений, посвященных вопросам глобализации и национальной безопасности (состоялось 20 заседаний), в рамках научного семинара по обществу потребления и потребительским практикам в современном мире и вокруг международного журнала Socio Time/Социальное время, действующих в Йошкар-Оле.

Важным контекстом этих исследований и публичных обсуждений являются проблемы управления, безопасности, отчуждения и объективации человека в обществе эпохи глобализации и потребления. Кроме того, исследуются контексты роли рекламы и медиа в этих процессах, в том числе вопросы эксплуатации ими человеческих сензитивных качеств людей, их инстинктивности и некретичности мышления. Анализируется уязвимость человека перед влиянием манипулятивных технологий бизнеса и политики и т. д. [6, 7, 9–13]. Важным аспектом этих исследований, их методологической призмой и выступают ресурсы социальной синергетики.

Литература

1. Шалаев В. П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций: монография. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. 184 с.
2. Шалаев В. П. Синергетика человека, общества, природы: управленческий аспект: учеб. пособие. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2000. 134 с.
3. Шалаев В. П. Социосинергетика: истоки, теория и практика в современном мире: монография. Йошкар-Ола: МарГТУ, 1999. 272 с.
4. Моисеев Н. Н. Пути к созиданию. М.: Республика, 1992. 236 с.
5. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 3–20.
6. Хренков В. В., Шалаев В. П. Функции потребительской рекламы в глобализирующемся обществе (социально-философский аспект) // Национальная безопасность России в глобализированном мире: состояние, вызовы, риски и механизмы устойчивого развития: сб. тр. Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. В. П. Шалаева. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. С. 71–80.
7. Шалаев В. П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // Socio Time/Социальное время. 2016. № 2. С. 71–81.
8. Шалаев В. П. Глобализация как западофикация и колонизация мира и эпилог западной оси мировой истории // Socio Time/Социальное время. 2015. № 2. С. 50–59.
9. Шалаев В. П. Мировоззренческо-образовательная западофикация как технология глобализации и угроза национальной безопасности России (философский анализ) // Socio Time/Социальное время. 2015. № 1. С. 57–71.
10. Шалаев В. П. Осторожно мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // Socio Time/Социальное время. 2015. № 3. С. 48–57.
11. Шалаев В. П. Человек и общество в глобализированном мире: метаморфозы, вызовы и перспективы. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. 288 с.
12. Шалаева С. Л., Шалаев В. П. Либеральная (псевдолиберальная) культура как фактор глобальной западофикации и глобального управления // Socio Time/Социальное время. 2015. № 2. С. 112–122.

13. Шалаев В. П. Мутация наступает: общество в перекрестке глобального потребления // Общество потребления и потребительские практики как фактор национальной безопасности и устойчивого развития России в глобальном мире: сб. ст. / под общ. ред. В. П. Шалаева. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. С. 29–36.

References

1. Shalayev V. P. *Aktual'naya sinergetika: chelovek i obshchestvo v epokhu global'nykh transformatsiy: monografiya* [Actual synergetics: man and society in the era of global transformations: monograph]. Yoshkar-Ola, PGTU Publ., 2013. 184 p.
2. Shalayev V. P. *Sinergetika cheloveka, obshchestva, prirody: upravlencheskiy aspekt* [Synergetics of man, society, nature: management aspect]. Yoshkar-Ola, MarGTU Publ., 2000. 134 p.
3. Shalayev V. P. *Sotsiosinergetika: istoki, teoriya i praktika v sovremennom mire: monografiya* [Sociosynergetics: origins, theory and practice in the modern world: monograph]. Yoshkar-Ola, MarGTU Publ., 1999. 272 p.
4. Moiseev N. N. *Puti k sozidaniyu* [Ways to create]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 236 p.
5. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. Synergetics as a new worldview: dialogue with Prigogine. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1992, no. 2, pp. 3–20 (In Russian).
6. Khrenkov V. V., Shalayev V. P. Functions of consumer advertising in a globalizing society (social-philosophical aspect). *Natsional'naya bezopasnost' Rossii v globalizirovannom mire: sostoyaniye, vyzovy, riski i mekhanizmy ustoychivogo razvitiya: sbornik trudov Mezhdunarodnoy konferentsii: v 2 chastyakh. Chast' 1* [Russia's national security in a globalized world: status, challenges, risks and mechanisms of sustainable development: proceedings of the International scientific conference: in 2 parts. Part 1]. Yoshkar-Ola, PGTU Publ., 2015. Pp. 71–80.
7. Shalayev V. P. Bifurcational person in a global consumer society. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2016, no. 2, pp. 71–81 (In Russian).
8. Shalayev V. P. Globalization as a westernization and colonization of the world and the epilogue of the western axis of world history. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 2, pp. 50–59 (In Russian).
9. Shalayev V. P. Worldview-educational westernization as a technology of globalization and a threat to Russia's national security (philosophical analysis). *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 1, pp. 57–71 (In Russian).
10. Shalayev V. P. Caution mutation: man and society facing the challenges of globalization, westernization and consumption: contradictions are mounting. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 3, pp. 48–57 (In Russian).
11. Shalayev V. P. *Chelovek i obshchestvo v globalizirovannom mire: metamorfozy, vyzovy i perspektivy* [Man and society in a globalized world: metamorphoses, challenges and prospects]. Yoshkar-Ola, PGTU Publ., 2015. 288 p.
12. Shalayeva S. L., Shalayev V. P. Liberal (pseudo-liberal) culture as a factor of global westernization and global governance. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 2, pp. 112–122 (In Russian).
13. Shalayev V. P. The mutation is coming: society at the crossroads of global consumption. *Obshchestvo potrebleniya i potrebitel'skiye praktiki kak faktor natsional'noy bezopasnosti i ustoychivogo razvitiya Rossii v global'nom mire: sbornik statey* [Consumer society and consumer practices as a factor of national security and sustainable development of Russia in the global world]. Yoshkar-Ola, PGTU Publ., 2015. Pp. 29–36.

Информация об авторе

Шалаев Владимир Павлович – доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий. Поволжский государственный технологический университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Российская Федерация). E-mail: shalaevp@volgatech.net

Information about the author

Shalayev Vladimir Pavlovich – DSc (Philosophy), Professor, Dean of the Faculty of Social Technologies. Volga State University of Technology (3, Lenina Sq., 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: shalaevp@volgatech.net

Поступила 28.02.2017

УДК 316.647.6:005.334:167

П. М. Бурак

Белорусский государственный технологический университет

РИСКИ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО НОНКОНФОРМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИХ РЕГУЛИРОВАНИЮ

В статье раскрываются предпосылки возникновения, содержание и роль гносеологического нонконформизма в развитии общества. Обосновано представление о сущности гносеологического нонконформизма как проявления внутренних механизмов социальной самоорганизации, основу которой составляют взаимосвязанные, взаимозависимо развивающиеся противоположные тенденции изменений в обществе, благодаря которым формируются его имманентная неравновесность и способность к самообновлению. Выявлены риски стихийного и направляемого гносеологического нонконформизма, генерируемого субъективно с помощью установки негативизма. Синтез идей диалектического, системного, синергетического и коэволюционного подхода позволил сформулировать теоретический конструкт для анализа связей объективных и субъективных факторов в гносеологическом нонконформизме, что является условием предвидения возможных его последствий и регулирования возникающих рисков в обществе.

Ключевые слова: риск, гносеологический нонконформизм, общество, коэволюция, противоречия, самоорганизация, система, теоретический конструкт.

P. M. Burak

Belarusian State Technological University

EPISTEMOLOGICAL RISKS OF NONCONFORMISM IN MODERN SOCIETY AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO ITS REGULATION

In the article the preconditions of occurrence, the content and the epistemological role of nonconformism in the development of society. Grounded understanding of the nature of epistemological nonconformity as manifestations of internal mechanisms of social self-organization, which is based on interconnected, interdependent, emerging opposite trends of changes in society, thanks to which formed his immanent imbalance disequilibrium and ability to renew itself. The identified risks natural and direct epistemological nonconformism generated subjectively by setting negativity. The synthesis of the ideas of dialectical, systemic, synergistic and co-evolutionary approaches allowed us to formulate a theoretical construct for analysis of relationships of objective and subjective factors in epistemological nonconformity, which is a prerequisite of foresight of possible consequences and regulation of emerging risks in society.

Key words: risk, epistemological nonconformity, society, co-evolution, contradictions, self-organization, system, theoretical construct.

Введение. Анализ социальных изменений, происходящих на протяжении последних трех десятилетий в странах бывшего СССР и в мире в целом, обнаруживает сходство их целей, средств и результатов. Данная тенденция включает отказ от принципа продуктивной преемственности в развитии важнейших сфер жизни социума, разделение целостных обществ на зачастую противостоящие социальные группы, предъявление населению искусственно сконструированного теоретического образца будущего жизнеустройства вместо раскрытия и ознакомления с реальной картиной социального мира, который будет складываться в результате радикальных перестроек по сценариям различной окраски. Важнейшим общим механизмом подобных изменений, которые имеют продолжение и в настоящее время, является формирование гносеологического нонконфор-

мизма, обуславливающего возникновение новых переходных интенций мышления и поведения разнородных групп населения, представляющих различные институты и структурные уровни социальной организации. Характерной особенностью транзитивного характера гносеологического нонконформизма, который мы рассматриваем в настоящей статье, является то, что он основывается на установках одностороннего негативистского отношения к сложившейся социальной конструкции общества с целью его «разборки» и подготовки на освободившемся месте некоей «стройплощадки» нового мироустройства, которое рядовые носители деструктивной энергии в массе своей не представляли. В формировании настроений и желаний обновления общества с использованием для этих целей бытовой, околонучной, ложной информации активно участвовали

средства массовой информации, печатные издания, которые отступили от принципа объективной истины и незаметно заменяли ее ценностью мнения каждого человека. В результате таких действий из бытового («безобидного») неконформизма вырос гносеологический неконформизм разрушительного негативного характера. Под гносеологическим неконформизмом мы понимаем эклектическую «смесь» мыслей в сознании людей, представляющую собой соединение некоторых обыденных сведений, эмпирических фактов и обобщений, отдельных элементов научного знания, односторонней и ложной, псевдонаучной информации, сугубо негативистских установок и требований радикальных изменений по отношению к отдельным социальным институтам, социально-экономическому и политическому устройству общества. В хаотизированной структуре гносеологического неконформизма, как правило, центральное место занимают специфические неконформистские гносеологемы или основные идеи – аттракторы, которые придают ему как бы целостный характер, «адсорбируя» односторонние негативные оценки и различного рода сведения, содержащие требования разрушения деструктивно-критикуемых социальных порядков. В целях раскрытия причин возникновения, сущности и роли негативных проявлений гносеологического неконформизма, а также для определения некоторых возможностей регулирования порождаемых им рисков социальной нестабильности применен синтетический подход, включающий элементы диалектического метода, системного анализа, идеи синергетики и коэволюционной интерпретации процессов развития общества.

Основная часть. Одной из самых общих причин гносеологического неконформизма негативного характера является, на наш взгляд, одностороннее, упрощенное понимание онтологически противоречивого характера социального мироустройства. Упрощение выражается в том, что органически связанные между собой противоположные тенденции развития рассматриваются не в единстве и взаимообусловленности в широком диапазоне их возможных взаимоотношений, не с учетом разнообразных результатов их взаимодействия (например, производства и потребления, плана и рынка, производственной и непроизводственной деятельности и т. д.), а в плане их противопоставления или с точки зрения субъективно выгодной интерпретации их отношений. Противоречивость социального развития является выражением общеприродной закономерности существования любого явления, его системной самоорганизации и саморазвития. Общество, как часть природной

реальности, сохраняет собственное бытие, поскольку воспроизводит способность к саморазвитию и системной самоорганизации благодаря воспроизводству относительно противоположных тенденций изменений в их единстве и активном взаимодействии. Объективно-противоречивый характер социальных изменений опосредуется, воплощается и осуществляется в субъективных переживаниях противоречий в форме потребностей, в интенциях взаимодействия, в столкновении различных интересов и аргументов, в формировании и генерировании знаний и оценок по поводу тех или иных возможностей решения актуальных проблем социального бытия. Проблемы различного характера, степени сложности и масштабности, начиная от мелких бытовых и заканчивая глобальными, или проблемами человечества в целом, пронизывают всю человеческую жизнь. Ироничная констатация сущности социальной жизни в данном контексте о том, что мы такие существа, которые сами себе создают проблемы, а затем прилагают неимоверные усилия, чтобы их разрешить, по сути своей выражает общий закон бытия природы, общества и человеческого мышления, согласно которому внутренней причиной существования и развития любого явления выступает его внутренняя противоречивость и взаимодействие разнонаправленных тенденций изменений, их единство и целостность. А поскольку любая проблема практической деятельности или мышления есть социальный способ обозначения и выражения противоречий как источника и способа любых социальных изменений, то общественная жизнь, включая существование каждого человека, в действительности представляет собой бесконечный или перманентный процесс формирования, разрешения и порождения все новых противоречий и, следовательно, проблем самого разного характера. Решение проблемы представляет собой разрешение лежащего в ее основе противоречия, а значит, ту или иную степень удовлетворения соответствующей потребности, так как любая потребность человека, социальной группы общества в целом есть противоречие между существующим и должным. В своем понимании единства противоположных тенденций процесса развития множество субъектов социальных преобразований руководствуются не принципом взаимосвязанности, целостности изменений, а только частичным представлением о них исходя из своего уровня знаний, своих интересов и целей. На практике такая позиция часто означает не только отсутствие целостного подхода к решению проблем, но и стремление решить проблему, прежде всего, в пользу той или иной социальной группы индивидов, что означает

противопоставление, но не синтез различных тенденций развития социума. Это сопряжено со стремлением аргументировать преимущества собственной позиции, привлекая различные знания для ее подтверждения, начиная от бытовых и заканчивая теоретическими конструкциями одностороннего характера. Это и есть гносеологический неконформизм, разрушающий целостность общества, его стабильность и разделяющий общество по сферам сугубо частных интересов.

Гносеологический неконформизм деструктивного характера органически связан с особенностями повседневного (обыденного) рассудочного мышления представителей различных социальных групп населения, включая и иерархические структуры управления обществом. Сущность одной из таких особенностей подчеркивал Гегель. Обыденное сознание каких-либо субъектов социальных изменений делает ставку на различия своих позиций в объяснении причин и способов решения тех или иных проблем по отношению к аналогичным позициям других субъектов по тем же проблемам. Существенной особенностью такого различия является отношение к позиции другого как внешнему фактору, что Гегель называет равнодушием в отношении с другим, которое включает непонимание их общей сущности, состоящей в единстве сходства и несходства, присутствующих в различиях. Рассудок же «доводит разъединение» сходства и несходства «до такой степени», что «видит в них различные стороны» общего (единства) и «различные точки зрения на него...» [1, с. 273].

Далее Гегель подчеркивает, что «различие в себе есть существенное различие положительного и отрицательного...» [1, с. 276]. На уровне обыденного сознания собственная позиция субъекта в оценке той или иной проблемы зачастую репрезентируется не как противоречивая, целостная, а только лишь как положительная. Подобный характер знаний по той или иной проблеме и соответствующей аргументации по ее решению и является фактором одностороннего, разрушительного гносеологического неконформизма в отношении к единству, целостности и стабильности общества. Такого рода неконформизм может иметь негативные последствия на различных уровнях организации и управления обществом, если его идеи овладевают сознанием субъектов социальных отношений и превращаются в установки, направляющие практические действия.

Напротив, гносеологической, теоретико-методологической и практико-ориентированной предпосылкой стабильного существования общества является понимание единства тождества

и различия оценок и знаний в решении социальных и других проблем, что рассматривается как «основание» или «истина того, чем оказалось различие и тождество...» [1, с. 281]. Таким образом, общеметодологической предпосылкой понимания причин возникновения, сущности, регулирования и упреждения разрушительных проявлений гносеологического неконформизма является знание противоречивого характера социальных проблем, а также закономерностей их транслирования в способы рассудочного осмысления, в повседневное знание и массовое сознание людей.

Среди части населения, в особенности в среде старших поколений некоторых постсоветских стран, формируется новая гносеологема «Приобретаем услуги и теряем человечность!». Она выражает отношение с позиций исконной народной традиции сохранения и развития духовного единства во всяком важном общественном начинании и судьбоносном проекте к одной из доминирующих тенденций партикуляризации в построении социальных связей общества потребления, формально кодифицируемых и регламентируемых экономико-правовой целесообразностью.

Носители и акторы отмеченной традиции желают ее выстраивать и видеть точно такое же стремление со стороны производителей различного рода услуг сохранять и активно воспроизводить в своей деятельности первооснову социального здоровья и обеспечивать ее стабильность на перспективу в форме вкладов в духовный «банк» народа. Такой «банк» стабилизации общества и единства народа хранит приоритеты в отношениях между людьми – человечность, взаимопонимание, взаимопомощь, взаимоуважение, справедливость, честность, бескорыстие, эмпатию, взаимную поддержку, т. е. все те качества в целом, которые делают народ зрелым гуманистически, мудрым житейски и стратегически одаренным в сложных исторических испытаниях.

Гносеологический неконформизм расчетливо-потребительского характера имеет свои символические идеи – аттракторы (гносеологемы). Одна из таких гносеологем, получившая распространение на уровне повседневных коммуникаций и довольно часто используемая в негативистском построении межличностных отношений, состоит в отталкивающе-нацеливающем выражении «Ваши проблемы!!!», которое фиксирует установку противодействия тенденции вовлеченности в эмпатическое разрешение какой-либо актуальной проблемы, рассчитанной на взаимодействие и взаимопонимание. Подобная тенденция разделенности и противоборства интересов имеет место

в функционировании любого общества. Опасным для сохранения нравственного здоровья и единства общества выступает также спонтанный синтез некоего внешнего подобия товарищества и потребления услуг в форме, например, коррупционных явлений. В такой ситуации взаимная квазидоверительность и ее приватное обоснование фактически кооперируются со стремлением взаимовыгодного потребления (и не более того) самих субъектов социальных отношений как полезных для приватного использования самовоспроизводящихся вещей. При этом отсутствие четкого приоритета следования народной традиции высокой нравственности и совести означает занятие свободного от совести (за которую не платят) места предпочтением личной потребительской выгоды от того или иного совместного начинания. Вряд ли с коррупционной тенденцией спонтанно развивающейся психологии услуг и их потребления можно успешно справляться только лишь с помощью экономико-правовых постулатов очищения общества от заблуждений потребительского образа жизни. Сдерживающим противовесом самооправдания гносеологического неконформизма («все, кто ворует, и живут хорошо!») потребительского толка является также упорное и разностороннее формирование активной роли гуманной народной морали, одним из столпов которой является бескорыстное соучастие в создании общенародного блага и служении ему, что одновременно означает восхождение к социальному признанию и собственное, личностное возвышение.

В процессе генезиса гносеологического неконформизма в его деструктивном значении можно выделить несколько условных стадий формирования негативистского отношения к различным сторонам существующей социальной реальности. Это – обычный бытовой («кухонный») гносеологоподобный неконформизм как способ критического выражения неудовлетворенности отдельных субъектов, социальных групп некоторыми явлениями и условиями повседневной жизни, не влекущий за собой никаких негативных действий. Вторая стадия заключается в попытках «перевода» стараниями заинтересованных лиц настроений бытовой неудовлетворенности в конгломерат или эклектический набор некоторых отрицательных знаний о существующих социальных порядках и стремлении «заразить» соответствующими настроениями негативизма различные слои общества. На третьей стадии осуществляются попытки преобразовать эклектический набор отрицательных сведений о существующей социальной системе в некое квазилогическое обоснование ее несостоятельности и сформировать установки

сознания определенных социальных субъектов, направленные на созревание непреклонной готовности к «разборке» существующих порядков.

Сущность четвертой стадии демонстрации гносеологического неконформизма, интегрируемого на основе установки негативного отношения к существующим социальным порядкам, заключается в соединении квазиобоснования их неперспективности с активными действиями по их разрушению. А поскольку по «программе» действий, построенной из эклектического, одностороннего набора разнородных сведений о только лишь негативных социальных явлениях существующей системы, ничего прогрессивного построить невозможно, то гносеологический неконформизм, конструируется и используется в качестве орудия дестабилизации. В таких случаях этапы формирования гносеологического неконформизма можно рассматривать как направляемую тенденцию аккумуляции спонтанной энергии хаотического сознания и действий для целей разрушения какой-либо системы.

Общим условием возникновения и активной роли негативного проявления гносеологического неконформизма выступает включенность неконформистских интенций в процессы развития и системобразования во всех сферах жизни общества. Развитие есть решение проблем, выражающих сущность и взаимодействие противоположных тенденций в воспроизводстве и сохранении системной организации общества. Гносеологический неконформизм в его позитивном и негативном значении является одним из механизмов связей противоположных тенденций развития, их взаимной зависимости и взаимопереходов, взаимного отрицания, взаимного стимулирования, относительного взаимоисключения, противоборства и согласованности, автономности и взаимного воспроизводства. Все эти и другие механизмы переходов и связей противоположных тенденций развития составляют противоречия, понимаемые в диалектике как источник развития природы, общества и человеческого мышления. Негативным свойством в структуре таких переходов гносеологический неконформизм становится в тех случаях, когда социальные субъекты не учитывают в своей деятельности все множество функциональных ролей переходных механизмов, не выбирают наиболее продуктивный вариант их согласования и не определяют в контексте практических условий главную тенденцию в связях противоположностей. Напротив, ставка делается лишь на противоборство и устранение одной из противоположностей как источника помех для реализации собственных целей.

В отношениях противоположных тенденций развития, связь которых образует противоречие, всегда имеется та или иная доминирующая сторона в каком-либо отношении. Эти стороны меняются местами в зависимости от конкретных условий и решаемых задач. Поэтому противоречие и проблема ее выражающая представляют собой (с точки зрения синергетики) неравновесную систему, способную к развитию. С учетом наличия множества механизмов взаимосвязи противоположностей такая система характеризуется нелинейностью или неким множеством возможных направлений развития и неопределенности перспективы. Стихийный гносеологический неконформизм разрушительного характера не «знает» этих диалектико-синергетических закономерностей и формируется как средство разрушения самих источников развития общества. К этому следует добавить, что с позиций попыток соединения диалектического метода и системного подхода, имеющих целью продвинуть разработку системной диалектики, противоречия как источник развития общества, природы или человеческого мышления представляют собой основной системообразующий фактор или главный механизм самоорганизации любой системы – биологической или социальной. Разрушая единство тенденций развития той или иной системы, гносеологический неконформизм негативной формы разрывает целостность и основы стабильности социальной организации, «ликвидирует» возможности ее самосовершенствования. Негативный гносеологический неконформизм выступает антагонистом коэволюционного принципа взаимозависимого существования, взаимозависимого, согласованного развития противоположных тенденций социальных изменений в их единстве. Коэволюция не только согласует функции противоположных тенденций в едином процессе устойчивого развития социальных систем, отдельных сфер жизни общества, но и создает некую взаимосообразную их неупорядоченность, неравновесность. Способом проявления этих функций коэволюции является конструктивная критика в решении тех или иных социальных проблем, в отличие от сугубо деструктивной критики, не направленной на продуктивное решение проблем на основе принципов коэволюции. Деструктивная критика – это одно из проявлений гносеологического неконформизма в его негативном варианте.

Коэволюционный подход в развитии, например, системы производства и потребления состоит в том, что создавая новый продукт, производство формирует новые потребности и контингент потребителей, внося неравновесность и некую разбалансированность в сло-

жившуюся систему потребления, тем самым способствуя ее совершенствованию. В свою очередь, сфера потребления аккумулирует идеи совершенствования производимых продуктов и тем самым вносит определенный дисбаланс в существующую систему производства и побуждает ее совершенствоваться. Если же, например, производство не реагирует на изменения ориентаций в сфере потребления, оно выходит из «поля» коэволюционной взаимозависимости. Следствием является возникновение радикального гносеологического неконформизма в отношении производства.

Таким образом, теоретический конструкт взаимосвязи идей диалектики, системного подхода, синергетики и коэволюции помогает понять механизмы саморазвития социальных систем и в данном контексте осмыслить причины возникновения деструктивного характера гносеологического неконформизма как одного из существующих средств неконтролируемой социальной самоорганизации и спонтанных процессов изменений в обществе. Подобные знания нужны для построения опережающей стратегии регулирования социальных процессов, для предвидения возможных проблем в развитии общества и обеспечения социальной стабильности.

Эти методологические условия являются актуальными и для понимания причин возникновения и негативного значения гносеологического неконформизма в отношении естественнонаучной и гуманитарной культуры, фундаментальных и прикладных исследований, плановой и рыночной экономики, общественной необходимости и личной свободы, глобального и национально-государственного управления и т. д.

Заключение. Выявлены объективные и субъективные причины возникновения, содержания и негативного проявления гносеологического неконформизма как транзитивного средства радикальных изменений существующих систем социальных отношений и перехода к иным моделям социальной организации. Раскрыта зависимость появления гносеологического неконформизма от специфических особенностей взаимодействия противоположных тенденций развития диалектических противоречий в саморазвитии общества. Эти противоречия содержат возможности как прогрессивных, так и регрессивных изменений в зависимости от субъективных интересов и действий различных социальных групп. Охарактеризованы некоторые этапы эволюции гносеологического неконформизма, начиная от приватно-бытового уровня и заканчивая деструктивными его тенденциями в масштабах всего общества.

Отмечены различные риски гносеологического нонконформизма. Предложен подход к формированию теоретического конструкта анализа причин и регулирования рисков негативных проявлений гносеологического нонконформиз-

ма на основе интеграции некоторых идей диалектики, системного анализа, синергетики и коэволюции. В этом плане исследование гносеологического нонконформизма может быть продолжено.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.

References

1. Gegel' G. V. F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. V 3 tomakh. Tom 1. Nauka logiki* [Encyclopedia of the philosophical sciences. In 3 vol. Vol. 1. The science of logic]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 452 p.

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: burak1949@tut.by

Information about the author

Burak Petr Mikhaylovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: burak1949@tut.by

Поступила 15.03.2017

УДК 159.922

Ч. С. Кирвель

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

МЕТАМОРФОЗЫ И ПАРАДОКСЫ РАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

В статье показывается, что рационалистическая система ценностей, со становлением и развитием которой связаны величайшие достижения западноевропейской цивилизации, к началу XXI в. оказалась исчерпанной. Констатируется, что рационалистический подход к действительности содержит в себе наряду с созидательным разрушительное, деструктивное начало. Отсюда – потребность не только по-новому взглянуть на природу рационального сознания и механизмы его воспроизводства, но и осмыслить пути формирования новой духовности (новой рациональности в том числе), которая может послужить отправной точкой в социокультурном развитии человечества в XXI в. В работе обосновывается мысль, что в утверждении нового подхода к окружающему миру призвана сыграть существенную роль формирующаяся в последнее время постклассическая рациональность, которую можно определить как гуманистическую рациональность. Делается вывод, что в наше время лишь синтез «философии разума» и «философии сердца» может дать достойное человека отображение мира в его сознании, стать надежной основой его поведения.

Ключевые слова: рациональность, рациональное сознание, рациональная эффективность, гуманистическая рациональность, иррациональность, инструментальный разум.

Ch. S. Kirvel'

Yanka Kupala State University of Grodno

METAMORPHOSES AND PARADOXES OF RATIONAL CONSCIOUSNESS

The article states that the rationalistic system of values, the emerging and the development of which is associated with the greatest achievements of the Western European civilization, had been exhausted by the beginning of the 21st century. It is ascertained that the rationalistic approach to reality combines along with constructive also destructive bases. Hence there is a need not only for a new approach to the essence of rational consciousness and mechanisms of its reproduction but also for consideration the ways of forming of new spirituality (including new rationality) which may be the starting point for sociocultural development of mankind in the 21st century. The article grounds the idea that postclassical rationality that has been formed most recently will play an important role in strengthening of a new approach to the world. This postclassical rationality may be defined as humanistic rationality. The author draws a conclusion that only the synthesis of "philosophy of mind" and "philosophy of heart" may provide adequate reflection of the world in man's consciousness, become secure basis of his behavior.

Key words: rationality, rational consciousness, rational effectiveness, humanistic rationality, irrationality, instrumental reasoning.

Введение. Проблема рационального сознания, рациональности и ее границ в последнее время стала ведущей темой философского анализа. Сегодня в разных областях философского знания, начиная с теории познания и кончая этикой и социальной философией, теоретический поиск и исследовательский интерес так или иначе выходят именно на данную проблему. Это обусловлено как существенными сдвигами, происшедшими в нашей цивилизации, так и потребностью преодоления целого ряда кризисных явлений в развитии теоретического мышления. В сущности, актуальность проблемы рациональности вызвана возрастающим беспокойством о судьбе техногенной цивилизации. Кризисы, порожденные ею, и прежде всего экологический, – вот что в конечном

счете стоит за сегодняшним столь широким интересом к проблеме рационального сознания.

Основная часть. Одной из центральных для «проекта Просвещения» явилась мысль о том, что свобода человека, его эмансипация от гнета внешних (природных и социальных) сил и обстоятельств может быть достигнута только на путях переустройства мира на основе рационального знания. Согласно такому подходу, освободить человека, снять его зависимость от всяких внешних сил и, соответственно, превратить его в господина не только собственной индивидуальной судьбы, но и исторической судьбы всего человечества можно только путем полного освоения окружающей среды, включающей в себя и природу, и общество, и даже тело самого человека. При таком подходе

овладение окружающей средой, контроль и господство над внешними обстоятельствами выступает как «рационализация», которая в предельном своем выражении может быть понята как преодоление стихийно-спонтанного характера развития природы, общества, человека [1, с. 7].

Индустриальный путь развития, по которому пошла Западная Европа, изначально делает ставку на науку и, тем самым, как будто возвышает науку над всеми другими формами культуры. Однако это ведет к изменению функций разума в целом, а точнее сказать, это сводит человеческий разум лишь к одной функции – к функции решения технико-экономических задач с целью достижения пользы, эффективности, прибыли. В результате целостность разума, единство его постигающей (выработка общего представления о мире и месте в нем человека) и преобразующей (решение утилитарно-практических задач) ипостасей было нарушено, деформировано. Проблемы целостного познания истины под напором технико-инструментальных задач отступили на задний план и перестали быть востребованными.

И чем дальше шла Европа по пути индустриального развития, тем сильнее гипертрофировалась инструментальная сторона разума, тем больше подавлялась его познавательная и критическая сторона. В ходе этого процесса разум становится все более конформистским (вспомним высказывание Г. Маркузе: «Всякий разум по природе своей буржуазен»). Иначе говоря, разум, сведенный исключительно к рациональности, точнее сказать, целерациональности, становится неспособным к решению проблем, связанных с постижением смысла, обоснованием целей, теряет свою критическую напряженность, перестает быть способным отделять должное от сущего, выходит за пределы данности в мир умопостигаемый. Он весь привязан к процессу достижений выгоды и пользы (понимаемых прежде всего как прибыль) и, соответственно, перестает быть путем к истине. И, наконец, когда процессы повсеместной рационализации захватывают все сферы жизнедеятельности людей, включая стандарты поведения индивида, в том числе и манипулирование его сознанием, разум и впрямь полностью теряет свое обаяние и прелесть, превращается лишь в орудие силового воздействия на окружающую среду, в инструмент подавления человеческой свободы.

Тот факт, что в реальной истории инструментальная форма разума развивалась исключительно за счет критически-рефлексивной его стороны, дал основания, например, С. А. Левицкому говорить о «безумной рациональности»,

а Ч. Миллеру о «рациональности без разума» [2, с. 322].

Рациональное сознание ориентируется на моделирование реальности в системе понятийных конструкций, надстраивающихся над обыденными представлениями о мире, создает особое царство Разума, очищенное от эмпирической случайности, – мир идеальных сущностей. Последний, как в этом убеждают нас факты, имеет устойчивую тенденцию отчуждаться от мира реально живущих и действующих людей, от живой действительности, замыкаться в себе самом, превращаться в нечто самодовлеющее. Следствие этого – оценка противостоящего мира не в его собственных терминах, а в терминах, которые могли бы этот мир привести в соответствие с миром идеальных конструкций, позволили бы его преобразовать. Определяя свои понятия в терминах потенциальных возможностей, которые принадлежат иному строю мышления и существования, являются отвлеченными от реальных объектов окружающего мира, рационализм достигает некой «абстрактной чистоты», которая таит в себе интенцию индифферентного, абстрагированного отношения к противоречивым и бесконечно уникальным проявлениям окружающего человека мира. Причем наибольшая опасность возникает тогда, когда принципы рациональности начинают упрощенно переноситься в сферу общественной жизни, человеческих отношений, в жизненный мир человека, туда, где каждая личность сложна и неповторима. Поскольку богатство индивидуальной жизни всякий раз оказывается непостижимо для рационализма, постольку он вольно или невольно вынужден отвлекаться от этой человеческой бесконечности, рассматривая ее усредненно.

Основной задачей рационального сознания является констатация объективной истины независимо от того, нравится ли это человеку или нет, поможет ли она ему в достижении смысловых целей или же, напротив, ее знание отвлекает или даже препятствует их реализации. Мир рациональных истин в таком случае оказывается оторванным от мира ценностей, идей и переживаний, по-настоящему значимых для человека, делающих его жизнь осмысленной и одухотворенной. Иначе говоря, рациональное знание создает образ действительности, обособленный от переживаний человека, чуждый его интимному «я», его интенциям и устремлениям. Прав был русский мыслитель П. А. Флоренский, определивший науку возрожденческой рационалистической цивилизации как псевдогуманную. С его точки зрения наука, провозглашенная этой цивилизацией альфой и омегой всей жизни, утратила тот

основной масштаб, которым определяется сам человек [3, с. 123]. Средневековая схоластика, утверждавшая достижимость согласия между умом и сердцем, знанием и верой, еще не знала этой трагической коллизии между констатацией истины и утверждением ценности. Данная коллизия – продукт Нового и Новейшего времен.

Что касается нравственных оснований жизни в технологическом обществе, то здесь встает проблема колоссальной важности. Дело в том, что категория морали применима лишь к действиям, направленным на живое, а человек в индустриальном (неоиндустриальном) обществе имеет дело по преимуществу с неживым. Отсюда – сужение сферы действия моральных норм и императивов. Моральные оценки, не опирающиеся на основные постулаты технократической модели развития общества, воспринимаются как «субъективные», «эмоциональные», как малонадежные критерии при оценке нашего поведения и, соответственно, легко уступают место аргументам, обращенным к идее «эффективности» и «целесообразности», «выгоды» и «пользы».

Развитие рациональности, ее противоречивые социальные последствия нельзя до конца осмыслить и понять вне анализа тесной ее связи с развитием денежной предпринимательской экономики и ее особенностью. На деле именно денежное обращение позволяет достичь наиболее полной и последовательной рационализации всех сторон социальной жизни, подчинить ее единой логике. Развертывание денежного обращения постепенно ведет к удвоению мира: логика денежной стоимости начинает все больше удаляться и не зависеть от реальной логики вещей и отношений. Индивиды в рыночном обществе оказываются во власти универсума стоимостей, выраженного в деньгах, и по необходимости выстраивают рациональную картину мира, находящуюся за пределами реальной действительности. Формируется своего рода денежный фетишизм, когда социальные отношения и даже, как показал К. Маркс, реальные хозяйственные и потребительские взаимоотношения людей предстают как отношение вещей и движение денежных потоков.

Деньги как носители универсальной и абсолютной ценности вытесняют и обесценивают реальный мир с его разнообразными свойствами и качествами. «Так происходит реальное “расколдовывание мира” (М. Вебер), когда любая цель и любой мотив лишается своего собственного обаяния, и за любым действием, любым объектом и событием видится лишь их формальное, количественное выражение. “Расколдовывание мира”, деньги не только заменяют страсти и эмоции расчетом, но и лишают смысла

все то, что не поддается расчету и формальному выражению: любовь, честь, нравственность, красоту и т. д.» [4, с. 40].

Многие исследователи отмечали, что система денежных отношений выступила одной из главных отправных точек рационализации реальности. М. Вебер в своих исследованиях рационализации проводил параллель между развитием экспериментальной науки и денежных расчетов. Г. Зиммель обратил внимание на то обстоятельство, что в Новое время развитие товарно-денежных отношений и монетарной экономики шло параллельно становлению западноевропейского естествознания. При этом он подчеркивал, что калькуляция стала моделью объективного и точного знания. С. Московичи отмечал, что формальная рационализация, связанная с деньгами, предполагает перенесение на все типы отношений к окружающей действительности тех процедур, которые применимы к денежному обращению, прежде всего, калькуляции. Ю. Хабермас рассматривает деньги как силу, с помощью которой происходит «колонизация» жизненного мира, как одно из основных средств вытеснения инструментальной технической рациональностью реальных социальных и культурных форм взаимодействий людей.

Следует, однако, отметить, что формальная рационализация на основе денежного обращения практически никогда не изживает все формы иррациональной деятельности в масштабах общества в целом [4, с. 41]. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что важнейшим свойством рационализации выступает ее способность переходить в свою противоположность, в иррациональность. В самом деле, людям в условиях рыночного общества как раньше, так и повсеместно присуще стремление добывать деньги любыми способами, включая не просто иррациональные, но и совершенно безнравственные и преступные. Люди в условиях, когда деньги выступают мерилем всего и вся, сплошь и рядом склонны поступить вопреки «голосу разума» и собственным рациональным установкам, впадать в эмоциональную увлеченность, эйфорию и авантюризм. В этих случаях финансовым поведением людей управляет не столько рациональный расчет, сколько страсть, интуиция, предрассудки, панические настроения, иррациональные страхи и преступные намерения.

Для более полного уяснения специфики и характера влияния денег на развитие рациональности в западноевропейских обществах необходимо хотя бы в краткой и схематической форме обратиться к рассмотрению той роли, которую сыграла в этом процессе религиозная

реформация, формирование протестантизма как особого направления в развитии религиозного сознания. В этом аспекте важно отметить то, что догматика выдающегося идеолога религиозной реформации М. Лютера, будучи направленной своим острием на отрицание всяких таинств, на деле вела к умалению духовной составляющей человеческого бытия и возвышению роли материальных факторов в жизни общества. Такого рода интенция таила в себе возможность трактовать понятие «успех» как достижение вещественных, практических результатов, которые поддаются точному измерению и калькуляции. Естественно, что мерилом успеха не могла не стать такая легко измеряемая вещь, как деньги, которые постепенно из средства стали превращаться в главную цель, обретая при этом форму святости и культовое значение.

Таким образом, протестантизм вольно или невольно способствовал становлению первой стадии обездуховленности человека – плутократии (власть золота: Плутон – бог подземных золотых запасов), власти денег. Период утверждения этой новой формы власти стал известен как развитие буржуазного уклада жизни в западноевропейских странах. В эту эпоху уходит в прошлое ситуация, когда хозяйство велось не столько ради получения денег, сколько деньги были нужны для ведения хозяйства, когда деньги должны были потребляться, а не накапливаться. Теперь деньги перестают рассматриваться как низшая и неблагоприятная в сравнении с земледелием форма собственности, квалифицироваться не просто как средство обмена, циклического обращения. Они теперь становятся богоугодным средством роста, накопления и обогащения. Они должны умножаться в процессе обращения во времени, которое в этот период начинает возводиться в ранг важнейшего достояния человека и общества. Причем, что интересно, если раньше ростовщичество подвергалось резкому моральному осуждению, рассматривалось как кража у Бога, наиболее страшная и постыдная из всех возможных краж, поскольку ростовщик, взимавший ссудный процент, занимался «торговлей временем», т. е. продавал то, что им не создано и ему не принадлежит, то, что является исключительно собственностью Бога, то теперь максима «время – деньги» становится одной из основ буржуазной культуры, а банковское дело и ростовщичество начинает рассматриваться не только как необходимая и наиважнейшая форма деятельности, но и как знак богоизбранности тех людей, которые осуществляют данную деятельность. Так, в этой новой, утвердившейся в западноевропейском обществе модернистской

парадигме время обрело такие характеристики, как инструментальная утилитарная ценность, имеющая денежное выражение [5, с. 53–54]. И этот процесс уже не смогли остановить ни протесты бедняков, ни возмущения интеллектуалов, озабоченных падением нравственности. Далее эволюция, как это не покажется странным, пошла по пути освобождения капитала от всяких вещественных носителей. Золото, серебро, драгоценности и т. п. были заменены печатными ассигнациями. Затем уже сравнительно недавно перешли на более отвлеченную валюту – банковские счета, ключом к которым являются кредитные карточки. Как печатные деньги, так и кредитные карточки можно потерять, украсть, подделать и т. п. Поэтому, похоже, сейчас будут предприняты новые попытки дальнейшей дематериализации денежных отношений: банковский код станут наносить с помощью лазера или каким-либо другим способом на руку или какую-нибудь другую часть человеческого тела. В случае реализации данной идеи в массовом масштабе положение каждого человека в обществе будет определяться присваиваемой ему цифрой. Вследствие этого плутократия сменится цифрократией – властью отвлеченного числа.

В таком повороте событий невольно ощущается нечто зловеще-неотвратимое, пугающее. Ведь отвлеченной цифрой можно измерить только самые поверхностные стороны человеческого бытия, а все высокосложное, уникально-неповторимое, духовное и душевное такому измерению не поддается. Неужели и в самом деле мы стоим на пороге предсказанного в Откровении Иоанна Богослова: «...всем, малым и великим, богатым и бедным, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и ...никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание...» (Откр. 13: 16–17).

Впрочем, во всем этом просматривается своя логика. Утверждение власти цифры, цифрократия, непрекращающиеся попытки подчинить все в этом мире калькуляции и холодному расчету выступают прямым следствием действия закона самовозрастания капитала, охватившего все стороны жизнедеятельности западноевропейских обществ, предпринимательской экономики, основанной на принципе получения максимальной прибыли, идеологии экономизма, ставшей ядром мировоззрения современного западноевропейского человека. По большому счету, главной причиной современного глобального цивилизационного кризиса, в том числе и финансово-экономического кризиса, затронувшего почти всю нашу планету, является кризис той метафизики, которая определяет современную рационалистическую картину мира, выработанную

западноевропейской цивилизацией еще в XVII–XVIII вв. и навязанную всему остальному миру в большей или меньшей степени. Сформировавшееся в то время рационалистическое отношение к миру продолжает с нарастающей силой рассматриваться как базовое в человеческой жизнедеятельности.

Печально, конечно, что великое множество идей и проектов, новаторских систем, призванных перестроить мир на началах добра, красоты и справедливости, выдвинутых за двадцать веков выдающимися пророками и мыслителями, разбились о реалии нашего времени, ставшего эпохой господства спекулятивного финансово-олигархического капитализма.

Сегодня задача, стоящая перед человечеством, заключается в том, чтобы утвердить в жизнедеятельности общества (постнеклассическую) рациональность, которую можно определить как *гуманистическую рациональность*.

Гуманистическая рациональность исключает какие бы то ни было попытки раз и навсегда все предусмотреть и разумно устроить. Ей присуще осознание того, что главенствующая роль в окружающем нас мире принадлежит не стабильности и равновесию, а скорее, наоборот, – неустойчивости и неравновесности, исходит из принципа многовариантности процесса развития, основывается на стохастическом мировоззрении. Постигание действительности понимается ею как бесконечно «ветвящийся», дивергентный процесс, характеризующийся необратимостью и непредсказуемостью отдаленных последствий всякого человеческого выбора и поступка. Оптимальной в данном контексте может стать лишь та стратегия, которая предполагает осознание личной ответственности человека за совершенный им выбор, включает в себя рефлексию над содержанием и мерой ответственности. В этом случае рациональность (как и разум в целом) становится средством осознания изначальной ответственности человека за свои поступки, рациональность и ответственность как бы меняются местами: ответственность становится первичной по отношению к рациональности [6, с. 11]. В своей действительности это означает попытку установить пределы вмешательства человека в естественную динамику природы, общества, культуры, поставить наряду с вопросами «как?» и «почему?» телеологический вопрос «зачем?».

Отсюда – отход новой рациональности от «ценностно-нейтрального» исследования, от трактовки объективности, основанной на отделении ценности от истины, знания о субъекте от знания об объекте, и, вместе с тем, включение ее в сферу своего интереса эко-этно-социо-антропо-исторической проблематики.

В контексте рассмотрения вопроса о формировании нового типа рациональности большой интерес представляет наследие русской философской мысли.

Русская философская мысль, прежде всего мысль религиозно-идеалистического толка, в конце XIX в. буквально уперлась в сложный и весьма принципиальный вопрос: «не оказалась ли современная им философия свидетельницей и соучастницей подмены разума мертвящей расчетливостью, мудрости – бездушным прагматизмом?». Для русских философов неприятие традиционного классического рационализма было если не всеобщей, то весьма ярко выраженной чертой. Многие русские философы квалифицировали рационализм как ущербную форму философствования, как «умную хитрость», в отличие от подлинной философской мудрости. Так, Н. Бердяев считал, что «малый разум» (*ratio*) встал над «большим разумом», расчленил живую целостность бытия, остудив его теплоту. Подорвав доверие к живому опыту, надев на него «рационалистический намордник» и навязав бытию жестко его детерминирующие категории и нормативы, «малый разум» тем самым явил собой откровенную попытку искусственно конструирования реальной действительности из логических категорий, возложив на себя при этом исключительно полицейские функции.

Характерное для рационализма возвышение интеллекта и полное пренебрежение духовными качествами, интерпретация истины как не нравственной ценности, ориентация исключительно на выгоду и расчет давали основания русским религиозным философам упрекать рационализм в абсолютной нефилософичности, видеть в нем болезнь знания. Не принижая в целом значимости разума, русские философы, тем не менее, интерпретировали как ложные те концепции знания, в которых субъект тщетно пытается проникнуть в нерациональный объект с помощью рациональных средств. Отсюда – их обостренный интерес к «сверхрациональному» в постижении бытия, к интуиции и мистическому озарению. В принципе, если отвлечься от всяких методологических и логических просчетов, а также от полемической заостренности, идея «сверхрациональности» содержит в себе стремления к восстановлению духовного статуса разума, понимание того, что только одухотворенный разум, а не уверенный в своей самодостаточности инструментальный ум есть действительно высшая человеческая ценность. По сути дела, русские философы впервые в мировой общественной мысли содержательно и комплексно поставили вопрос о сбалансированности в жизни людей духовно-рационалистических начал, обозначили проблему

глубинного синтеза чувств и разума, разума знающего и умеющего и разума осмысляющего и самого себя ограничивающего.

Заключение. Некоторые противники критики рационализма утверждают, что, напротив, все наши беды от недостатка рационализма. Действительно, если иметь в виду некий идеальный, доведенный до совершенства рационализм, который в состоянии охватить бытие мира и человека в целом и во всех частностях, предвидеть все, включая даже самые отдаленные последствия своего вмешательства в окружающую природную и социальную среду, который может все уладить и разумно устроить на этой земле, то они правы. Но такого рационализма история, к сожалению, не знала. А та рациональность, которая нам известна, далека от совершенства, таит в себе многие угрозы и опасности. Хотя человек посредством ее может оказывать определенное, даже очень сильное целевое воздействие

действие на мир, но в целом окружающая действительность остается для него пока непредсказуемой и неподконтрольной.

Трагедия истории заключается в том, что нарастающая сила целенаправленного воздействия на природную, общественно-политическую и социокультурную жизнь народов сплошь и рядом принимает деструктивный характер, грозит разрушением фундаментальных основ человеческого бытия. Факты свидетельствуют, что там, где господствовал в отношениях между людьми «теоретический разум» (И. Кант), «инструментальный разум» (Ю. Хабермас), человек всегда превращается в средство, инструмент достижения тех или иных целей, что все крупномасштабные попытки «разумного», «рационального» преобразования мира заканчивались трагически: достигнутые результаты всегда были противоположны первоначальным целям.

Литература

1. Лекторский В. А. Христианские ценности, либерализм, тоталитаризм, постмодернизм // Вопросы философии. 2001. № 4. С. 7.
2. Черткова Е. Л. Свобода и рациональность // Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 1. М.: Российская политическая академия, 1999. 322 с.
3. Богословские труды. М., 1997. Вып. 17. С. 123.
4. Зарубина Н. Н. Трансформации рациональности в глобализирующемся мире: влияние денег // Социс. 2009. № 4. С. 40–41.
5. Зарубина Н. Н. Влияние денег на социальное конструирование времени (динамика нелинейности) // Социс. 2007. № 10. С. 53–54.
6. Тульчинский Г. Л. Рациональность, эффективность, ответственность // Рациональность и проблема познания: материалы науч. конф. СПб., 1995. С. 11.

References

1. Lektorskiy V. A. Christian values, liberalism, totalitarianism, postmodern. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2001, no. 4, p. 7 (In Russian).
2. Chertkova E. L. Freedom and rationality *Ratsional'nost' na pereput'ye: v 2 knigakh. Kniga 1* [Rationality at the crossroads: in 2 books. Book 1]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya akademiya Publ., 1999. 322 p.
3. *Bogoslovskiye trudy* [Theological works]. Moscow, 1997, issue 17, p. 123 (In Russian).
4. Zarubina N. N. Transformation of rationality in globalized world: influence of capital. *Sotsis* [Socis], 2009, no. 4, pp. 40–41 (In Russian).
5. Zarubina N. N. Influence of money on social construction of time (dynamics of nonlinearity). *Sotsis* [Socis], 2007, no. 10, pp. 53–54 (In Russian).
6. Tul'chinskiy G. L. [Rationality, effectiveness, responsibility]. *Materialy nauchnoy konferentsii (Ratsional'nost' i problema poznaniya)* [Rationality and the problem of cognition: materials of scientific conference]. St. Petersburg, 1995, p. 11 (In Russian).

Информация об авторе

Кирвель Чеслав Станиславович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (230023, г. Гродно, ул. Ожешко, 22, Республика Беларусь). E-mail: kaf_filosof@grsu.by

Information about the author

Kirvel' Cheslav Stanislavovich – DSc (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy. Yanka Kupala State University of Grodno (22, Ozheshko str., 230023, Grodno, Republic of Belarus). E-mail: kaf_filosof@grsu.by

Поступила 27.02.2017

УДК 101.1+001.12

В. В. Богаченко

Одесская национальная академия связи имени А. С. Попова (Украина)

**ТРАНСГУМАНИЗМ КАК ФОРМА ЭСКАПИЗМА ЧЕЛОВЕКА
В КОНТЕКСТЕ КИБЕРКУЛЬТУРЫ**

В статье исследуются достижения киберкультуры, специфика их применения и влияния на построение концепций будущего человечества. На примере трансгуманизма определяется основная тенденция решения кризисных проблем современности – уход человека от естественности и телесности за счет достижений нано- и информационных технологий. Трансгуманизм рассматривается как вариант взаимодействия современного человека и технических новаций с перспективой их слияния. Определяются риски стирания границ между искусственным и естественным, трансформации человеческого тела из субъекта биологической и социальной реальности в объект непрерывных модификаций и экспериментов. Современная реальность раскрывается на пересечении противоречивых по природе, но похожих по структурному содержанию субъектов – человека и информационно-технического изобретения. Исследуется вопрос этичности и нужности искусственной эволюции человеческого тела и сценарии ее развития, т. е. коэволюция человечества или его исчезновение как вида. Телесность определяется как атрибутивный критерий гуманности и «топос» сохранение человечности на пути информационно-технического прогресса.

Ключевые слова: киберкультура, нанотехнологии, искусственный интеллект, NBIC-конвергенция, трансгуманизм, телесность, коэволюция, гуманизм.

V. V. Bogachenko

Odessa National Academy of Telecommunications named after A. S. Popov (Ukraine)

**TRANSHUMANISM AS A FORM OF HUMAN'S ESCAPISM
IN CONTEXTS OF CYBERCULTURE**

This article explores the achievements of cyberculture, their specificity of using and influences on the concepts' construction of the humanity's future. By the example of transhumanism identifies the key trends solutions of crisis issues of social reality – an escape from naturalness and corporeality by the achievements of nanotechnology and information technology. Transhumanism is regarded as a variant of interactions human of today and technical innovations with the prospect of their merger. The risks of the boundaries erasure between artificial and natural is defines, body transformation of human from the subject of biological and social reality to the object of continuous modifications and experiments. The modern reality is revealed on the crossroads of conflicting by nature but similar by content to the structural entities – human and information technology invention. The issue of ethics and necessity of artificial evolution of the human body and its scenarios is studied, i. e. the co-evolution of humanity or its disappearance as a species. Corporeality is defined as an attribute of humanity's criterion and “topos” of humanity's conservancy to the way of information and technical progress.

Key words: cyberculture, nanotechnology, artificial intelligence, NBIC-convergence, transhumanism, corporeality, co-evolution, humanism.

Введение. Киберкультура является новой формой трансформации современной реальности, она порождает киберпространство, которое не имеет телесных и локальных ограничений. С одной стороны, это раскрывает новые возможности и создает перспективы улучшения человеческой жизни, а с другой – ряд этических проблем, которые уже сейчас переполняют социальное пространство, создавая духовный вакуум. Как результат происходит стирание границ между естественным и искусственным. Утверждается антропоцентричный принцип бытия, который тянется из Древней Греции через эпоху Возрождения и становится девизом современной цивилизации нанотехнологий,

апогеем развития техно-информационного общества. Все чаще наработки киберкультуры находят свое применение как инструменты управления эволюцией человеческой природы, что порождает множество концепций преодоления физических границ и способствует трансформации духовной сферы. Человеческое тело перестает быть «топосом» пересечения биологического и социального. Из субъекта социальных и духовных отношений человек превращается в объект техно-информационных модификаций.

Согласно одному из современных философских течений – трансгуманизму, создание и внедрение искусственного интеллекта является

одной из основных задач науки и техники, что в свою очередь создает предпосылки нового витка эволюции человечества. В современном мире трансгуманизм из фантастического и футуристического направления перерос в социальное течение, которое представлено международными организациями (например, Институт экстропии и Всемирная трансгуманистическая ассоциация). Они активно проводят конференции и публикуют онлайн-журналы, создают дискуссионные клубы, что способствует развитию идеи трансгуманизма и ставит на обсуждение этические вопросы возникновения «постчеловека» и риски, вызываемые этим процессом.

Целью данной статьи являются изучение особенностей влияния киберкультуры на социально-человеческую сферу бытия и рассмотрение трансгуманизма как одного из современных способов понимания и прогнозирования реальности.

Основная часть. Изучение современных кибернетических технологий делает возможным определение смысловых этических границ взаимодействия человека и техно-информационных новаций. Современную реальность можно понять лишь через определение границ и алгоритмов пересечения этих противоречивых по природе, но похожих по структурному содержанию субъектов современной реальности – человека и информационно-технических изобретений. Кризисность современной социокультурной реальности и рассмотрение аспектов будущего человечества становятся темой осмысления для многих классиков и современников философского знания (К. Ясперс, О. Шпенглер, Г. Маркузе, Ж. Бодрийяр, А. Печчеи, К. Мангейм, Ф. Фукуяма, М. Дери, Э. Тоффлер, У. Эко, С. Хантингтон, Ферейдун М. Эсфендиари и др.). Например, упомянутый выше М. Дери раскрывает киберкультуру как переходный этап в эволюции человеческого вида и как новую трансформацию самой культуры, новое ее воплощение.

Рассмотрим более конкретно примеры киберкультуры и особенности ее использования.

Одним из самых известных достижений киберкультуры является теория искусственного интеллекта (Artificial intelligence). Проблема интеллекта, его функциональных алгоритмов и закономерностей – извечная дискуссионная тема научных поисков. Еще древние философы ставили его как главный гносеологический вопрос, который является базисом понимания мира и получения способов управления им. Р. Декарт, в частности, говорил о мышлении как об атрибуте существования человека, о «симптоме» его бытийности и деятельности. Основателем

научной концепции искусственного интеллекта считают А. Тьюринга, который в своей работе «Computing Machinery and Intelligence» (1950 г.) ищет ответ на вопрос: «А может ли машина мыслить как человек?». В этот период достижение техники и кибернетики были скромнее современных, но, тем не менее, ответ был положительный с уточнением многих вариантов комбинаций и необходимостью поправок. Исследователей в сфере искусственного интеллекта множество: Н. Нильсон, Дж. Серл, Дж. Маккарти, Э. Фейгенбаум и др. Но необходимо отметить, что несмотря на активные поиски и исследования в отрасли искусственного интеллекта эта теория является больше возможной моделью, чем реальностью.

Основная проблема заключается в том, что невозможно воссоздать то, чему нет точного определения. Сам интеллект имеет множество определений, но у него нет четких критериев, которые позволяли бы изучить его как субстрат киберкультуры. Определение интеллекта является одним из дискуссионных вопросов философского знания, что вызывает множество теорий в этой области. Например, одно из определений звучит так: «Интеллект (лат. *intellectus* – ум, рассудок) – разум, способность мыслить, проницательность, совокупность тех умственных функций (сравнения, абстракции, образования понятий, суждения, заключения и т. д.), которые превращают восприятия в знания или критически пересматривают и анализируют уже имеющиеся знания» [1]. Иными словами, интеллект представляет собой механизм превращения воспринятых данных в знания, что приводит к аккумуляции либо уточнению на базисе уже имеющегося запаса знаний.

Определение механизма формирования знаний человеком и его личностных интеллектуальных вариаций считается одной из задач в области исследований Artificial intelligence. Предметом исследования является не только создание интеллектуальных компьютерных программ, но и наделение их свойствами создавать что-то новое, т. е. человеческим фактором. Именно этот момент вызывает интерес в поле социально-философских исследований. Происходит движение от биотехнологий к нанотехнологиям. Основная задача области конвергентных и нанотехнологий – создание технической, синтетической модели биологических систем и воссоздание их законов функционирования и взаимосвязи.

Современные исследователи конвергентных технологий (О. Е. Баксанский, Е. Н. Гнатик, Е. Н. Кучер) раскрывают их содержание через «указание на явление так называемой NBIC-конвергенции (по первым буквам предметных

областей: N – «нано», B – «био», I – «инфо», C – «когно»). В данном случае имеется в виду процесс становления связанного кластера информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и когнитивной науки. NBIS-конвергенция – процесс, в котором нанотехнологии играют роль своеобразного катализатора» [2, с. 7]. Это синергетическое слияние наук и технологий делает возможным преобразование человеческого тела на основе новых информационно-технических достижений и открывает ему путь к бессмертию.

Если ранее актуальным было описание и выведение законов вытеснения человека из технической системы (например, по Б. П. Злотину) [3], которые оставляли человеку такие функциональные уровни, как управление и принятие решений, а исполнительную часть, как правило, отдавали машинам, то сейчас основной вопрос стоит по-другому. Что лучше и продуктивней выполняет исконно человеческие функции – естественный или искусственный интеллект? Хотя последний пребывает в процессе разработки, но теория искусственного интеллекта – одно из популярнейших и востребованных направлений современной науки и информационных технологий, из которой берут свое начало множество современных социально-философских теорий, одна из них – трансгуманизм.

В данном исследовании производится репрезентация трансгуманизма как попытки прогнозирования будущего человечества через достижение киберкультуры и ее разработок. Основатель трансгуманизма Ферейдун М. Эсфендиари в основу своей концепции положил веру в прогресс современной науки и победу над такой неизлечимой «болезнью», как смерть, с помощью новых открытий в сфере информационных технологий и кибернетики, идеи модификации тела (с англ. *body modification*) и возникновение «постчеловека». Убеждения основателя трансгуманизма по поводу идентичности были схожи с позициями космополитов, т. е. он считал, что все мы граждане одной Вселенной. Современные теории относительно исчезновения идентичности, появление ее различных подобий, «размытые» идентичности, множественная идентичность приводят все больше фактов существования этого феномена. Об этом свидетельствует ряд работ современных исследователей. Например, П. Вирно в своей работе «Грамматика множества: к анализу форм современной жизни» интерпретирует идентичность с помощью категории «множество». Разнообразные динамические «множества», временные сообщества, объединяющие в себе мобильность и сочетание различных видов

деятельности, позволяют избегать традиционных идентичностей и делают современного человека гибким и приспособляемым к изменчивым вызовам современного общества» [4]. Но эта гибкость и адаптивность на практике становится самообманом. Разделяя тело и сознание, в том числе общественное, мы порождаем человека без определенных традиционных идентичностей, что способствует отчуждению и нарушению социальной самоидентификации.

Теорию трансгуманизма можно рассматривать и с другой стороны, не как стремление к козволюции и совершенству, а как, напротив, бегство от природной телесности, проявление кризиса принятия и восприятия природы современным человеком. Ведь можно предположить, что все попытки изменения биологических компонентов человека как части природы направлены не на нахождение своего места в ней и осознание своей телесности, а на бегство от гармонизации отношений в союзе «природа – человек», т. е. попытка стать независимым и отстраненным от внешних условий. Необходимо отметить, при развитии такого сценария человек лишает себя основной связующей с миром природы – телесности. Например, те же способы «бодимодификации» (тоннели в ушах, татуировка глазного яблока, рассечение языка, силиконовые имплантанты и искусственные органы) говорят о попытке изменения своей телесности вопреки природе. Возможность трансформировать свое тело – это как компенсация невозможности контролировать внешний мир. Как отмечает М. Дери: «Следующий шаг очевиден: довести разрыв до конца и совершенно отделиться от тела. Несмотря на всю свою киберпанковость, сверхлюди Винджа, биоинженерные осьминоги Берроуза и виртуальные осьминоги Маккены все еще цепляются за тело. Окончательное решение проблемы “сознание – тело”, согласно доминирующей логике киберкультуры, требует сведения сознания до чистой квинтэссенции» [5, с. 228]. Разделение сознания и тела приведет к тотальной утрате человеком себя. Ведь человек – это гармоничное сочетание тела и сознания, и только в процессе взаимодействий этих природных феноменов происходит порождение его духовных экзистенциалов и гуманистических идей, которые являются основой социальности.

Попытка самосоздания похожа на внутренний конфликт человека, который не признает свою основную проблему – отречение от природы и потребительское ее использование. Вместо решения и осознания этой проблемы человек прибегает к эскапизму, т. е. бегству, и создает себе утешительные мистические картины будущего. Телесность как философская

категория рассматривается в синергисе природного начала и культурно-общественных элементов, раскрывая идею целостности человека с внешним миром. Так, современный исследователь вопросов самоорганизации культуры И. Г. Донникова отмечает: «Вовлеченный в культуру в единстве его телесно-духовных-предметных атрибутов, человек выстраивает отношения с природой как с “Другим”, принимая ее инаковость, неустраняемость противоречий и направляя весь свой потенциал на поиск способов гармоничного с ней сосуществования» [6, с. 233]. Это раскрывает одну из форм развития человека – нахождение его все новых способов гармонизации с внешней природой и своей внутренней.

Отчуждение человека от естественного развития, превращение в бессмертного и не нуждающегося в репродуктивном обновлении ведет к кризису гуманности и аномии множества ценностей. Ведь такие феномены человеческих отношений, как любовь к детям, раскрытие себя через понимание других и определение хрупкости и небесконечности человеческого существования, и порождают гуманность. Через призму этих человеческих переживаний проявляются самопожертвование, героизм во благо духовных принципов и т. п. И эти гуманистические установки формируют по своему содержанию смыслы человеческой жизни. А нужна ли жизнь человеку, лишённая смысла? жизнь, определенная и четко распланированная? Ведь если человек будет управлять дальнейшим ходом эволюции вида *Homo sapiens*, гарантий, что этот путь приведет нас к козволуции, нет, а рисков очень много. Учитывая последствия управления человеком природой и обществом, можно определить аксиому этих взаимоотношений. А именно чем выше технологии и информационные достижения, тем ниже этически-ценностные константы их применения и последствий.

Понятно, что следовать назад и отказываться от современных технологий нецелесообразно и нерационально, ведь они способствуют улучшению жизни и здоровья человека. Требу-

ется лишь обозначить границы в их применении, установить черту использования наработок киберкультуры, пункт остановки под названием «Я все же человек!». Критерием человечности на этом пути является сохранение телесности. Хотя некоторые авторы, определяя верхнюю границу «человечности», приходят к выводам, что «человек – это всего лишь удобный термин, который мы придумали для отражения привычного для нас мира» [2, с. 82]. Таким образом, подвергаются сомнению дефиниции таких социально-философских категорий, как «живой» и «искусственный», «разумный» и «неразумный», «человек» и «не-человек». Речь идет о «цифровом бессмертии» как о способе сохранения и перенесения сознания в виде компьютерной программы. Но отрешение от телесности приводит к отчуждению от естественной среды. Ч. С. Кирвель отмечает: «Если для гуманистов важно, что человек может улучшить тот мир, в котором он живет, через рациональное мышление, терпимость, свободу и демократические формы общественного устройства, то для трансгуманистов важно, кем может стать человек» [7, с. 150]. Это раскрывает трансгуманизм как заявку на преодоление человеческого способа существования, уход от природы и социальных ценностей, которые являются фундаментом гуманного общества.

Заключение. В русле данного размышления теория трансгуманизма предстает как попытка эскапизма человека от глобальных проблем человечества. Потеряв контроль над природной, да и, судя по тенденции экономико-политического развития, над социальной реальностью, человек пытается контролировать и управлять своим телом и жизнью. Но этот уход больше напоминает утопию, которая, конечно, имеет шансы на реализацию, но которая, скорее, приведет к «убийству» человека и созданию его искусственной фальшивой копии. Таким образом, сохранение телесности определяется как атрибутивный критерий гуманности и «топос» сохранения человечности на пути информационно-технического прогресса.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. 2010. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2361/%D0%98%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%9B%D0%9B%D0%95%D0%9A%D0%A2 (дата обращения: 23.01.2017).
2. Баксанский О. Е., Гнатик Е. Н., Кучер Е. Н. Нанотехнологии, биомедицина, философия образования в зеркале междисциплинарного контекста. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 224 с.
3. Альтшуллер Г. С., Злотин Б. Л., Зусман А. В. Поиск новых идей: от озарения к технологии. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1989. С. 33–35.
4. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.
5. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. М.: Ультра, Культура, АСТ Москва; Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 480 с.

6. Донникова И. А. Культурогенная сущность социальной самоорганизации. Одесса: Печатный дом, 2011. 280 с.
7. Философия и методология науки / Ч. С. Кирвель [и др.]; под ред. Ч. С. Кирвеля. Минск: Выш. шк., 2012. 639 с.

References

1. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2361/%D0%98%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%9B%D0%9B%D0%95%D0%9A%D0%A2 (accessed 23.01.2017).
2. Baksanskiy O. E., Gnatik E. N., Kucher E. N. *Nanotekhnologii, biomeditsina, filosofiya obrazovaniya v zerkale mezhdistsiplinarnogo konteksta* [Nanotechnology, biomedicine, philosophy of education in the mirror of interdisciplinary context]. Moscow, Knizhnyy dom "LIBROKOM", 2010. 224 p.
3. Al'tshuller G. S., Zlotin B. L., Zusman A. V. *Poisk novykh idey: ot ozareniya k tekhnologii* [The search for new ideas: from insight to technology]. Kishinev, Kartya Moldovenyaske Publ., 1989. P. 33–35.
4. Virno P. *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoy zhizni* [A grammar of the multitude: for an analysis of contemporary forms of life]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2013. 176 p.
5. Deri M. *Skorost' ubeganiya: kiberkul'tura na rubezhe vekov* [Escape Velocity: cyberculture at the end of the century]. Moscow, Ul'tra, Kul'tura, AST Moskva; Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2008. 480 p.
6. Donnikova I. A. *Kul'turogenная sushchnost' sotsial'noy samoorganizatsii* [Culture-genetic essence of social self-organization]. Odessa, Pечатnyy dom Publ., 2011. 280 p.
7. Kirvel' Ch. S. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and methodology of science]. Minsk, Vysheyschaya shkola Publ., 2012. 639 p.

Информация об авторе

Богаченко Валентина Викторовна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и истории Украины. Одесская национальная академия связи имени А. С. Попова (65029, г. Одесса, ул. Кузнечная, 1, Украина). E-mail: bogachenko.valentina@mail.ru

Information about the author

Bogachenko Valentina Viktorovna – PhD (Philosophy), Senior Lecturer, the Department of Philosophy and History of Ukraine. Odessa National Academy of Telecommunications named after A. S. Popov (1, Kuznechnaya str., 65029, Odessa, Ukraine). E-mail: bogachenko.valentina@mail.ru

Поступила 21.02.2017

УДК 316.3+316.77

И. В. ЛэфановаМеждународный государственный экологический институт имени А. Д. Сахарова
Белорусского государственного университета**ФЕНОМЕН ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
В ЭКОЛОГО-ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

В статье рассмотрен феномен виртуальной реальности на этапе становления эколого-информационного общества. Проанализированы истоки и генезис понятия виртуальности. Обосновано понимание виртуальной реальности как частного случая концепции множественных реальностей А. Шюца. Определены основные свойства феномена виртуальной реальности и механизм функционирования виртуальной реальности. Выделены основные направления трактовки понятия виртуальной реальности. В наиболее общем виде рассмотрен процесс виртуализации современного социума.

Ключевые слова: виртуальность, виртуальная реальность, виртуализация, виртуальное событие, виртуальный поток, коллективное виртуальное, виртуальный субъект.

I. V. Lefanova

International Sakharov Environmental Institute of Belarusian State University

**PHENOMENON OF VIRTUAL REALITY IN ENVIRONMENTAL
INFORMATION SOCIETY**

The article deals with the phenomenon of virtual reality on the stage of eco-information society. We analyzed the origins and the genesis of the concept of virtuality. Grounded understanding of virtual reality as a special case of the concept of multiple realities A. Shyutsa. The main features of the phenomenon of virtual reality and virtual reality mechanism of functioning. The basic directions of treatment of the concept of virtual reality. In the most general form through the process of virtualization of modern society.

Key words: virtual, virtual reality, virtualistics, virtualization, virtual events, virtual stream, collective virtual, virtual entity.

Введение. В условиях перехода общества к устойчивому типу (или эколого-информационному обществу) особую актуальность приобретает феномен виртуальной реальности. Предельно широкое определение понятия виртуальной реальности позволяет проследить наличие виртуализации на протяжении всей человеческой истории, нашедшее отражение в философии, литературе, искусстве, мифологии. Соответственно, в наиболее широком смысле виртуальная реальность есть любая проектируемая реальность, отличная от обыденной.

Основная часть. Повышенное внимание к феномену виртуальной реальности в конце XX – начале XXI в. со стороны естественных, технических и гуманитарных наук связано с бурным развитием технологий виртуальной компьютерной реальности в современном обществе. В науке возникает новая комплексная научная дисциплина – виртуалистика, которая изучает проблемы виртуальности и виртуальной реальности. Понятие виртуальной реальности широко используется для описания широкого спектра явлений, связанных не только с виртуальными реальностями компьютерными технологиями, но и психологическими, эстетиче-

скими, эзотерическими виртуальными реальностями.

Востребованность и широкое распространение понятия виртуальной реальности требует актуализации термина «виртуальность» и рассмотрения генезиса данного понятия в истории философии. Виртуальность можно определить как некоторое потенциальное состояние бытия. Содержание и объем категории виртуальности изменялось в истории науки как логикой развития языка, так и философскими исследованиями.

Формирование концепта «виртуальное» прошло сквозь богословские труды средневековых философов-схоластов. Латинский средневековый термин *virtualis* происходит от слова *virtus*, который эквивалентен метафизическим терминам *δύναμις* (возможность) и *ἐνέργεια* (действительность). Данная эквивалентность вкладывает в концепт *virtus* обозначившееся расхождение между общей потенциальной и единичной энергийной вещами. Фома Аквинский, представитель поздней схоластики, в понятии виртуального раскрывал онтологическое сосуществование множества реальностей, находящихся на различных уровнях иерархии. При этом он стремился решить проблему

порождения более высокими уровнями реальности более низких. Дунс Скотт своей интерпретацией понятия виртуального стремился преодолеть оппозицию единого реально существующего мира и многообразия возможного опыта, переживаемого индивидом.

В новоевропейской философии понятие виртуального использовал Г. Лейбниц, полемизируя о принципе врожденности идей с Дж. Локком. По мнению Лейбница, душа виртуально знает все. При этом новоевропейская философия переносит понятие виртуального в сферу естественных наук для решения проблем отражения и проекции. И. Кант в «Трансцендентальной эстетике» актуализирует пространство и время как априорные формы чувственности, формы наглядных представлений, а не некие реальные данности, существующие независимо от нас. А. Бергсон, анализируя различия между сущностью вещи и памятью о ней, раскрывает понятие виртуального как разрыв протяженности мира, совершаемый на основе критерия телесности, который предполагает присутствие или отсутствие аффективных чувств [1, с. 10–15].

Далее важно отметить, что виртуальная реальность может рассматриваться как частный случай концепции множества реальностей австро-американского философа и социолога Альфреда Шюца. Верховной реальностью, по мнению А. Шюца, является повседневность, из которой индивид выходит в другие реальности. Все эти реальности являются конечными областями смысла, т. е. они замкнуты в себе, и переход из одной такой реальности в другую если ивозможен, то требует смыслового скачка, переориентации сознания на иную реальность. Каждая из таких реальностей имеет свой, присущий только ей «когнитивный стиль», складывающийся из шести основных компонентов:

- 1) особая форма активности сознания;
- 2) специфическое решение проблемы существования объектов, данных в опыте;
- 3) специфическое активное отношение к жизни;
- 4) специфическая темпоральная структура;
- 5) специфика личностной определенности индивида;
- 6) специфическая форма социальности.

Внутри границ каждой конкретной реальности переживания индивида последовательны и совместимы [2, с. 3–34].

Виртуальной реальностью в широком смысле присущи все признаки, определяемые А. Шюцем. Вместе с тем в понятие виртуальной реальности разными исследователями вкладывается разный, зачастую противоречивый смысл. Поэтому множество существующих в настоящий

момент концепций виртуальной реальности можно разделить на несколько крупных направлений (или классов).

Психологическое (феноменологическое) направление, которое исторически является первым из возможных подходов и основывается на взглядах Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, А. Бергсона, П. Тиллиха. Продолжателями традиций феноменологии являются Н. А. Носов, А. Н. Леонтьев, В. Ф. Жданов, В. М. Розин. Виртуальная реальность понимается представителями психологического подхода как свойство человеческой психики, результат работы человеческого сознания, способного порождать множество возможных реальностей. Сознание – идеальная (субъективная) реальность, которая означает отражение наличной окружающей (объективной) реальности. В терминологии М. Хайдеггера виртуальная реальность есть Dasein. Dasein – это сущее, вопрошающее о своем бытии («кто я есть?», «что я есть?», «как я есть?»). Способ бытия данного сущего Хайдеггер именует экзистенцией, осмысление и упорядочивание действительности человеком, творение множества актуальных и потенциально возможных реальностей. П. Тиллих считал, что виртуальность – это интеллектуальная способность человека создавать виртуальные миры. По мнению В. М. Розина, виртуальные миры творятся индивидом и не могут быть идентифицированы иными субъектами. Изначально будучи частью объективного наличного мира, человек в своем сознании и своими действиями творит пространство виртуального в своем сознании. Реальный наличный объективный мир преломляется в сознании человека и становится виртуальным миром.

Коммуникативно-культурологическое направление, трактующее виртуальную реальность как реальность, созданную замещением элементов общества симулякрами. Впервые термин «симулякр» употребил Платон для обозначения «копии копий», которая искажает свой прототип. При том, что истинность определяется Платоном, исходя из сходства или несходства с идеей вещи, симулякры лишаются любого онтологического статуса и осуждаются как подделки. В современной трактовке симулякр есть элемент виртуальной реальности, равно как вещь-прототип есть элемент реального мира. Иными словами, виртуальная реальность есть пространство симулякров. Ж. Бодрийяр ввел термин «симулякр» в широкий обиход и применил для интерпретации реалий окружающего мира. Симулякр определяется Ж. Бодрийяром в двух контекстах: во-первых, как некое ложное подобие, копия, нивелирующая отсутствие оригинала, и, во-вторых, как

нечто воображаемое, иллюзорное. Применяя понятие симулякра как ложной копии, Ж. Бодрийяр рассматривает историю развития социума как процесс внедрения в социальную реальность ложных объектов. По его мнению, современная эпоха (в его терминологии – это эпоха постмодерна) является временем тотальной симуляции, т. е. временем обретения симулякрами самодостаточной реальности. Процесс симуляции происходит во всех сферах общественной жизни. В оценке феномена виртуализации Ж. Бодрийяр не только неоднозначен, но и приходит к двум противоречивым выводам. Прежде всего, он говорит о том, что виртуализация реальности – смелый и далеко не всегда осознанный выбор человечества, отказавшегося от естественного состояния в пользу искусственного. При этом искусственное, виртуальное состояние, по его мнению, более эффективно, чем естественное. Вместе с тем тотальная виртуализация приводит к имплозии, т. е. стиранию границ, разделяющих реальный и виртуальный миры.

Технико-технологическое (информационное, компьютерное) направление, в рамках которого виртуальная реальность рассматривается как вариант развития современной техники и технологий и их влияния на все сферы жизни социума. Представителями данного направления являются Дж. Ланье, М. Крюгер, Й. Масуда, Н. Винер, Д. Белл, А. Бюль, А. И. Воронов. Виртуальная реальность, созданная информационно-коммуникационными технологиями, существует параллельно с объективной окружающей человека реальностью. Особую роль исследователи данного направления уделяют понятию «информация», которая является объективной реальностью, действующей на уровне природных закономерностей и не зависящей от субъекта восприятия. В рамках технико-технологического направления наряду с понятием «виртуальная реальность» встречается понятие «кибернетическое пространство» («киберпространство»), впервые употребленное У. Гибсоном в романе «Нейромантик» (Neuromancer, 1984). Термин «киберпространство» происходит от слов «кибернетика» и «пространство». Кибернетика – наука об общих закономерностях управления и передачи информации в различных системах, а пространство здесь является местом, где находится информация; так, киберпространство становится пространством информационных объектов и событий. Иными словами, киберпространство – это пространство кодов, абстрактное пространство, которое представляет массивы информации. Компьютерная виртуальная реальность визуализирует массивы информации для удобного восприятия

человеком, но также и для создания виртуального пространства, в котором может находиться человек реально, а не только в виде набора символов и кодов. В рамки технико-технологического подхода укладываются собственно технические подходы к пониманию виртуальной реальности, которые включают в себя:

– изучение искусственных языков моделирования виртуальной реальности (П. Вольф, К. Сандерс, Ч. Скотт, Эд. Титтел);

– рассмотрение особенностей трехмерной графики, созданной при использовании информационно-коммуникационных технологий (Е. Каргашева, Г. П. Катус, П. Г. Катус, Ф. Хэмит, Д. И. Шапиро);

– исследование виртуальных миров, созданных системами виртуальной реальности, воздействующими на органы чувств человека (В. С. Бабенко, О. Власенко, С. Дацюк, И. Кондратьев, М. Круглов, К. Макмиллан).

Несмотря на разнообразие подходов к трактовке понятия виртуальной реальности можно выделить общие для всех подходов свойства виртуальной реальности.

В качестве основных свойств виртуальной реальности необходимо отметить:

1) *порожденность*, т. е. непосредственная связь виртуальной реальности, не обладающей самосущим бытием, с деятельностью человеческого сознания; виртуальная реальность есть продукт иной реальности, внешней по отношению к виртуальной;

2) *актуальность*, т. е. существование виртуальной реальности «здесь и сейчас», деятельность в пространстве и времени и по законам виртуальной реальности, отличным от темпоральности и каузальности иных реальностей; данное свойство тесно связано со свойством порожденности, так как виртуальная реальность существует до того момента, пока активна порождающая реальность;

3) *иммерсивность* (эффект погружения, эффект присутствия), т. е. комплекс ощущений человека, находящегося в искусственно созданном мире, в котором он может менять точку обзора, приближать и удалять объекты и т. п., также данное свойство характеризует степень погруженности субъекта в виртуальную реальность;

4) *интерактивность*, т. е. способность информационно-коммуникационной системы и реальности, ей порождаемой, активно и адекватно реагировать на действия пользователя, что предполагает уход от условного, искусственного характера виртуальной реальности.

Исходя из описанных свойств, можно сделать вывод, что виртуальная реальность выступает не только в качестве особой среды

деятельности индивида, но и в качестве процесса деятельности индивида в данной среде, а также в качестве становления данной среды. Для описания процесса деятельности в виртуальной реальности используется понятие виртуального события, т. е. кратковременного периода осуществления сценария существования фрагмента виртуальной реальности. Законченная совокупность виртуальных событий представляет собой виртуальный поток в пределах существования виртуальной реальности.

В рамках исследования эколого-информационного общества наиболее важным является технико-технологический подход к трактовке феномена виртуальной реальности.

Возникновение термина «виртуальная реальность» в рамках информационного подхода относят к первой половине 80-х гг. XX в. Признанным автором этого термина является Дж. Ланье, исследователь в области визуализации данных и биометрических технологий, который в 1984 г. возглавлял группу ученых, разработавших систему виртуальной реальности в области симуляции хирургических операций. Под виртуальной реальностью Дж. Ланье понимал искусственно созданный мир, погружение в который стало возможным с помощью определенных технических средств. Он придерживался взгляда на виртуальность как на иллюзорную реальность, возможную в рамках компьютерных технологий [3, с. 69–70].

Тем не менее ни один из описанных выше подходов в полной мере не отражает современное состояние виртуализации общества и экспансию виртуальной реальности в мир человека. Наиболее адекватно определить виртуальную реальность как феномен эколого-информационного общества позволяет только синтез всех трех подходов.

На современном этапе развития, этапе становления эколого-информационного общества как общества устойчивого типа феномен виртуальной реальности, с одной стороны, вскрывает противоречия, связанные с усложнением бытия социума, с другой стороны, может выступать инструментом как познания современного общества, так и прогнозирования путей развития и возможности выхода на желаемое будущее.

Не менее важным для понимания процессов в современном социуме является виртуализация. Виртуализация общества – это трансформация способа существования и функционирования социума, инструментами которой являются компьютерные и коммуникационные технологии. Техника и технологии становятся сущностным основанием современной социальной реальности.

Отличительными чертами этапа становления эколого-информационного общества являются возросший объем и значение научного знания и информации, которая превращается в стратегический ресурс, предмет и продукт производства, массовое распространение и приоритет интеллектуального труда, развитие и широкое распространение информационно-коммуникационных средств и технологий.

Широкое распространение информационно-коммуникационных технологий порождает феномен коллективного виртуального, которое представляет собой виртуальную реальность, созданную большим сообществом людей.

Примером коллективного виртуального на настоящем этапе развития является всемирная система объединенных компьютерных сетей Интернет. Взаимодействие индивида и виртуальной реальности Интернет определяется феноменом светской Интернет-соборности, которая является формой единения индивидов в виртуальной реальности, представленной соборностью ценностей виртуальной реальности для реализации смысла существования человека [4, с. 70–75].

Внутри коллективного виртуального действуют отдельные виртуальные субъекты, которые представляют собой отображение реального субъекта в виртуальном пространстве. Внутри сети Интернет такие виртуальные субъекты технически представлены в виде Web-сайта или аккаунта на форуме или в чате. Такого типа виртуальный образ реального субъекта создается с целью формирования у других виртуальных субъектов определенного образа самого себя. Вместе с тем подобный способ виртуализации предоставляет возможность самореализации для реального субъекта в виртуальном пространстве.

Заключение. В контексте всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Виртуальную реальность в современном понимании можно определить как специфическую форму человеческого бытия и особую форму жизни общества на этапе формирования эколого-информационного общества, обусловленную массовым распространением информационно-коммуникационных технологий.

2. Реализация виртуальной реальности с помощью информационно-коммуникационных технологий представляет собой вырожденный случай более глубокого феномена виртуальности, историю которого можно проследить вплоть до Античности.

3. Виртуальная реальность является частным случаем концепции множественных реальностей, разработанной А. Шюцем.

4. Наиболее важным свойством виртуальной реальности выступает иммерсивность, которая определяет степень погружения индивида

в виртуальную реальность, что достигается путем генерации максимального сходства виртуальности с реальным миром при помощи симуляции. Другим важным свойством виртуальной реальности считается интерактивность, позволяющая организовать двунаправленное взаимодействие индивида с порожденной искусственной средой. Порождающей реальностью для виртуального мира является обыденный окружающий человека мир.

5. Виртуальная реальность актуальна, действует только «здесь и сейчас», обладает внутренней темпоральностью и каузальностью, т. е. происходит в своем пространстве и времени и по своим собственным законам. В рамках виртуальной реальности время обратимо, что может привести к нарушению причинно-следственных связей внутри виртуального мира.

6. Существует большое количество концепций виртуальной реальности, которые условно можно объединить в три крупных направления: психологическое (феноменологическое), коммуникативно-культурологическое, технико-

технологическое (информационное, компьютерное) направления.

7. Для актуализации и определения виртуальной реальности как феномена современного социума требуется синтез всех трех подходов. С одной стороны, виртуальная реальность является активностью сознания субъекта. С другой стороны, виртуальная реальность есть совокупность симулякров, созданных средствами информационно-коммуникационных технологий.

8. Виртуальная реальность оказывает влияние на все сферы жизни современного социума. Все социальные институты охвачены процессом виртуализации, которая предполагает подмену реальных процессов и переход социальных институтов в сферу виртуального.

Таким образом, виртуальная реальность – это разновидность реальности, порожденная сознанием субъекта посредством информационно-коммуникационных технологий, которая существует лишь в специфической темпоральности и каузальности, не будучи актуализированной в материальном мире.

Литература

1. Горинский А. С. Понятие виртуального бытия (поливариантность эволюции): автореф. дис. ... канд. философ. наук. Екатеринбург, 2004. 28 с.
2. Шюц А., Корбут А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. № 2. С. 3–34.
3. Jaron Lanier. You are not a Gadget: a Manifesto. New York: AlfredA. Knopf, 2010. 129 p.
4. Орехов С. И. Поиск виртуальной реальности: монография. Омск: Омск. гос. пед. ун-т, 2002. 183 с.

References

1. Gorinskiy A. S. *Ponyatiye virtual'nogo bytiya (polivariantnost' evolyutsii): avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk* [The concept of a virtual existence (polyalternativeness evolution). Abstract of thesis cand. of philosoph. sci.]. Ekaterinburg, 2004. 28 p.
2. Shuts A., Korbut A. About multiple realities. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 2003, no. 2, pp. 3–34 (In Russian).
3. Jaron Lanier. You are not a Gadget: a Manifesto. New York, AlfredA. Knopf, 2010. 129 p.
4. Orekhov S. I. *Poisk virtual'noy real'nosti: monografiya* [Search virtual reality: Monograph]. Omsk, Omskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 2002. 183 p.

Информация об авторе

Лефанова Ирина Владимировна – старший преподаватель кафедры экологических информационных систем. Международный государственный экологический институт имени А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета (220070, г. Минск, ул. Долгобродская, 23/1, Республика Беларусь). E-mail: irina.lefanova@mail.ru, irina_lefanova@inbox.ru

Information about the author

Lefanova Irina Vladimirovna – Senior Lecturer, the Department of Environmental Information Systems. International Sakharov Environmental Institute of Belarusian State University (23/1, Dolgobrodskaya str., 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: irina.lefanova@mail.ru, irina_lefanova@inbox.ru

Поступила 28.02.2017

УДК 37.01:15

О. П. Пунченко

Одесская национальная академия связи имени А. С. Попова (Украина)

**ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ-2: ТРАНСГРАНИЧНЫЙ И ИННОВАЦИОННЫЙ
ХАРАКТЕР ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПО-КИТАЙСКИ**

В статье обоснованы цели, сущность и содержание нового Шелкового пути как инициативы Китая по развертыванию глобализационных процессов в евроазиатском регионе. Репрезентированы основные пути развертывания глобализационных процессов, их трансграничный характер и задачи. Акцентировано внимание на инновационных векторах развития науки и образования, их стратегических задачах. Раскрыты особенности компаративистики на уровне контакта национальных, интеллектуальных образовательных систем. Проведено сравнение Болонской и Китайской систем образования, при этом акцентировано внимание на приоритете последней.

Ключевые слова: Шелковый путь, глобализация, экономика, трансграничность, инновационность, наука, образование, межкультурный вектор, компаративистика.

O. P. Punchenko

Odessa National Academy of Telecommunication named after A. S. Popov (Ukraine)

**SILK ROAD-2: THE TRANSBOUNDARY NATURE AND INNOVATION
OF GLOBALIZATION IN CHINESE**

In the article substantiates goals of the essence and content of a new Silk road as initiative of China by the development of China's globalization processes in the Eurasian region. It represents the main ways the development of globalization processes, their transboundary nature and objectives. The attention is focused on the innovative vectors of development of science and education, their strategic objectives. The article disclosed the features of comparativistics at the level of exposure of national, intelligent educational systems. Comparing the Bologna's education system and China's the author also focused the attention on the priority of the last.

Key words: Silk road, globalization, economics, transboundary nature, innovation, science, education, intercultural vector, comparativists.

Введение. Последние годы ушедшего XX в. ознаменовались бурным исследованием всей системы научного знания процессов глобализации, которые предстали в качестве объективной реальности современной цивилизации. Комплексный системный подход к анализу концепта «глобализация» обнаруживается в работах В. С. Бакирова, П. А. Водопьянова, А. И. Зеленкова, Ч. С. Кирвеля, А. А. Лазаревича, В. К. Лекашевича, В. М. Лукашевича, А. С. Панарина, Н. И. Сазонова, В. С. Степина, А. И. Уткина, Я. С. Яскевич, а также у зарубежных исследователей – У. Бека, Д. Белла, К. Дэвиса, Дж. Нейсбита, Р. Осборна, Р. Робертсона, Э. Тоффлера, Ф. Фернандо-Арместро, Ф. Фукуямы, Р. Шапиро, Ф. Шафера и многих других.

Несмотря на противоречия, складывающиеся при анализе работ этих авторов, в обосновании сущности и смыслового содержания концепта «глобализация» можно выделить ряд измерений, которые объективно составляют ее содержание:

– детерминирующее измерение глобализации наиболее фрактально обнаруживает себя в процессах мировой экономики, поскольку эти процессы составляют основу глобализации на пространстве всего мирового сообщества;

– существенным измерением является социально-антропологический контекст, социокультурное измерение, экологическое, комплексное, исследующее воздействие глобализации на все стороны жизнедеятельности общества [1, с. 333–335].

С учетом этих измерений глобализация предстает как объективный, естественно-исторический процесс развития человечества, формирующий кардинально новую систему интеграции экономических, политических, финансовых и социально-культурных систем, отражающих не интересы единого центра, а интересы всех народов и стран.

Поскольку глобализировать все системы современного миропорядка практически невозможно из-за разного уровня развития стран, а концептуальные модели глобализации отвергают насилие, войны, уничтожение народов, то возникает возможность региональной глобализации. Открыто эту возможность решил реализовать Китай, обосновав инструментальную модель ее реализации в Шелковом пути-2.

Цель статьи – раскрыть сущность концепции «Шелковый путь-2» как варианта китайской

региональной глобализации, ее трансграничный и инновационный характер.

Основная часть. Развитие глобализационных процессов начала XXI в. ознаменовалось возрождением Китая Шелкового пути-2 в его новом качестве. Старый Шелковый путь, возникнув в III в. до н. э., просуществовал до середины XVII в. Это была одна из конструктивных форм сотрудничества и развития ряда стран. Шелковый путь – это общее название караванных путей, идущих из Китая в страны Средней и Передней Азии. По этому пути провозилась новация китайского натурального текстильного производства – шелк. Открытие этого пути резко подняло экономику Китая, дало возможность увеличить финансирование других отраслей материального производства, а также науки и образования. Но уже с начала своего становления через Шелковый путь Китай экспортировал в страны, стоящие на его пути, свою культуру, традиции, обычаи, нравы, достижения науки и техники. Этим путем пользовались арабские компиляторы, переведшие на арабский язык достижения астрономии, математики, химии, медицины и других наук, успешно развивающихся в Китае, а также достижения в области техники, письменности, военного дела, и передали их Европе.

Возникший Шелковый путь оказал глубокое влияние на развитие всех сфер жизнедеятельности народов Средней и Передней Азии, а позже и ряда европейских стран.

Новый Шелковый путь-2 расширил зону своих интересов в экономике, а также в политике и культурной жизни других стран. В старинный Шелковый путь Китай вдохнул новую жизнь, разработав стратегию «один пояс – один путь». И осенью 2013 г. эта стратегия была представлена вначале странам Центральной Азии в ходе ряда визитов председателя КНР Си Цзиньпина. Речь шла о создании «экономического пояса шелкового пути» и «морского шелкового пути XXI века». Амбициозный проект выступил вначале как один из вариантов евроазиатской интеграции.

Экономический пояс Шелкового пути-2 включает создание трех коридоров, проходящих по Евразии. Северный коридор предполагается проложить из Китая через Центральную Азию и Россию в Европу. Центральный – из Китая через Центральную и Западную Азию к Персидскому заливу и Средиземноморью. А южный должен вести из Китая через Юго-Восточную и Южную Азию в регион Индийского океана.

Чего же хочет Китай? Шелковый путь-2 предусматривает много инициатив и проектов. Пекин говорит о расширении инвестиций

в экономику других стран; о финансовом измерении (банковское сотрудничество, принесшее признание юаню, который в последнем квартале 2016 г. был признан в качестве резервной валюты МВФ); об инфраструктурном измерении (совместные дороги, воздушные и морские пути); о культурном измерении (через развитие науки, образования, искусства и т. д.).

Проект грандиозный, и он уже реализуется на практике. Главное для Китая покорить европейский рынок. И этот процесс начался. Китай установил хорошие связи с Беларусью, как трамплином для скачка в Европу, выделил 2 млрд. долл. США в виде инвестиций Чехии для строительства новых и ремонта старых дорог, что для страны это оказалось большой помощью. А в Северную Африку Китай принес технологию строительства скоростных железных дорог.

Инвестируя финансы в страны Европы и Азии, предоставляя долгосрочные кредиты под низкие проценты, Китай взамен получает пакеты акций предприятий, входит в акционеры банков и портов (известно, что Китай купил греческий порт Пирей).

Реализация стратегии «один пояс – один путь» очень выгодна экономике и культуре Китая, она укрепляет имидж Китая на международной арене, демонстрирует его ответственность в качестве региональной державы. В то же время стратегия Китая будет выгодна и странам Шелкового пути-2, особенно для их инфраструктуры и отраслей обрабатывающей промышленности. Она усилит связи между этими странами.

В качестве негатива выступает возрастающая опасность в этих странах китайского влияния и роста тяжелой экономической зависимости от Китая, а также нанесение вреда окружающей среде и традиционной культуре.

Анализ евроазиатского регионального партнерства в экономике дает право утверждать, что новая инициатива Китая – возрождение Шелкового пути-2 – это новая форма глобализации по-китайски. Китай хочет поставить под контроль основные инфраструктурные и транспортные пути движения товаров на евроазиатском континенте. Это еще одно свидетельство, раскрывающее содержание современной динамизации всех сфер общественной жизни Китая, особенно его экономики. «Китай является необычной иллюстрацией того, как в течение жизни одного поколения глобализация может помочь сделать экономически отсталую страну настоящим экономическим двигателем. Очевидно, что ему, кроме богатых человеческих и финансовых ресурсов, требуется постоянное желание страны перестраиваться для

удовлетворения требований глобализации вместе с желанием авторитарной политической системы навязывать огромные трудности большей части населения в процессе перехода» [2, с. 212].

Анализируя феномен китайского экономического скачка, западные экономисты утверждают, что Китай осмыслил значение глобализации и стал снимать с этого процесса «сливки». Да, Китай не отказывался и не отказывается от идеи глобализации, просто он умело использует ее позитивный потенциал, ставя проблемы перед другими лидерами развитых экономических стран мира. Данная мегастратегия нового Шелкового пути-2 нашла широкое обсуждение на саммите «Большой двадцатки» в сентябре 2016 г. в Китае. Формально темой встречи стало «Строительство инновационной, здоровой, взаимосвязанной и инклюзивной мировой экономики», а фактически обсуждался новый региональный евроазиатский вариант китайской глобализации. Инициатором этого обсуждения выступили США, усмотревшие в Шелковом пути-2 притеснение их финансово-экономических интересов и ограничение продвижения американской демократии в евроазиатском регионе. Это заставило США и Канаду в течение полутора месяцев после саммита подписать соглашения о торговле с Европейским союзом.

Несомненно, как и первый Шелковый путь, второй тоже продвигает инновации в науке, образовании, культуре в страны этого пути. Китай, идя по алгоритму США, обосновавших 10 мегатрендов развития общества, выделил 8 глобальных Столпов развития своего общества. «Каждый из 8 Столпов исследует одну из реформ, взаимодействие которых рождает новое целое, – отмечают Джон и Дорис Нейсбит. – Никто не может предсказать, каким в итоге станет Китай – каким будет новое общество, которое развивается на наших глазах. Китай переправляется через реку, нащупывая ”камни”» [3, с. 164].

В отличие от западных стран, развивающих концепции информационного общества и стратегии перехода к нему, Китай выдвинул более жизненную концепцию инновационного общества. Известно, что общество считается информационным, если производство и использование информации пересекает рубеж 50% по отношению к материальному производству. С позиций этого показателя США стали информационным обществом еще в 1974 г. Но производство информации и развитие информатизации – процессы идеальные. Информация должна отражать финансовую обеспеченность репрезентируемых материальных продуктов. Пока что люди рассчитываются

за промышленные и продовольственные товары, за ЖКХ и другие услуги не виртуальными деньгами, а реальными. И если на электронной карточке счета нет – товар никто не отпустит. В погоне за переходом к информационному обществу многие страны попадают в долговую яму МВФ. В тех же США государственный долг превысил 20 трлн. долл.

Китай это учел, и поставленная им цель – создание общества инноваций – связана с развитием науки и образования. «С первых дней реформ, – отмечают супруги Нейсбит, – Китай ставил эксперименты, выясняя на практике эффективность инноваций. Правовые нормы, страховые схемы, общественные институты, образовательные и инвестиционные модели, даже культурные проекты – все они проходят практическую проверку и должны доказать свою значимость, прежде чем их одобряют к внедрению» [3, с. 127].

В развитии науки начался бурный процесс раскрепощения разума. В Китае поощряют даже за отрицательные результаты опытов. Китайская культура в науке позволяет совершать ошибки, поощряет творческий потенциал, учится на допущенных ошибках и охотно принимает ученых, рационализаторов с новыми проектами. Эта идея привела белорусских ученых В. П. Старжинского и В. В. Цепкало к разработке концепции содержания инновационного общества, что отражено в монографии «На пути к обществу инноваций» (Минск: РИВШ, 2016).

Альфой и омегой развития китайского общества инноваций выступает образование. Задача образования и науки заключается в эмансипации разума, освобождении его от старой методологии обучения, раскрепощенности мышления, духа и, как итог, в превращении Китая в «общество обучения». «В этой стране обучение – фундаментальный элемент повседневной жизни, ведь все меняется так быстро, и нужно осваивать новое» [3, с. 182].

Китайская модель образования привлекательна тем, что она инновационна по содержанию, по методологическим основаниям подготовки специалистов. Образование как «творческая мудрость общества должно давать огромное число новаторов всех профилей, чтобы сформировать социальную и культурную среду нового общественного устройства. Отсюда главная задача Китая, как утверждает президент Ху, заключается в том, что “нужно сосредоточить усилия на образовании и превратить Китай в страну, богатую человеческими ресурсами”» [3, с. 78–79].

Инновации в образовании охватывают огромный спектр деятельности, начиная от министерства образования и ректоров до всего

состава преподавателей. В чем особенности образовательной реформы Китая?

Во-первых, Китай не копирует Болонскую систему образования, видя в ней ряд недостатков, связанных с резким сокращением учебных часов. Если Болонская система утверждает о вооружении будущего специалиста методологией самостоятельного изучения предмета, то Китай ставит вопрос «по-старому», сначала надо вооружить имеющимися в распоряжении общества знаниями и обучить навыкам непрерывного образования. Эту идею и репрезентирует Китай как «общество обучения». Китай активно ставит эксперименты в образовании, предлагая новые концептуальные и инструментальные модели его развития, выясняя на практике их инновационность, эффективность и значимость.

Во-вторых, в Китае функционируют успешно в структуре образования две системы. Первая – дистанционная, формирующая «образовательную сеть». В нее входит широкая подготовка специалистов за счет дистанционного образования, доказавшего свою эффективность и необходимость развития. По этой системе Китай готовит массово (до 90 тысяч выпускников в год) специалистов высшей квалификации для всех сфер деятельности общества. Только за 5 лет с «2003 по 2007 центральное правительство и местные органы власти выделили не менее 10 миллиардов юаней (1 млрд. долл.) на организацию современного дистанционного обучения... С помощью радио, телевизионного, спутниковых сетей, Интернета, аудиовизуальных материалов и других средств обучения школа дает крестьянам практическое (технологическое) образование» [3, с. 253]. Эта система образования – одно из главных звеньев массового высшего образования Китая, решающая конкретные задачи технической элиты – «мозгового центра» страны по построению инновационного общества.

Вторая система образования готовит элиту страны. Там не гоняются за количеством студентов, увеличением учебных площадей. Это в Болонской системе критерием выступает количество студентов – чем больше их, тем вуз лучше. А в Китае наоборот. Так, ректор Цзилинского университета Чжоу Цифэн заявил, что «наша цель состоит не в том, чтобы увеличить площади университета или привлечь больше студентов; мы хотим создать многоуровневый исследовательский комплекс и одновременно увеличить качество обучения и преподавания» [3, с. 198]. Такие цели делают ведущие университеты Китая флагманами инновационного развития страны. Их многокомпонентная образовательная деятельность включает в себя

построение инновационной образовательной инфраструктуры, релевантной следующим элементам: субъектам образовательной деятельности, технологиям и практике инновационного образования, технологическому и финансовому обеспечению.

В-третьих, вызывает интерес и развитие трансграничного характера образования в Китае. Изменение модели образования затрагивает в первую очередь экономические цели, которые сопрягаются с компаративистикой, формирующей устойчивые основания долгосрочного сотрудничества образовательных структур стран нового Шелкового пути. Эти формы взаимосвязи образовательных моделей обнаруживаются благодаря особенностям компаративистики, позволяющей с помощью метода сравнения выявить и исследовать международные связи и отношения, сходство и различие, общее и особенное в системах образования.

Трансграничный характер образования сегодня приобрел двойственный характер. С одной стороны, стремительно развивается сотрудничество Китая с остальным миром через образование, т. е. через процессы его экспансии. «С 1979 года более 1 миллиона китайцев получили образование в 100 с лишним странах мира и почти 300 тысяч из них по завершению учебы вернулись домой. Число иностранных студентов в Китае также быстро растет. С 1979 года более 1 миллиона студентов из 188 стран обучались в 544 китайских университетах... Изучение китайского языка стало популярным во всем мире. С 2004 года для распространения китайского языка и культуры Китай открыл 226 отделений Института Конфуция в 64 странах мира. Более 40 миллионов человек за границами Китая изучают китайский язык. И более 800 школ почти в 100 странах включили китайский язык в свои учебные программы» [3, с. 221–222].

С другой стороны, Китай открывает школы детям мигрантов для обучения китайскому языку в соответствии с программой высшего образования в Китае. Сегодня в этих школах обучается свыше 93 тысяч детей.

В целом образование является целостным социокультурным феноменом, помогающим человеку отыскать правильные решения в «эпоху перемен», строительства общественной жизни. Оно является особой ценностной сферой социальной реальности, в которой имеет место трансляция новейших для субъекта обучения теоретических представлений о сущности и закономерностях развития природной и социальной действительности, а также формирование на их основе нового концептуально целостного мировоззрения и реализация его в своей целенаправленной практике.

Таким образом, образование в Китае является ключевым условием для реализации человеком своих жизненных планов. Образование – это не просто двигатель реформ. Образованные и культурные люди – это тот самый ключ, который отпирает двери свободе духа нации, его раскрепощения. Это система образования и привлекает страны, встающие на путь нового Шелкового пути-2.

Заключение. Новый Шелковый путь-2 как форма региональной глобализации евроазиатских стран уже сегодня характеризуется как сильная, детерминирующая, уникальная, надежная, вариативная система, цель которой

заключается в охвате стран в единое социально-экономическое и культурное пространство, сотрудничестве стран, входящих в нее на началах, принципах, законах и требованиях международного права, демократии, взаимоуважения с учетом ментальности, конвенциональности и толерантности национальных культур. Эта новая концептуальная модель развития глобального евроазиатского региона, которая базируется и репрезентируется конкретной инструментальной моделью, в которую входит экономическое и финансовое развитие, наука и образование как смысловые факторы цивилизационного развития.

Литература

1. Пунченко О. П. Цивилизационное измерение истории человечества. Одесса: Астропринт, 2013. 448 с.
2. Шапиро Р. Прогноз на будущее. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. 537 с.
3. Несбит Джон и Дорис. Китайские мегатренды. М.: Астрель, 2012. 315 с.

References

1. Punchenko O. P. *Tsivilizatsionnoye izmereniye istorii chelovechestva* [The civilisation measuring of history of Humanity]. Odessa, Astroprint Publ., 2013. 448 p.
2. Shapiro R. *Prognoz na budushchee* [Futurecast]. Moscow, AST, AST Moskva Publ., 2009. 537 p.
3. Nesbit Dzhon i Doris. *Kitayskiye megatrendy* [Chinese megatrends]. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 315 p.

Информация об авторе

Пунченко Олег Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Украины. Одесская национальная академия связи имени А. С. Попова (65029, г. Одесса, ул. Кузнецкая, 1, Украина). E-mail: kaphedra.philos@onat.edu.ua

Information about the author

Punchenko Oleg Petrovich – DSc (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy and History of Ukraine. Odessa National Academy of Telecommunication named after A. S. Popov (1, Kuznechnaya str., 65029, Odessa, Ukraine). E-mail: kaphedra.philos@onat.edu.ua

Поступила 21.02.2017

УДК 001.8(075.8)

В. Н. Сокольчик

Белорусская медицинская академия последипломного образования

**ФЕНОМЕН ПАРАНАУКИ И ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ ЗНАНИЯ
В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

В статье рассматривается феномен паранаучного знания, приобретающего в постнеклассической науке все большую значимость и популярность. Анализируются различные виды паранаучного знания, такие как лженаука, вульгарная наука, околонучная экзотика. Обращается внимание на неоднозначность этих феноменов, сближение передовых инновационных исследований постнеклассической науки и паранаучных девиаций. В качестве основных критериев демаркации научного и паранаучного знания анализируются классические (исторический, логический) и современные (эстетико-прагматический, биоэтический) критерии. Эстетико-прагматический критерий рассматривается не только с точки зрения полезности, простоты, но также с точки зрения красоты, гармонии, изящества знания. Биоэтический критерий осмысливается как важнейший в эпоху постнеклассической науки, что обусловлено формированием биоцентристского мировоззрения, значимостью идеи ответственности перед будущими поколениями, ценностью моральных приоритетов. Уделяется внимание неоднозначности сложившейся в современном обществе практики определения научности в контексте публикаций в рецензируемых научных изданиях, отмечается присутствующий здесь момент субъективности и возможности ошибки. В статье акцентируется сложность демаркации научного и паранаучного знания в постнеклассической науке, необходимость при анализе научности знания ориентироваться на важнейшие ценности и постулаты постнеклассической рациональности.

Ключевые слова: постнеклассическая наука, паранаука, лженаука, вульгарная наука, околонучная экзотика, дивантная наука, исторический, логический, эстетико-прагматический, биоэтический критерии научности.

V. N. Sokolchik

Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education

**PARASCIENCE PHENOMENON AND THE PROBLEM OF DEMARCATION
OF KNOWLEDGE IN POSTNONCLASSICAL SCIENCE**

The article is devoted to the examination of the phenomenon of parascientific knowledge, which becomes increasingly important and popular in the postnonclassical science. The author analyzes various kinds of parascientific knowledge, such as pseudoscience, vulgar science, pseudo-scientific exotic. He draws attention to the ambiguity of these phenomena and the convergence of postnonclassical scientific innovative research and parascientific deviations. Classical (historical, logical) and modern (aesthetic-pragmatic, bioethical) criteria are analyzed as the main criteria for the demarcation of scientific and parascientific knowledge. Aesthetic-pragmatic criterion is considered not only in terms of utility, simplicity, but also in terms of beauty, harmony and grace of knowledge. Bioethics criterion is conceptualized as an important criterion in the postnonclassical science era, which is caused by the formation of biocentrism outlook, the significance of the responsibility to future generations, the value of moral priorities. The author notes the ambiguity of the current practice in modern society to definit the scientific knowladge in context of publications in peer-reviewed scientific journals, and marks the movement of the subjectivity and the possibility of error in this practice. In the article the complexity of the demarcation of scientific and parascientific knowledge in the postnonclassical science and the necessity for the analysis of scientific knowledge to focus on the most important values and postulates postnonclassical rationality is emphasizes.

Key words: postnonclassical science, parasience, pseudoscience, vulgar science, pseudo-scientific exotic, scientific diviations, historical, logical, aesthetic-pragmatic, bioethical scientific criteria.

Введение. Постнеклассическая наука – современный этап развития научного знания, который в силу специфики постнеклассической рациональности, объектов исследования и аксиологических приоритетов эпохи предполагает полное опровержение идеи ценностной

нейтральности науки, свободы ее от мировоззренческих установок общества. По мнению академика В. С. Степина, постнеклассический тип научной рациональности учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций

деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами, при этом эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными социальными ценностями и целями [1].

Постнеклассическая наука XXI в., рассматривая сложные системные объекты, в которые, как правило, включен человек (общество) и природа, зачастую выходит в своих определениях, методах, результатах далеко за рамки тех классических «стандартов», которые принято называть критериями или признаками научности. Соответственно, вопрос о научности/ненаучности выдвигаемой идеи (гипотезы) возникает все чаще не только в гуманитарном знании, но также в естественнонаучных и технических исследованиях.

В связи с вышесказанным одним из важнейших методологических вопросов современного научного знания становится вопрос выявления паранаучного знания и, как следствие, вопрос о критериях его отделения от знания научного.

Основная часть. Паранаука – форма познавательной активности, возникающая как альтернатива или дополнение к существующим видам научного знания. Отличительной особенностью построения паранаучного знания может служить «вольная» трактовка или полное отрицание научной методологии, объективности, верифицируемости знания, системности и логичности его построения, порой манипулирование сознанием общества в интересах принятия новой идеи. Характерной чертой паранаучных построений является, кроме того, выбор нестандартных и нетрадиционных подходов к изучению объектов, проекция свойств изученных систем на вновь открытые, претензии на абсолютность знания. Характеристики паранаучного знания обращают внимание на его двойственность: с одной стороны, паранаучное знание может рассматриваться как принципиально новый творческий подход к проблеме (сближается в этом с передовыми инновационными исследованиями), с другой – как разрушение устоев и критериев собственно научности, сложившихся в историческом развитии науки.

Феномены, объединяемые под общим понятием «паранаука», принципиально различны по своей природе, зачастую выполняют противоречащие функции – от положительного влияния на развитие науки до полного ей противостояния. Некоторые из них достаточно легко классифицируются как паранаучные. Примером может служить околонукальная экзотика (например, парапсихология, хиромантия, астрология, нумерология, криптозоология и криптоботаника и др.). Околонукальная экзотика

не ориентирована на объективность знания, здесь приоритетом становится вера, убежденность, роль авторитета. Скрытые универсальные принципы открываются только избранным, а проверить высказанные идеи (предсказания), как правило, невозможно или для этого необходимо значительный промежуток времени. Построения околонукальной экзотики во все времена интересовали общество, но справедливо будет отметить, что отнесение явлений околонукальной экзотики к серьезному научному знанию чаще свойственно дилетантам.

Вариацией паранаучных построений является вульгарная наука. Она связана с чрезмерным упрощением научного знания (например, идеи социобиологии, лысенковщина в агробиологии, вульгарный материализм XIX в.), часто использует методы переноса свойств с более простой системы на более сложную. Вульгарная наука стремится к редукционизму, а ее построения характеризуются несистемностью, упрощением действительности. Особенностью вульгарной науки является ее идеологическая подоплека (например, абсолютность идеи классов и классовой борьбы в советской социологии). Таким образом, идеи вульгарной науки определяются не столько целями познания, сколько внешними (идеологическими, например) причинами и обстоятельствами.

Гораздо сложнее провести демаркацию между наукой и таким паранаучным феноменом, как лженаука. Последняя сознательно, или в связи с заблуждением, основывается на лжи, ошибках, подтасовке фактов. Ей свойственны как содержательные ошибки в изложении/обосновании идей, так и ошибки логические (некорректные обобщения, далекие аналогии и т. д.). Лженаука может проявляться в некорректности проведения экспериментов (натяжки, подтасовки, сумбур), некорректном использовании экстраполяции. Распространенный метод подачи информации в лженауке – «логика бессмысленного»: реципиента «погружают» в псевдонаучный контекст с огромным количеством символов и псевдосвязей, где окончательно теряется логическая связь и элементарный смысл. Лженауке свойственен дилетантизм и самомнение, отсутствует стремление к согласованию/сочетанию своих идей с доказанными теориями. За исключением крайних вариантов проявления лженаучных построений, человеку, не связанному напрямую с научным знанием и деятельностью, достаточно трудно оценить паранаучность представленных идей. Прежде всего, рекомендуется проверить предлагаемые построения на соответствие элементарным законам логики и современной научной картине мира.

Примером лженауки может служить френология (австрийский врач и анатом XIX в. Ф. Й. Галль установил связь между психическими характеристиками личности и анатомическими особенностями черепа или «рельефом» мозга), соционика (идея литовского экономиста и психолога А. Аугустинавичюте о существовании 16 социотипов, которых можно отождествить с известными личностями), уфология, «фольк-истори» и др.

Образец неоднозначности и сложности классификации лженаучных построений в современном мире представляет собой гомеопатия. Как заявлено в меморандуме № 2 (2017 г.) Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, «принципы гомеопатии и теоретические объяснения механизмов ее предполагаемого действия противоречат известным химическим, биологическим, физическим законам, а убедительные экспериментальные подтверждения ее эффективности отсутствуют. Гомеопатические методы диагностики и лечения следует считать лженаучными» [2]. Впрочем, особый интерес общества к гомеопатии в современном мире объясняется далеко не только эффектом плацебо, но также объективными причинами несовершенства современной доказательной медицины, успехами гомеопатических техник в лечении заболеваний и т. д. Вследствие этого официальное объявление гомеопатии лженаукой без отсылки к рассмотрению всех критериев разделения научного и паранаучного знания и соответствующей масштабной пропаганде вряд ли произведет в обществе желаемый эффект.

В целом, паранаука имеет множество проявлений: чаще всего ее «продукты» не выступают «в чистом виде», а переплетаются между собой, что еще более усложняет задачу отличия научного и паранаучного знания.

Примером «переходного» от научного к паранаучному (и наоборот) знанию является девиантная наука. Девиантная наука развивается внутри научного сообщества, рассматривая объекты, которые находятся на обочине господствующих научных направлений, или использует методы, отличающиеся от общепринятых (например, гелиобиология А. Л. Чижевского). Идеи (гипотезы) девиантной науки по мере обоснования своих положений, развития собственно науки и востребованности знания социумом могут трансформироваться, переходя из статуса девиантного знания к общепринятой научной теории/гипотезе (примером может служить воображаемая геометрия Лобачевского).

«Перетекание» идей девиантной науки в новейшие научные изыскания становится явлением достаточно распространенным на этапе

постнеклассической науки. В рамках передовых инновационных исследований постнеклассической эпохи переосмысляются критерии рациональности, акцентируется изучение самоорганизации систем, их биоэтических и ценностных компонентов и т. д. Приоритетными сегодня становятся исследования наиболее сложных и загадочных вопросов, использование нестандартных методик и принципиально новых технологий для организации исследовательской деятельности. В передовой постнеклассической науке акцентируются такие свойства, как информативность, нетривиальность, эвристичность, этичность, и одновременно ослабляются, лишаются радикальности требования точности, строгости, обоснованности. Постнеклассическая наука руководствуется инновационными ценностями и нормативами, ей свойственен риск, стремление к ревизии устоявшегося, порой даже стремление к противоречию. Таким образом, в некоторых случаях передовая инновационная наука и паранаучные девиации настолько сближаются, что демонстрируют тесную взаимосвязь и возможность взаимоперехода паранаучного и научного знания.

Трудности различения паранаучного и научного знания предполагают определение критериев демаркации, позволяющих «развести» знания научные и ненаучные (паранаучные). Известный белорусский логик и методолог науки В. Ф. Берков выделяет три группы критериев, реализация которых сообщает знанию статус научного. Это – исторические, логические и прагматические критерии научности знания [3].

Исторические критерии научности – те характеристики и принципы научной деятельности и формируемого знания, которые сложились исторически и могут рассматриваться как квинт-эссенция мирового научного опыта. Они предполагают соответствие его таким параметрам, как: рациональность (постнеклассическая научная рациональность предполагает относительность истины, роль случайности в развитии, размывание граней в субъект-объектных отношениях и т. д.); доказательность знания; проверяемость знания на опыте, его эмпирическое обоснование (этот исторический критерий более характерен для классического периода развития науки и не всегда реализуем в науке современного этапа – например, исследования в области квантовой физики не во всех случаях могут быть подтверждены на эмпирическом уровне); объективность и интересубъективность знания, его универсальность, общезначимость и пр. Важной характеристикой научного знания и одновременно критерием его научности является системность. Системность знания рассматривается

с точки зрения его «включенности» в контекст ранее полученных знаний и также с точки зрения внутренней согласованности знания, взаимосвязанности идей и положений. В целом, группа исторически сформировавшихся критериев научности не является «застывшей», она дополняется, изменяется и совершенствуется в ходе развития научного знания.

Логические критерии научности предполагают формирование научного знания в соответствии с законами логики. Это, по сути, основание рациональности знания, которое достигается через соответствие логическим законам тождества, непротиворечивости, исключенного третьего, связано с соблюдением требований полноты знания, независимостью исходных аксиом, соблюдением логических правил делений (классификаций) и определений.

Прагматические критерии научности опираются на такие характеристики научного знания, как простота и инструментальная эффективность. Однако понимание идеи прагматичности знания в постнеклассической науке приобретает более глубокое звучание. Трансформация идеи прагматичности осуществляется за счет актуализации внутренней связи прагматичности (как практичности, функциональности) и эстетичности (красоты, гармонии, изящества). Подобные идеи, развивавшиеся еще древнегреческими философами, нашли свое отражение в работах ученых XIX–XXI вв. (Эйнштейн, Дарвин, Дирак, Дойч и др.) [4, 5], рассматривающих влияние красоты/гармоничности теории (идеи) на ее функциональность, простоту, соответствие истине (реальности). Таким образом, в контексте постнеклассического развития науки можно говорить об эстетико-прагматических критериях научности знания. Простота, минимализм, гармоничная системность, изящество, красота – вот далеко не полный перечень эстетико-прагматических оснований и критериев современного научного знания.

Безусловно, вышеназванные критерии научности – исторический, логический и эстетико-прагматический – являются методологически обоснованными и, по сути, универсальными для любого вида знания. Однако опора исключительно на объективные установки (критерии), не учитывающие ценностный подход и парадигму биоцентризма, позволяет научному знанию оставаться в рамках уже изживших себя приоритетов безусловной ценности науки, прогресса и антропоцентризма.

Акцентируя внимание на развитии постнеклассического научного знания, необходимо к перечню критериев научности добавить также критерий биоэтический. Он является отражением мировоззренческих принципов и установок

на сохранение жизни и преумножение ее многообразия. В основе биоэтического критерия – идеи глобальной биоэтики Р. Поттера [6], принцип «благоговения перед жизнью» А. Швейцера, а также следование принципам «не навреди», ответственности за все живое (и природу в целом), ответственности перед будущими поколениями [7]. Биоэтическая составляющая современного научного знания отражает необходимость, наряду с соблюдением классических критериев научности, учитывать также значимость целей научного познания (как краткосрочных, так и долгосрочных), актуальность поставленных проблем, вопросы минимизации вреда и риска. Императивом постнеклассического знания сегодня становится принцип, согласно которому «целью и смыслом науки... является уже не просто истина, но истина, согласованная с аксиологическими, в том числе моральными приоритетами человека и человечества» [1].

Таким образом, главными критериями демаркации научного и паранаучного знания в эпоху постнеклассической науки можно считать исторически сложившиеся критерии научности, а также логический, эстетико-прагматический и биоэтический.

Следует упомянуть и о сложившейся практике: в современном научном сообществе косвенным основанием научности считается публикация результатов исследований в рецензируемых научных изданиях, а также включенность в различные научные базы данных и индексы цитирования. Признаемся, что такая практика, несмотря на ее распространенность, только отчасти подтверждает научную принадлежность рассматриваемых идей. С одной стороны, в контексте научной публикационной активности нельзя не учитывать таких этических проблем современной науки, как человеческий фактор, недобросовестность, некомпетентность, цензура и межличностные отношения, «погоня» за увеличением индекса цитирования и числом публикаций, а, с другой стороны, не всегда однозначно различие между паранаучной идеей и научной ошибкой.

Заключение. Таким образом, в эпоху постнеклассической науки феномен паранауки остается востребованным, распространенным и в большинстве случаев сложно отличимым от подлинно научных исследований. При определении научности знания сегодня требуется проверка на соответствие его не только классическим критериям научности – историческому и логическому (в контексте их современной трансформации), но также эстетико-прагматическому и биоэтическому. Биоэтический критерий может рассматриваться расширенно –

и с точки зрения биоэтических принципов, целей, установок, правил проведения современного научного исследования, и с точки зрения невозможности аксиологической нейтрально-

сти в отношении ценностей социума/цивилизации. В силу вышесказанного демаркация научного и паранаучного знания в современном мире не всегда однозначна и определена.

Литература

1. Степин В. С. Теоретическое знание [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2013/09/steeppin.pdf> (дата обращения: 15.01.2017).
2. Меморандум № 2 Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований «О лженаучности гомеопатии» [Электронный ресурс]. URL: <http://klnran.ru/2017/02/memorandum02> (дата обращения: 17.02.2017).
3. Берков В. Ф. Философия и методология науки: учеб. пособие. М.: Новое знание, 2004. 336 с.
4. Волькенштейн М. Красота науки // Наука и жизнь. 1988. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shapovalov.org/news/2012-10-26-2080> (дата обращения: 21.10.2016).
5. Оствальд В. Великий эликсир. М.: Земля и фабрика, 1923. 87 с.
6. Поттер В. Р. Биоэтика. Мост в будущее. Киев: Сфера, 2002. 215 с.
7. Пустовит С. В. Глобальная биоэтика: становление теории и практики. Философский анализ. Киев: Карпенко, 2009. 324 с.

References

1. Stepin V. S. *Teoreticheskoye znaniye* [The theoretical knowledge]. Available at: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2013/09/steeppin.pdf> (accessed 15.01.2017).
2. *Memorandum No. 2 Komissii RAN po bor'be s lzhenaukoy i fal'sifikatsiyey nauchnykh issledovaniy "O lzhenauchnosti gomeopatii"* [Memorandum No. 2 RAS Commission against to pseudoscience and falsification of scientific research "On pseudoscientific homeopathy"]. Available at: <http://klnran.ru/2017/02/memorandum02> (accessed 17.02.2017).
3. Berkov V. F. *Filosofiya i metodologiya nauki: uchebnoye posobiye* [Philosophy and methodology of science: tutorial]. Moscow, Novoye znaniye, 2004. 336 p.
4. Vol'kenshteyn M. Beauty of science. *Nauka i zhizn'* [Science and life], 1988, no. 9 (In Russian). Available at: <http://www.shapovalov.org/news/2012-10-26-2080> (accessed 21.10.2016).
5. Ostval'd V. *Velikiy eliksir* [Great elixir]. Moscow, Zemlya i fabrika, 1923. 87 p.
6. Potter V. R. *Bioetika. Most v budushchee* [Bioethics. Bridge to the future]. Kiev, Sfera, 2002. 215 p.
7. Pustovit S. V. *Global'naya bioetika: stanovleniye teorii i praktiki. Filosofskiy analiz* [Global bioethics: formation of theory and practice. Philosophical analysis]. Kiev, Karpenko, 2009. 324 p.

Информация об авторе

Сокольчик Валерия Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения. Белорусская медицинская академия последипломного образования (220013, г. Минск, ул. П. Бровки, 3/3, Республика Беларусь). E-mail: vsokolchik@mail.ru

Information about the author

Sokolchik Valerya Nikolaevna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Public Health and Health Care. Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education (3/3, P. Brovki str., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: vsokolchik@mail.ru

Поступила 27.02.2017

УДК 608.1:001.891

Н. А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Республики Беларусь

**ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ
НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

Статья посвящена вопросам человеческого развития – обобщающему показателю уровня развития человека в стране, рассчитываемому периодически для межстранового сравнения и измерения бедности, грамотности, образованности и долголетия и др. Эволюция понятия, определяющего человеческое развитие, шла от показателей экономического роста как объективного благополучия, далее через экономическую оценку способностей человека приносить доход к субъективному развитию. На современном этапе данное понятие включает в сферу своего рассмотрения технологии, меняющие как самого человека, так и среду его обитания. Примером таких технологий являются конвергентные нанотехнологии, биотехнологии, когнитивные технологии, информационные технологии, «Интернет вещей», экологические технологии. Сейчас эти области человеческой деятельности достигли уровня развития синергетического взаимодействия. Реализация уже осуществленных крупных программ в рамках развития новых технологий позволяет осуществить прорывные изменения в таких областях, как экологическая, демографическая, образование, спорт и др. Результатом чего является становление качественно новой техносферы, открывающей перед человечеством новые горизонты развития. Стратегии человеческого развития в XXI в. исходят из приоритетов здоровья и здорового образа жизни, экологической безопасности, развития интеллектуально-образовательного потенциала. Использование этих технологий будет нарастать, а оценка перспектив и рисков их реализации требуют гуманитарной оценки.

Ключевые слова: человеческое развитие, человеческий капитал, индекс человеческого развития, технобиоэволюция, нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии, когнитивные технологии.

N. A. Lazarevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

**HUMAN DEVELOPMENT IN CONDITIONS
OF THE NEW TECHNOLOGICAL OPPORTUNITIES**

The article is devoted to the issues of human development – general indicator of the level of human development in the country, which is calculated periodically for cross-country comparison and measurement of poverty, literacy, education, longevity and so on. Evolution of the concept, which determined human development, goes from the indicators of economic growth as objective well-being, through the economic assessment of human ability to bring income to subjective development. At the present stage, it includes the technologies that change both the human and their environment. An example of such technology is convergent nanotechnology, biotechnology, cognitive technology, information technology, “Internet things”, ecological technologies and so on. Now these areas of human activity reached the level of development of synergy. Implementation of already carried out major programs within development of the new technologies lets to realize the possible existence of a new reality in such areas as environment, demography, education, sport and so on. As a result there is formed a qualitatively new technosphere, which opens the new horizons of development. The strategies of human development in the 21 century are based on the priorities of health and healthy lifestyle, environmental safety, development of intellectual and educational potential. The use of these technologies will continue to grow, and assessment of prospects and risks of their implementation requires humanitarian evaluation.

Key words: human development, human capital, human development index, technobioevolution, nanotechnology, biotechnology, information technology, cognitive technologies.

Введение. Оценка человеческого развития потребовала разработки ключевых понятий, критериев и показателей данного явления. Категорию «человеческое развитие» использовали первоначально и преимущественно эконо-

мисты. На протяжении многих лет в качестве одного из основных показателей человеческого развития выступал экономический рост. Со временем становится понятным, что экономический рост сам по себе не способен обеспечить

общественное развитие как многоплановый процесс. Существенное воздействие на него оказывают также факторы социального и политического порядка.

Основная часть. Появились новые парадигмы и принципы, которые послужили концептуальными основами теории человеческого развития: концепция базовых нужд, концепция перераспределения, теория человеческого капитала. Первые две теории в своей основе имели экономическую составляющую развития. Третья теория человеческого капитала, кроме экономического, выделяет и анализирует еще ряд факторов, усиливающих человеческое развитие.

Основоположник теории человеческого капитала Теодор Шульц в своих исследованиях, посвященных анализу причин роста производительности труда, выделяет образование, «превращающее простого исполнителя в творческого работника» [1]. Он отнес к инвестициям в человеческий капитал не только прямые затраты на образование в учебных заведениях, но и самообразование дома, а также капиталовложения в сферу здравоохранения и науки. Именно вложения в «человеческий капитал» становятся важнейшими факторами преобразования экономики, модернизации экономических и юридических институтов.

В последующем происходит расширение теории человеческого развития от *теории человеческого капитала*, рассматривающей людей в качестве средства роста производства, и до *концепции человеческого развития*, в которой люди являются основной целью прогресса. (Здесь нельзя не вспомнить И. Канта с его утверждением о том, что человек – всегда цель и никогда – средство.) Человеческое развитие – это процесс обеспечения людей широким выбором во всех аспектах человеческой жизни. Главные из них – возможность прожить долгую и здоровую жизнь, приобрести знания и иметь доступ к необходимым ресурсам, иметь гарантированные права. В рамках концепции человеческого развития важное место занимает также теория *устойчивого человеческого развития*, которая включает равный доступ к возможностям развития, как сейчас, так и в будущем с учетом экологических и демографических компонентов. Основные направления такого развития обозначаются ООН как принцип развития, нацеленного на человека. Оно не противоречит традиционным теориям экономического развития. Еще в первом Докладе о человеческом развитии (и в дальнейших) было определено, что «человеческое развитие является целью, а экономический рост – лишь средством ее достижения» [2, с. 15].

Разработка концепции человеческого развития позволила сформулировать качественно новый подход к пониманию общественного прогресса, который включает в себя «экономический рост, социальные инвестиции, расширение возможностей людей, удовлетворение основных потребностей и организацию систем социальной защиты, политические и культурные свободы и все другие стороны жизни людей» [2, с. 12].

Очень важным вопросом для концепции человеческого развития является возможность его измерения и мониторинга. Инструмент для измерения социально-экономического прогресса – индекс человеческого развития (ИЧР) был предложен в процессе подготовки первого Доклада о развитии человека в 1990 г. Индекс человеческого развития – интегрированный показатель, используемый для межстрановых сопоставлений и ежегодно рассчитываемый Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) на основе следующих компонентов человеческого развития: ожидаемой продолжительности жизни при рождении; средней продолжительности обучения и ожидаемой продолжительности обучения; валового национального дохода (ВНД) на душу населения (в долларах США по паритету покупательной способности). (Согласно последнему опубликованному Докладу о человеческом развитии, подготовленному ПРООН за 2015 г., Республика Беларусь заняла 50-е место среди 187 стран.)

В последней четверти XX в. под влиянием научно-технической революции и возрастающих требований к качественным характеристикам рабочей силы происходит углубление содержания многих концепций социального развития. В этом русле широкое распространение получила новая теория человеческого развития – *теория эндогенного роста*. Она исследует воздействие человеческого капитала на темпы роста стран в долгосрочной перспективе на основе *технологических и инновационных изменений*.

Действительно, современная технологическая революция порождает уникальные возможности для человеческого развития. Можно привести ряд примеров. Так, трехмерная печать изменяет характер труда, давая возможность создавать любую продукцию – начиная с промышленных образцов и заканчивая тканями человеческого организма. Первая в мире лаборатория по трехмерной печати протезов различного назначения была открыта в Южном Судане: проект «Даниэль» с целью создания протезов конечностей для Даниэля Омара, потерявшего обе руки в результате взрыва бомбы. Такая организация способна обеспечить производство по заказу и предоставить работу

320 млн промышленных работников – 12% рабочей силы в мире. Работники с ограниченными возможностями также не остаются в стороне [3, с. 34].

Прежде «немые» приборы, в том числе пылесосы и весы, после оснащения камерами, датчиками и процессорами стали способными к реагированию при взаимодействии с человеком. Многие устройства такого плана включены в единую сеть и взаимодействуют через «Интернет вещей». Все эти явления объединяют в общее понятие четвертой индустриальной революции. Люди работают, общаются и ведут дела в качественно новой среде, изменяя, таким образом, и качество своей жизни. В самом деле, многие условия работы, товары сегодня, как это наглядно показывает так называемая «экономика мобильных приложений», являются полностью виртуальными.

Внедрение новых технологий приобретает масштабный характер и способно принести огромную пользу населению в разных уголках мира. Это происходит потому, что современные технологии в каком-то смысле являются «универсальными машинами», которые находят применение практически во всех секторах, отраслях промышленности и охватывают все области производства: обрабатывающую промышленность, сферу услуг и сельское хозяйство.

Эволюционное развитие техники в настоящее время привело к появлению взаимосвязанных нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивной науки, что получило название NBIC-конвергенция. Главной отличительной чертой таких технологий является их максимальная близость к естественным природным процессам, или, как выразился директор НИИ «Курчатовский центр» М. Ковальчук, «природоподобие», т. е. способность включаться в единство и взаимосвязи, подобно природным процессам. Долгое время, развивая науки и технологии, человечество копировало живые системы, их принципы, механизмы в виде простых модельных систем. Сегодня развитие науки достигло такого уровня, когда путем конвергенции наук и технологий стало возможным не просто моделировать, а конструировать, созидать «природоподобные» системы. Внедрение конвергентных технологий направлено на многообещающий рост человеческих возможностей, техническое улучшение человека [4].

Устойчивость является одной из доминант развития человека и его потенциала. С использованием возобновляемой энергии (к ней относятся водная энергия, биомасса, гейзеры, ветер, солнце и др.) связывают перспективы будущего

коэволюционного развития общества и техники. При решении многих проблем общество все же больше полагается на научно-технический прогресс. Он в значительной мере открывает новые возможности деятельности человека, увеличивает независимость от природы. Однако не только дает новые возможности, но и может приводить к рискам (побочным следствиям). По мнению авторитетного социолога Н. Лумана, научно-технический прогресс разрешает определенные проблемы и в то же время создает новые, выявляя свою принципиальную двойственность. «При принятии решений теперь требуется более высокий уровень рефлексивности. Для каждого человека и общества в целом это означает, что нужно больше принимать решений (возникает большее многообразие вариантов), причем основания для принятия решений отчасти становятся как бы неуловимыми или сами себя определяющими, что приводит к формированию новой ориентировки: с помощью анализа следствий вариантов принимаемых решений и посредством коммуникации с будущим» [5, с. 203]. Обязательным становится оценка последствий технической деятельности.

Внедрение новой техники всегда связано с известной неопределенностью, поскольку она является настолько сложной, что прогнозирование ее побочных следствий становится иногда затруднительным. Причем вклад в возрастание рисков от использования новых видов техники вносят не только ее разработчики и производители, но и пользователи. Сегодня недостаточно исследовать лишь влияние отдельных технологий на развитие общества и человека. Необходимо изучать и учитывать их конвергентное (сопряженное) влияние как на общество, так и на человека, принимая во внимание всевозможные варианты применения. Внедрение новой техники должно рассматриваться в двух плоскостях анализа: с одной стороны, это научно обоснованные прогнозы, а с другой – общественное мнение как институт социальной оценки и выбора приоритетов дальнейшего развития.

Заключение. Стратегия человеческого развития исходит из приоритетов здоровья и здорового образа жизни, экологической безопасности, развития интеллектуально-образовательного потенциала человека. Современная технологическая революция порождает уникальные возможности для человеческого развития, позволяя изменять как самого человека, так и среду его обитания. Использование этих технологий будет нарастать, а оценка перспектив и рисков их реализации требуют гуманитарной оценки.

Литература

1. Schultz T. Investing in People: The Economics of Population Quality. Berkeley: University of California Press, 1981. 173 p.
2. Доклад ООН о развитии человека за 1991–2006 годы / ПРООН. Нью-Йорк: Оксфорд юнивер сити пресс, 2007. 115 с.
3. Доклад ООН о человеческом развитии за 2015 год / ПРООН. Нью-Йорк: Оксфорд юнивер сити пресс, 2016. 75 с.
4. Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 3–103.
5. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.

References

1. Schultz T. Investing in People: The Economics of Population Quality. Berkeley, University of California Press, 1981. 173 p.
2. *Doklad OON o razvitii cheloveka za 1991–2006 gody* [Lecture of the UNO about development of man after 1991–2006]. New-York, Oksford yuniver siti press Publ., 2007. 115 p.
3. *Doklad OON o chelovecheskom razvitii za 2015 god* [Lecture of the UNO about development of man for 2015]. New-York, Oksford yuniver siti press Publ., 2016. 75 p.
4. Koval'chuk M. V., Naraykin O. S., Yatsishina E. B. Convergence of sciences and technologies is the new stage of scientific and technical development. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2013, no. 3, pp. 3–103 (In Russian).
5. Luman N. *Vlast'* [Power]. Moscow, Praksis Publ., 2001. 256 p.

Информация об авторе

Лазаревич Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социально-философских и антропологических исследований. Институт философии Национальной академии наук Республики Беларусь (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1/2, Республика Беларусь). E-mail: natalazarevich@tut.by

Information about the author

Lazarevich Natal'ya Aleksandrovna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Senior Researcher of the Center of Philosophical and Anthropological Research. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Surganova str., 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: natalazarevich@tut.by

Поступила 01.03.2017

УДК 001.4:008

Л. П. Бухарева, В. П. ШалаевПоволжский государственный технологический университет
(Йошкар-Ола, Российская Федерация)**ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ
КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ САМОБЫТНОСТИ МАЛЫХ НАРОДОВ**

В статье представлено авторское философское видение проблемы языка и языкового поведения малых народов в ситуации наступающей масскультурной глобализации. Речь идет о формировании толерантной языковой политики, способствующей аргументированной интерпретации динамики языковых ситуаций не только в глобальном масштабе, но также, например, в финно-угорском мире России. При этом нет сомнений, что чем больше в обществе будет сохраняться языковое и культурное разнообразие России, тем более перспективным в культурном и цивилизационном плане будет это общество в большом мире. Внутреннее многообразие народа – важный фактор его устойчивости перед вызовами и фактор его творческой энергии для развития. Поэтому так важна вдумчивая, ответственная и адекватная языковая и культурная политика государства во всяком большом, полиэтничном обществе, в том числе таком как Россия, в современном мире.

Ключевые слова: языковое поведение, глобализация, общество, человек, этнос, массовая культура, язык, культурная политика, языковая политика.

L. P. Bukhareva, V. P. Shalayev

Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

**THE PROBLEM OF LANGUAGE BEHAVIOUR
IN THE CONTEXT OF PRESERVATION
OF CULTURAL AND LANGUAGE IDENTITY OF THE SMALL PEOPLE**

Philosophical vision of a problem of language behavior of the small people in the light of cultural globalization is presented in the article. It is about formation of the tolerant language policy promoting the reasoned interpretation of dynamics of language situations not only on a global scale but also in the Finno-Ugric world in the Russia, in particular, in the Mari Republic. The special attention is given to social technologies as to the factor stabilizing influence of language policy on language behavior of the small people in system of big society. Authors are convinced that with loss of communication of the small people with the native language and native culture, also their ethnic consciousness and system of traditional values is lost. Gradually, together with the native language also the system of historical values and historical memory of the small people leaves. When the leaving culture of the small people is compensated by the language environment and culture of big society, then self-identification of the person changes. Thus the increasing need of representatives of the small people to socialization in big society is clear. This requirement is connected with aspiration of the person of the successful device in big society. Such is the mechanism of destruction of traditional cultures and disappearance of the small people. Thus, there are no doubts that the more in society its language and cultural diversity will remain, there is potentially more perspective in terms of culturally and civilization there will be this society in the big world. Internally the variety of the people is a factor of its stability before external calls and a factor of its creative energy for development. Therefore so important thoughtful, responsible and adequate language and cultural policy of the state in any big, multiethnic society, including such as Russia, in other, as well as for any other big society in the modern world.

Key words: language behavior, globalization, society, person, ethnos, tolerance, mass culture, language, cultural policy, language policy.

Введение. Язык во все времена был важным фактором, оказывающим ускоряющее или сдерживающее влияние на развитие общества. В современном обществе вопросы регулирования и управления процессами языкового поведения приобретают особую актуальность. Актуализацию им придают глобализационные процессы современности. В. П. Шалаев рас-

сматривает ситуацию глобализации как распространение общества массового производства и массового потребления на основе западной системы ценностей, целей и образцов организации общественной жизнедеятельности народов, внедряемых в форме западофикации (приобщение и подчинение), и либерально-потребительской системы ценностей [7], по своей сути

являющейся псевдолиберальной, разрушительной для мировоззрения и культуры народов [11]. Под влиянием глобализации разрушается защищенность важных основ жизни человека, общества, государства в базовых сферах их жизнедеятельности, являющихся фундаментом национальной безопасности всякого современного общества и России в частности [4]. По определению В. П. Шалаева, глобализация как унифицирующая западофикация и насаждение массой культуры и потребительства становится для современных народов самым настоящим духовно-культурным бедствием, подобным процессам фундаментальной социальной мутации и западной колонизации мира [8–11]. Продуктом потребительского глобализационного тренда становится массовый бифуркационный тип личности, являющийся угрозой будущего для человека на планете [6].

Основная часть. В пространстве глобализации тема языка приобретает особый ярко выраженный этнокультурный и лингвистический аспект. Экономическое, техническое влияние западной цивилизации на мир сопровождается критической трансформацией языков и языкового поведения. Особая роль в этом влиянии отводится социальным технологиям (мягким технологиям) [1] как фактору, способному как унифицировать, так и оптимизировать влияние западной глобализации на языковое поведение населения в форме культурной и языковой политики государства. Речь идет, например, о сохранении культурно-языковой самобытности малых народов, поддержке региональных языков; овладении государственными языками, использовании СМИ как интенсивного средства воздействия на формирование языкового поведения в полиэтническом регионе, ориентации системы образования на реализацию молодым поколением своего потенциала в большом обществе с перспективной внациональной социально-культурной состоятельности. Цель этой политики – формирование устойчивого и безопасно российского общества, как полиэтнического общества, как родины многих народов.

Культурная политика всегда была частью государственной политики в обществе [1]. В этой связи вопрос о культурной глобализации гораздо сложнее, чем вопрос о глобализации экономической, политической и финансовой сферы. Причем сфера духовной жизни более всего сопротивляется тенденции глобализации, и это объясняется тем, что ценности культуры и языка слабо подчиняются законам прогресса и трудно поддаются унификации.

При этом нет сомнений в том, что духовные кризисы намного опаснее кризисов экономики. В ситуации «драматизма духовного кризиса

<...> встает вопрос о будущем культуры, о возможности/невозможности проявления ее самобытности в современном мире, <...> об открытости навстречу контактам с другими культурами и возможности межкультурного диалога» [1].

В качестве одного из важнейших факторов глобализации исследователи рассматривают массовую культуру, функционирующую в обществе потребления. Она вытесняет и трансформирует народную культуру, которая была основой социальной жизни в традиционных обществах. Массовая культура стала не только выразителем, но и своего рода пропагандистом идеалов потребительского общества. Ее внедрение в культуру самобытных обществ создает угрозу утраты этой самобытности. Ядром этих угроз как раз и является разрушение языка, а вместе с ним культуры, идентичности.

Этноязыковые процессы в больших обществах в значительной степени зависят от политических факторов. Роль политического фактора нашла отражение в различных документах международного, российского и регионального характера: это Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (1992 г.), Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012 г.). Но на практике многие из этих документов и законов не позволяют реализовать положение о равноправии языков, так как все языки с одинаковой интенсивностью не могут применяться во всей многонациональной стране и во всех сферах общения [2]. Но при этом нет сомнений востребованности науки в адекватной культурно-языковой политике. Примером может служить подготовленная Институтом научной информации по общественным наукам РАН и Академией Финляндии программа «Bibliographia Studiorum Uralicorum», исследующая причины и пути реанимации некоторых вымирающих финно-угорских языков [5].

Заключение. Современное состояние национально-культурных и языковых отношений в финно-угорском мире России и в частности в Республике Марий Эл во многом на политическом уровне выстроено, но нуждается в непрерывном научном мониторинге, аргументированной интерпретации динамики языковой ситуации, поддержании условий развития этнической, культурной, религиозной и языковой самобытности марийского народа. Конечно, в той части, что не противоречит общенациональным принципам большого российского общества.

С общефилософской точки зрения нет сомнений в том, что утрата традиционных языков, культурных ценностей даже одного небольшого

народа ведет к обеднению культуры больших обществ и всего человечества, к понижению их культурной самоорганизации перед вызовами современности и будущего, но также нет со-

мнений и в том, что научное владение ситуацией в этой сфере есть важный фактор адекватной культурно-языковой политики в полиэтнических обществах, подобных России.

Литература

1. Астафьева О. В. Взаимодействие культур: динамика моделей и смыслов [Электронный ресурс] // Вопросы социальной теории. 2012. Т. 6. URL: iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2012/07.pdf (дата обращения: 16.11.2016).
2. Михальченко В. Ю. Варьирование национально-языковой политики в современной Российской Федерации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014. С. 24–29.
3. Лаллука С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб.: Европейский Дом, 1997. 392 с.
4. Тюленев А. И., Шалаев В. П. Покупательская способность населения как фактор национальной безопасности в мире // Национальная безопасность России в глобализованном мире: состояние, вызовы, риски и механизмы устойчивого развития: сб. тр. Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. В. П. Шалаева. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. С. 55.
5. Шабаяев Ю. П. Новые идентичности у финно-угров как политические инструменты // Этнографическое обозрение. 2006. № 1. С. 13–27.
6. Шалаев В. П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // Socio Time/Социальное время. 2016. № 2. С. 71–81.
7. Шалаев В. П. «Война» за будущее: глобализационное измерение национальной безопасности России в современном мире // Национальная безопасность России в глобализованном мире: состояние, вызовы, риски и механизмы устойчивого развития: сб. тр. Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. В. П. Шалаева. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. С. 84.
8. Шалаев В. П. Глобализация как западофикация и колонизация мира и эпилог западной оси мировой истории // Socio Time/Социальное время. 2015. № 2. С. 50–59.
9. Шалаев В. П. Мировоззренческо-образовательная западофикация как технология глобализации и угроза национальной безопасности России (философский анализ) // Socio Time/Социальное время. 2015. № 1. С. 57–71.
10. Шалаев В. П. Осторожно мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // Socio Time/Социальное время. 2015. № 3. С. 48–57.
11. Шалаева С. Л., Шалаев В. П. Либеральная (псевдолиберальная) культура как фактор глобальной западофикации и глобального управления // Socio Time/Социальное время. 2015. № 2. С. 112–122.

References

1. Astaf'yeva O. V. Interaction of cultures: dynamics of patterns and meanings. *Voprosy sotsial'noy teorii*, 2012, vol. 6 (In Russian). Available at: iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2012/07.pdf (accessed 16.11.2016).
2. Mikhal'chenko V. Yu. Varying the national language policy in the modern Russian Federation. *Yazykovaya politika i yazykovyye konflikty v sovremennom mire* [Language policy and language conflicts in the modern world]. Moscow, 2014, pp. 24–29 (In Russian).
3. Lalluka S. *Vostochno-finskiye narody Rossii. Analiz etnodemograficheskikh protsessov* [The East-Finnish peoples of Russia. Analysis of ethno-demographic processes]. St. Petersburg, Evropeyskiy Dom Publ., 1997. 392 p.
4. Tyulenev A. I., Shalayev V. P. Purchasing power of the population as a factor of national security in the world. *Natsional'naya bezopasnost' Rossii v globalizirovannom mire: sostoyaniye, vyzovy, riski i mekhanizmy ustoychivogo razvitiya: sbornik trudov Mezhdunarodnoy konferentsii: v 2 chastyakh. Chast' 1* [Russia's national security in a globalized world: status, challenges, risks and mechanisms of sustainable development: proceedings of the International scientific conference: in 2 parts. Part 1]. Yoshkar-Ola, PGTU Publ., 2015. P. 55.
5. Shabayev Ya. P. New identities in the Finno-Ugrians as political instruments. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 2006, no. 1, pp. 13–27 (In Russian).
6. Shalayev V. P. Bifurcational person in a global consumer society. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2016, no. 2, pp. 71–81 (In Russian).

7. Shalayev V. P. The war for the future: the globalization dimension of Russia's national security in the modern world. *Natsional'naya bezopasnost' Rossii v globalizirovannom mire: sostoyaniye, vyzovy, riski i mekhanizmy ustoychivogo razvitiya: sbornik trudov Mezhdunarodnoy konferentsii: v 2 chastyakh. Chast' 1* [Russia's national security in a globalized world: status, challenges, risks and mechanisms of sustainable development: proceedings of the International scientific conference: in 2 parts. Part 1]. Yoshkar-Ola, PGTU Publ., 2015. P. 84.

8. Shalayev V. P. Globalization as a westernization and colonization of the world and the epilogue of the western axis of world history. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 2, pp. 50–59 (In Russian).

9. Shalayev V. P. Worldview-educational westernization as a technology of globalization and a threat to Russia's national security (philosophical analysis). *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 1, pp. 57–71 (In Russian).

10. Shalayev V. P. Caution mutation: man and society facing the challenges of globalization, westernization and consumption: contradictions are mounting. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 3, pp. 48–57 (In Russian).

11. Shalayeva S. L., Shalayev V. P. Liberal (pseudo-liberal) culture as a factor of global westernization and global governance. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 2, pp. 112–122 (In Russian).

Информация об авторах

Бухарева Людмила Петровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвистики. Поволжский государственный технологический университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Российская Федерация). E-mail: milab@inbox.ru

Шалаев Владимир Павлович – доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий. Поволжский государственный технологический университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Российская Федерация). E-mail: shalaevp@volgatech.net

Information about the authors

Bukhareva Lyudmila Petrovna – Senior Lecturer, the Department of Foreign Languages and Linguistics. Volga State University of Technology (3, Lenina Sq., 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: milab@inbox.ru

Shalayev Vladimir Pavlovich – DSc (Philosophy), Professor, Dean of the Faculty of Social Technologies. Volga State University of Technology (3, Lenina Sq., 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: shalaevp@volgatech.net

Поступила 20.02.2017

УДК 304.2; 304.9; 316.32

В. В. ХренковПоволжский государственный технологический университет
(Йошкар-Ола, Российская Федерация)**ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК ОБЩЕСТВО ОТСУТСТВИЯ СЧАСТЬЯ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Статья посвящена анализу глубинных причин неблагополучия человеческого существования в условиях современной стадии развития капиталистической системы, т. е. в условиях общества потребления. Общество потребления рассматривается как особая разновидность социального пространства и времени, детерминирующая и воспроизводящая те способы человеческого бытия, что ввергают индивидов в состояние перманентного несчастья или мнимого счастья. На основании авторского анализа поставленной проблемы и изучения идей ряда авторов (по преимуществу – философов, мыслителей) исследуются факторы, экспонирующие общество потребления как общество, в ситуации которого существенным атрибутом жизненного мира множества индивидов являются фрустрационные, стрессовые, невротические, психологически дискомфортные проявления.

Ключевые слова: общество потребления, потребности, человек, отчуждение, объективация, экзистенциальные проблемы, дерегуляция.

V. V. Khrenkov

Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

**CONSUMER SOCIETY AS SOCIETY OF LACK OF HAPPINESS:
SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

Article is devoted to the analysis of the deep reasons of trouble of human existence in the conditions of a modern stage of development of capitalist system, that is in the conditions of consumer society. The consumer society is considered as the special kind of social space and time determining and reproducing those ways of human life that plunge people into a condition of permanent misfortune and/or imaginary happiness. Based on the author's analysis of the problem and studying of the ideas of a some of the philosophers, thinkers, scientist the factors – which show consumer society as the society in which essential attribute of the vital world of a great number of people are frustration, stressful, neurotic and psychologically uncomfortable manifestations – are researched.

Key words: consumer society, needs, human being, alienation, objectivization, existential problems, deregulation.

Введение. Современная стадия высокоразвитого капиталистического общества, известная как «общество потребления», преподносится (и часто воспринимается общественным сознанием) как способ достижения и утверждения всеобщего счастья.

Однако люди эпохи общества потребления периодически испытывают внутреннее напряжение, тревожность, неврозы, стрессы, безнадежность, депрессию, экзистенциальное чувство собственной бесполезности и отторжения от окружающего, одним словом – несчастье. Этот тезис основан на нашем, собственном, анализе проблемы и изучении идей целого ряда авторов: Б. Спинозы, К. Маркса, С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, Ж. П. Сартра, Э. Фромма, М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Г. Маркузе, К. Хорни, Э. Мунье, Г.-Э. Дебора, Ж. Бодрийяра, З. Баумана, А. Швейцера, А. В. Котлярова, В. П. Шалаева и др. [1–15].

Многие из данных авторов особо заостряли внимание на том, что современное общество,

в его существующем виде, не является здоровым в плане разумности и гуманистичности. И хотя жизненный и творческий путь некоторых из этих авторов – Б. Спинозы, К. Маркса, С. Кьеркегора – выпал на время, предшествующее эпохе общества потребления, однако уже при их жизни цивилизация приобрела облик не иначе как материалистический. И идеи этих авторов имели самое прямое отношение к проблематике человека и общества, как функционирующих в системе координат именно материалистической цивилизации. Ситуация противоречивости усилилась с выходом этой цивилизации на рубежи глобального мира – в форме глобальной капитализации, псевдолиберализации и западофикации мира (см., например, [12–14]).

Основная часть. Проведенный нами анализ позволил выявить следующие глубинные факторы того, почему общество потребления не является обществом счастья.

Современная культура – в интересах прибыли бизнеса, банков и, в целом, всей социально-экономической системы – стимулирует множество ложных, избыточных потребностей, реализация которых в полной мере для многих людей оказывается проблематичной или недостижимой. Также эта культура культивирует множество стандартов, соответствовать которым трудно или невозможно. В итоге психологически человек пребывает в разрыве между желаниями и их реализацией.

И хотя во многих случаях легкодоступны кредиты, но их выплата может быть сопряжена с психологическими проблемами, вызванными необходимостью погашать долг. Это ведет к бесплодию за свое (и родных) будущее, к стрессам и даже преступности.

Кроме того, желаниям в социальном смысле (например, потребности отличаться тем или иным образом) нет предела. И даже если многие из потребностей человеком реализуются – период пребывания в удовлетворении от этого с неизменной скоростью сменяется, и возвращение в состояние «нехватки», «дефицита» наступает непременно. Происходит попадание в замкнутый круг испытывания стереотипных эмоций и реакций, когда поочередно сменяют друг друга довольство и неудовлетворенность.

В обществе потребления человек заиклен на поиске и покупках товаров и услуг, при этом в этой погоне он и надывается. Усугубляет положение пропаганда взаимоисключающих установок, ввергающих в конфликтные, невротические состояния: например, стремления к стройности и одновременно увязывания (к примеру, в рекламе) питания с удовольствием, престижем, решением эмоциональных проблем.

Хотя современная эпоха – это в сравнении с предшествующими временами эпоха некоторого – а для отдельных групп населения и полного – благополучия, все же человек является не целью общественных устремлений, а только средством для экономической системы (для воспроизводства материальных товаров, в частности), средством для других людей, а также средством для самого себя. Фундаментальные человеческие атрибуты – свобода и способность к созиданию – находятся в подавленном и искаженном состоянии в потребительском обществе.

В условиях господства принципа прибыли, роста и накопления, ориентации на обладание, культ денег, телесности и успешности, а также положения, при котором трудовая деятельность есть вынужденная и не приносящая удовлетворения деятельность, налично отчужденность существования человека от его сущности. К примеру, культ тела в обществе потребления озна-

чает восприятие его как источника удовольствий и как основной, а то и единственной ценности, которая требует тщательной заботы, а это означает крайнюю обеспокоенность за сохранение тела в мире, полном угроз*. Это и создает почву для невротичности, как показателя несчастья.

Все сказанное свидетельствует о детерминированности индивидов системой производства и потребления, системой капиталистических, рыночных, финансово-кредитных отношений. Жизнь людей организуется теми социальными условиями, которые они получают как заданные. Обезличенные экономические, бюрократические и корпоративные законы властвуют над человеком.

Происходит его формирование, согласно логике внешнего, социального, при котором его образ жизни и мыслей, его труд, потребление, свободное время, его личность детерминированы и контролируются системой производства и потребления, идеологией, бизнесом, массовой культурой, массмедиа и рекламой. Человек мыслит и действует в интересах социальной организации, угнетающей его глубинные потребности, его творческую, познавательную, духовную и мыслительную активность. Такая социальная организация соединяет людей по принципу стандартизации, конформизации и пассивизации.

Индивид оказывается в зависимости от общества потребления потому, что все многообразие его человеческих проявлений сводится только или почти только к функции потребителя. Человек думает и уверен, что он субъект своих мыслей и поступков, но в действительности внутри него и за него «мыслят и действуют» стереотипы, его мышление и деятельность обусловлены внешними, объективирующими его факторами.

Главенствует социальная модель, поощряющая гонку за деньгами, растраты, потребление и обладание, развлечения, напряженный труд; ориентирующая на внешнюю, суетную активность, которая состоит из шаблонных и несамостоятельных действий и не оставляет сил на сосредоточение, необходимое для самовоплощения. Результатом становится погруженность в мир почти только лишь внешнего, повседневного, предустановленного, телесного, чувственного и вещного.

Говоря иначе, человека современного общества характеризует действие и пребывание

* В обществе потребления культивируемым (через массовую культуру, СМИ и т. д.) предстает, наравне с гедонистическими ценностями, и все, что имеет отношение к насилию, жестокости, утрате и т. п.

в зависимости от власти «общего», от воздействий разных внешних сил, от неразумных, умеренных и пагубных желаний, а также от мелочных связей и забот.

И такое положение дел не может не приводить к отчуждению между людьми, потому как наличествует тотальная конкуренция внутри общества потребления. Конкуренция в виде гонки за потреблением и борьбы за успех приводит, как минимум, к отсутствию доверия в этом обществе, а в целом – к отсутствию в нем полноценных взаимосвязей между людьми.

Отчуждение же в жизни отдельного человека выражается в забвении идеальной цели и отсутствии экзистенциальных, духовных, трансцендентных мотивов. Потребление в этой связи – это стремление устранить внутреннюю опустошенность, однако потребление же и провоцирует внутренние проблемы. Перед нами попадание в порочный круг и факт зависимости от потребления.

Еще одна глубинная причина ситуации, при которой общество потребления являет собой общество мнимого счастья, в том, что современные экономика и политика основаны на передаче все больших полномочий рынку и отказе государства его контролировать. Происходит снятие всякой вины, ответственности с общественных институтов (иначе говоря, дерегуляция).

И возлагается эта ответственность на каждого отдельного человека, а в условиях доминирования в обществе потребления индивидуалистических ценностей это означает замыкание на собственных проблемах и переживаниях о том, что вся вина за любые действия лежит на самом человеке. И это еще осложняется тем, что решение множества задач в одиночку неосуществимо.

Общество потребления вместе с интегрированным в него механизмом дерегуляции определяет жизнь в условиях тотальной неуверенности за свое будущее, в условиях неопределенности, незащищенности, рискованности.

Это не только означает жизнь в условиях постоянной угрозы кризисов. Это предполагает и неуверенность в том, что уровень жизни, об-

щественное положение, признание полезности и незаменимости будут обеспечены человеку всегда, несмотря даже на чрезмерные усилия и напряженный труд. Это также отсутствие у человека уверенности в том, что правильно выбран путь и достигается верная цель. Наконец, это отсутствие гарантированности в рабочих местах и в таких профессиях или навыках, которые раз и навсегда обеспечивали бы рабочим местом их обладателя.

Заключение. Общество потребления как современная версия материалистической цивилизации не предполагает развитие человека гармоничного, развитие его существенных сил. Принципы гуманизма и индивидуального душевного и общественного здоровья не являются сколько-нибудь приоритетными в существующих социальных условиях. В утвердившемся социальном порядке место и роль человека сведены к инструментальному значению, к положению средства, поддерживающего безличные общественные механизмы и интересы бизнеса и капитала. Этим механизмам и интересам и поставлена на службу жизненная энергия индивидов. И пусть реализуется это посредством дестабилизации сознания и поведения последних и создания ситуации всеобщей неуверенности и негарантированности – данный параметр не подлежит учетыванию в парадигме существующей социальной модели и находится за пределами той системы координат, которой обрамляется господствующая целерациональность; ведь человек в сложившихся обстоятельствах необходим как прежде всего существо потребляющее (именно такая функция человека представляет наибольшую пользу для общества потребления как социально-экономической системы, посредством которой с успехом утверждает свою жизнеспособность капитализм на современном этапе). Тем не менее, как предполагается, любой из представителей современности, поставленный в эти условия и существующий в них, способен, как минимум, увидеть, заметить и понять внутренние аспекты существующей социальной действительности в их подлинном свете.

Литература

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 269 с.
3. Дебор Г.-Э. Общество спектакля. М.: Опустошитель, 2011. 179 с.
4. Котляров А. В. Другие наркотики, или Номо Addictus: Человек зависимый. М.: Психотерапия, 2006. 480 с.
5. Мареев С. Н. История философии (общий курс): учеб. пособие. М.: Академический Проект, 2004. 880 с.
6. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование по идеологии индустриального общества. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
7. Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. 559 с.

8. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2004. 639 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: AD MARGINEM, 1997. 452 с.
10. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум: Ювента, 1997. 312 с.
11. Хорни К. Психология женщины: Невротическая личность нашего времени. М.: Смысл, 1997. 496 с.
12. Шалаев В. П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // Socio Time/Социальное время. 2016. № 2. С. 71–81.
13. Шалаев В. П. Осторожно, мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // Socio Time/Социальное время. 2015. № 3. С. 48–57.
14. Шалаева С. Л., Шалаев В. П. Либеральная (псевдолиберальная) культура как фактор глобальной западофикации и глобального управления // Socio Time/Социальное время. 2015. № 2. С. 112–122.
15. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 337 с.

References

1. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Flowing modernity]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p.
2. Bodriyyar Zh. *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer society]. Moscow, Respublika, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2006. 269 p.
3. Debor G.-E. *Obshchestvo spektaklya* [Society of Performance]. Moscow, Opustoshitel' Publ., 2011. 179 p.
4. Kotlyarov A. V. *Drugie narkotiki, ili Homo Addictus: Chelovek zavisimyy* [Other drugs, or Homo Addictus: man dependent]. Moscow, Psikhoterapiya Publ., 2006. 480 p.
5. Mareev S. N. *Istoriya filosofii (obshchiy kurs)* [History of philosophy]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2004. 880 p.
6. Markuze G. *Odnomernyy chelovek. Issledovaniye po ideologii industrial'nogo obshchestva* [One-dimensional person. A study on the ideology of an industrial society]. Moscow, REFL-book Publ., 1994. 368 p.
7. Mun'ye E. *Manifest personalizma* [The manifest of personalism]. Moscow, Respublika Publ., 1999. 559 p.
8. Sartre Zh. P. *Bytiye i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness: The experience of phenomenological ontology]. Moscow, Respublika Publ., 2004. 639 p.
9. Haydegger M. *Bytiye i vremya* [Being and time]. Moscow, AD MARGINEM Publ., 1997. 452 p.
10. Khorkkхайmer M., Adorno T. V. *Dialektika prosveshcheniya. Filosofskiye fragmenty* [The dialectic of enlightenment. Philosophical fragments]. Moscow, St. Petersburg, Medium, Yuventa Publ., 1997. 312 p.
11. Khorni K. *Psikhologiya zhenshchiny: Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni* [Psychology of women: The neurotic personality of our time]. Moscow, Smysl Publ., 1997. 496 p.
12. Shalayev V. P. Bifurcational person in a global consumer society. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2016, no. 2, pp. 71–81 (In Russian).
13. Shalayev V. P. Caution mutation: man and society facing the challenges of globalization, westernization and consumption: contradictions are mounting. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 3, pp. 48–57 (In Russian).
14. Shalayeva S. L., Shalayev V. P. Liberal (pseudo-liberal) culture as a factor of global westernization and global governance. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 2, pp. 112–122 (In Russian).
15. Shveytser A. *Kul'tura i etika* [Culture and ethics]. Moscow, Progress Publ., 1973. 337 p.

Информация об авторе

Хренков Вадим Владимирович – магистр, старший преподаватель кафедры социальных наук и технологий. Поволжский государственный технологический университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Российская Федерация). E-mail: vad042@yandex.ru

Information about the author

Khrenkov Vadim Vladimirovich – Master, Senior Lecturer, the Department of Social Sciences and Technology. Volga State University of Technology (3, Lenina Sq., 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: vad042@yandex.ru

Поступила 20.02.2017

УДК 1(091)+101.1:316

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ Г. МАРКУЗЕ

В статье сделан акцент на раскрытии сущности социального насилия как деструкции, под которой понимается, во-первых, жесткая критика приоритета разума как высшей инстанции при решении всех проблем общества, во-вторых, репрессивность социума по отношению к индивидуальному сознанию, в-третьих, тотальное подавление человека в тоталитаризме, что, например, выражается в насилии над исторической памятью посредством «официальной истории» победившего и господствующего социального класса. Так, социальное насилие – это структурное насилие, которое проявляется в способе организации социального бытия и связано с его репрессивными функциями. В концепции Герберта Маркузе насилие рассматривается как социальная деструкция, и обнаруживается взаимосвязь между деструктивным состоянием индивидуального и коллективного сознания и деструктивным, репрессивным воздействием социальных условий. Маркузе осуществил синтез идей марксизма и фрейдизма и, используя в качестве методологического принципа историзм, критически осмыслил развитие западной цивилизации в аспекте нарастающей деструктивности насилия. Несмотря на пессимистический настрой, Маркузе считал возможным противостоять деструктивности насилия. В качестве минимизации социальной деструкции можно выделить следующие пути: отстаивание личного пространства свободы в модуле творчества; верность своему прошлому; создание альтернативной эстетической реальности посредством искусства.

Ключевые слова: насилие, деструкция, потребление, «одномерное общество», рационализация, безумие, тоталитаризм, творчество.

I. N. Sidorenko

Belarusian State University

THE CONCEPT OF SOCIAL VIOLENCE BY G. MARCUSE

This article focuses on the disclosure of social violence as a destruction, which is understood as, at first, the harsh criticism of the priority of reason as the highest court in the solution of all problems of society, and second, the repressive character of society in relation to the individual consciousness; third, the total suppression of human in totalitarianism, that, for example, is expressed in violence of historical memory by the “official history” of the victorious and the dominant social class. So, societal violence is a structural violence, which manifests itself in the organization of social life and is connected with its repressive functions. In concept, G. Marcuse violence is seen as a social destruction, and it is detected the relationship between the destructive condition of individual and collective consciousness and the destructive, repressive response of the social. G. Marcuse had undertaken a synthesis of the ideas of Marxism and Freudianism, and, using as a methodological principle of historicism, had critically understood the development of Western civilization in the aspect of the growing destructiveness of violence. In spite of the pessimistic mood, G. Marcuse thought possible to counter the destructiveness of violence. As minimizing social destruction it is possible to allocate the following ways: the defending the personal space of freedom by the creativity; the faithful to own history; the creation of an alternative aesthetic reality by the art.

Key words: violence, destruction, consumption, “one-dimensional society”, rationality, madness, totalitarianism, creativity.

Введение. Историко-философский анализ главных концептуальных подходов к раскрытию сущности насилия и исследованию деструктивного потенциала современной цивилизации открыл возможность не только выявить скрытые механизмы насилия, порождаемые логикой техногенной цивилизации, но и определить закономерность эволюции насилия в жизни общества. В статье сделан акцент на раскрытии сущности социального насилия как деструкции,

под которой понимается, во-первых, жесткая критика приоритета разума как высшей инстанции при решении всех проблем общества, во-вторых, репрессивность социума по отношению к индивидуальному сознанию, в-третьих, тотальное подавление человека в тоталитаризме и невозможность отстоять пространство свободы, что, например, выражается в насилии над исторической памятью посредством «официальной истории» победившего и

господствующего социального класса. Таким образом, под социальным насилием будем понимать структурное насилие, которое проявляется в способе организации социального бытия и связано с его репрессивными функциями. В то же время, следуя нашей основной идее о том, что природа насилия – это разрушение, т. е. деструкция, сделаем акцент именно на социальной деструкции как «расколото-сти» социального бытия человека, его отчужденности.

В рамках социально-критического подхода насилие рассматривается как социальная деструкция, и обнаруживается взаимосвязь между деструктивным состоянием индивидуального и коллективного сознания и деструктивным, репрессивным воздействием социальных условий. Яркой иллюстрацией этого подхода к пониманию природы насилия является философия неомарксизма. Здесь сущность социального насилия раскрывается как деструктивная организация социального пространства, следствием которой становится утрата смысла социального действия, отчуждение человека от социальных и политических практик, а в качестве решения проблемы деструктивности социального насилия предлагается пространство свободы посредством творчества. Представители франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе) [1, 2] принимают во внимание идею о социальной обусловленности всех форм духовной жизни, однако в отличие от марксизма отрицают возможность редукции социальных отношений к экономике.

В данной статье остановимся на анализе концепции социального насилия младшего представителя франкфуртской школы неомарксизма Герберта Маркузе.

Основная часть. Маркузе осуществил синтез идей марксизма и фрейдизма и, используя в качестве методологического принципа историзм, критически осмыслил развитие западной цивилизации в аспекте нарастающей деструктивности насилия. Так, в работе «Эрос и цивилизация» Маркузе раскрыл сущность репрессивной цивилизации [2]. Опираясь на осуществленный Адорно и Хоркхаймером анализ насилия как абсолютной и относительной деструкции, сущность первой формы Маркузе раскрывает на примере индустриального «одномерного» общества, практикующего тоталитарную систему господства и завалуированного рабства. Что же касается относительной деструкции, то она является определяющей в процессе изучения генезиса и развития принципа господства, лежащего в основе человеческого общества. В результате она предстает как реформирующий потенциал общества. В то же

время Маркузе, опираясь на идею З. Фрейда о противостоянии Эроса и Танатоса, раскрывает источник социального насилия как деструкции в природе человека, в потребности разрушения. Маркузе экстраполирует дуализм Эроса и Танатоса на индустриальную цивилизацию, доказывая, что вместе с творчеством потребность в разрушении определили сущность западного общества, что нашло свое выражение в стремлении к тотальному господству.

Осуществляя дальнейший анализ основных идей Адорно и Хоркхаймера, Маркузе, исследуя принцип господства, выявляет онтологические свойства социального насилия: универсальность, аксиологическая нейтральность, позитивность, амбивалентность. Под универсальностью понимается «страдание, насилие и разрушение... беспощадность и бессердечность мира» [2, с. 497]. Под аксиологической нейтральностью понимается деструктивный вектор западной цивилизации, который она сама и задает. Так, для индустриальной цивилизации с точки зрения Маркузе характерно такое специфическое социальное устройство, при котором сознательно поощряются проявления деструктивных сил. В силу этого изначально нейтральная деструкция приобретает отрицательную оценку только в соотношении с производительностью. Под позитивностью насилия как деструкции понимается целесообразность, т. е. деструктивное начало выполняет одновременно роль противовеса и стимула творческого начала. Вследствие этого насилие на определенном этапе развития общества может быть продуктивным. Здесь ярко проявляется тяготение Маркузе к психоаналитической концепции Фрейда. Что же касается амбивалентности насилия, то она раскрывается в концепции Маркузе как диалектика продуктивного и деструктивного, как единство и противоборство Эроса и Танатоса. Исходя из утверждения амбивалентности деструкции, Маркузе акцентирует значимость не на различии деструкции и производительности, а на их взаимосвязи. «Отношение между свободой и репрессией, производительностью и деструкцией, господством и прогрессом есть принцип цивилизации» [2, с. 12]. Отсюда насилие как деструкция становится одним из способов функционирования западной цивилизации, так как является ее закономерным проявлением.

Насилие как деструкция исторично, т. е. формы его проявления зависят от социально-исторического этапа общества и устанавливаются через систему общественных институтов. Маркузе выделяет три периода человеческой истории: прошлое (доиндустриальное общество), настоящее (индустриальное, технологическое,

«одномерное» репрессивное общество) и будущее (постиндустриальное общество). Основанием выделения этих трех периодов стал принцип реальности, вернее различные формы его реализации. Для общества прошлого характерен принцип господства, для индустриального общества – принцип производительности, для постиндустриального – принцип удовольствия. Общество прошлого опирается на принцип господства как на единственное средство выживания, который постепенно дополняется принципом удовольствия через овладение монопольной властью. Развивая идею об отчуждении человека и природы как предпосылки возникновения деструкции, Маркузе видит в этом историческую неизбежность, так как, осваивая и поглощая природное пространство, человек осуществляет дотраивание своего тела. Однако в силу того, что природа становится его вещественным телом, само тело человека тоже приобретает свойства вещи: оно само становится придатком техники. В доиндустриальном обществе еще сохраняется и обладает ценностью уникальность как личности, так и вещи, и «только технология превращает человека и природу в легко заменяемые объекты организации» [2, с. 431]. С переходом общества на стадию индустриальной культура трансформируется в цивилизацию, и общество начинает приобретать репрессивно-деструктивные черты.

Принцип господства в концепции Маркузе осуществляется в трех проекциях: это господство человека над самим собой, господство общества над человеком, господство над природой посредством науки и техники. Таким образом, Маркузе раскрывает сущность насилия как тройное подчинение, отмечая при этом, что в индустриальном обществе происходит нарастание насилия, что в принципе противоречит закону социальной динамики: с развитием цивилизации должен снижаться уровень репрессии общества, необходимой для его продуктивного развития.

В своей концепции насилия как социальной деструкции Маркузе развивает идею об историчном соотношении деструкции и рациональности. Дотехнологический и посттехнологический тип рациональности определяются Маркузе как недеструктивные типы рациональности. Деструктивность проявляет лишь технологическая рациональность.

Развитие индустриального общества привело к преобладанию Танатоса и к подавлению творческого начала. В силу этого социальный прогресс обернулся тотальной деструкцией и развитием «одномерного общества». Принцип производственной рациональности стал доминирующим в этом типе общества, что привело

к нивелированию уникального, единичного, особенного. Именно массовое производство с его акцентом на конвейер и стандартизованность стало источником «одномерного общества», сутью социальных отношений в котором выступили вещные отношения.

Парадокс «одномерного общества», по мысли Маркузе, заключается в том, что стремление к разрушению удовлетворяется в процессе производства, т. е. созидания. С одной стороны, массовое производство позволило быстро и эффективно удовлетворять потребности, с другой стороны, помимо необходимой степени репрессии, проявилась «прибавочная репрессия», т. е. дополнительный социальный контроль над человеком со стороны общества, обусловленный специфической социальной организацией труда и досуга в интересах укрепления власти правящей элиты. С возникновением «прибавочной репрессии» превышает необходимую меру насилия, так как нарушается первоначальное совпадение интересов индивидов. Производство и наука превращаются в инструменты «прибавочной репрессии» и способствуют тотальности господства. Массовая культура, играя на удовлетворении первичных потребностей, нивелирует нужды и склонности конкретного уникального индивида и вступает в противоречие с Эросом. Так, социальные потребности уже не включают в себя индивидуальные, а производительность становится самоцелью. Таким образом, происходит замена духовных потребностей на материальные, а самореализация человека подменяется псевдосамореализацией как демонстрацией статуса через потребление. Вместе с этим нарушается диалектическая взаимосвязь противоположностей: продуктивность индустриального общества превращается в деструктивную производительность. Отсюда целью деструктивного производства становится подавление и манипулирование индивидами, а не удовлетворение потребностей. Так, техника, будучи универсальной формой материального производства, становится инструментом как порабощения природы, так и закабаления человека, превращая его в безликую единицу производственных отношений.

Маркузе все сферы общества сводит к одной: политической. Вот как об этом пишет Ю. Н. Давыдов: «только одна природа: политическая, и есть, по сути, одна сплошная политика; все – политика, весь мир – это политика: прямое, косвенное, символическое, но во всех случаях политическое угнетение» [3, с. 214]. В силу того, что Маркузе под политикой видит «практику развивающую, определяющую, сохраняющую и изменяющую основные социальные институты» [2, с. 509], то можно утверждать, что

политика и есть та основа, на которой функционирует и развивается насилие как деструкция. Изобилие и материальное общество – это лишь ширма, за которой скрывается система тотального политического господства, «это царство комфорта, мирной, умеренной, демократической несвободы» [2, с. 264]. При этом трагичность человека в «одномерном обществе» заключается в том, что он не осознает степень своей несвободы, а значит, у него нет потребности в освобождении и свободе. С точки зрения Маркузе это и есть «чистая форма рабства», т. е. «существование в качестве инструмента, вещи. И то, что вещь одушевлена... то, что она не чувствует себя вещью... не отменяет сути такого способа существования» [2, с. 297]. При этом сама властвующая элита также находится в этой зависимости, что только подтверждает универсальность гегелевской диалектики господина и раба.

Так, тотальность политики имеет своей оборотной стороной тотальность насилия, чья деструктивная сущность проявляется как в политическом манипулировании посредством создания искусственных потребностей, так и в упрощении мыслительных и языковых форм. Технизация мышления и языка упрощает мир и разрушает пространство понимания. В результате этого упрощенность языковых форм и самого мышления приводит к упрощению социального поведения, к «одномерному» стандартизированному социальному действию.

Маркузе затрагивает проблему насилия над памятью. Тотальность политики оборачивается и диктатом над исторической памятью: история сводится к фрагментам, которые властвующая элита комбинирует по своему проекту, что в свою очередь только усиливает проявление деструктивности насилия. «Забвение прошлого ведет к нескончаемому разрушительному грехопадению» [2, с. 106]. В силу этого, для того чтобы доказать «легитимность» своей власти и сохранить социальную стабильность, властвующая элита подменяет историческую память историческим забвением. Потреблять и забывать – вот лозунг «одномерного общества».

Нарастание деструктивности насилия Маркузе связывает с тотальным подавлением политики всех сфер общества. Вследствие чего инаковость как угроза стабильности уничтожается. Более того, сама техника подпадает под власть стремящейся все рационализировать политики. Поэтому методы политики становятся методами индустриального производства и развития общества. Власть над производством открывает возможность для элиты использовать деструктивные силы в своих целях. Как справедливо отмечают С. Е. Вершинин и Г. А. Борисова, «политика выступает в маркузевской концеп-

ции в качестве посредника между деструкцией и продуктивностью, поддерживая разрушительные потенции социума» [4, с. 97]. Тотальность политики находит для своего выражения удобную форму реализации: тоталитарный тип господства. Тоталитарность «одномерного общества» и его установка на постоянную мобилизацию – вот основные характеристики «одномерного общества».

Однако, согласно мысли Маркузе, несмотря на все стремления «одномерного общества» поддерживать свою стабильность, оно обречено на гибель. С возрастанием деструктивности насилия увеличивается и иррациональность, рост производства оборачивается безумным расточительством, а конструирование образа внешнего врага неминуемо приведет к тотальной военной агрессии, в которой деструктивное общество и «захлебнется». Таким образом, «одномерное» технологическое общество в итоге изживает само себя. Что придет ему на смену? Ответ Маркузе однозначен: посттехнологическое общество.

Возможность осуществления посттехнологического общества, следуя логике Маркузе, коренится в исторической альтернативе, т. е. история, благодаря своей вариативности, может привести к его проявлению. Так, в отличие от пессимизма старшего поколения франкфуртской школы (Адорно, Хоркхаймер), Маркузе убежден в возможности реализации трансцендентного проекта «умиротворенного существования нерепрессивной цивилизации». Начало нерепрессивного общества он связывает с прорывом в мышлении, т. е. с осознанием деструктивной продуктивности «одномерного общества», а следовательно, и поиском способов его разрушения, а так как все сферы индустриального общества находятся под диктатом политики, то именно через политические действия возможно преодоление деструктивности социума. В качестве регулятивной идеи Маркузе избирает гегелевский закон «отрицание отрицания», т. е. развитие репрессивной цивилизации логически предполагает появление нерепрессивной ее формы. Высвобождение Эроса из-под ига Танатоса и уничтожение всех форм подавления – вот те шаги, которые приведут к торжеству нерепрессивной цивилизации. В качестве средства высвобождения энергии Эроса Маркузе избирает культуру. Основными составляющими этой подлинной культуры являются: во-первых, установка на саморазвитие человека; во-вторых, независимость исторической памяти от политических интересов и возвращение человека в историю, проявление его историчности; в-третьих, это способность культуры создавать альтернативные реальности. Вот эти три составляющие подлинной культуры

превращают ее в действенное средство разрушения тоталитарного «одномерного общества».

Заключение. Реконструкция социального насилия как деструкции в концепции Маркузе позволила определить природу насилия как амбивалентную: с одной стороны, в природе человека «укоренена» деструктивность, с другой стороны, человек одарен творческой силой. Отсюда развитие общества и самосохранение человека утверждаются через насилие как деструкцию. Рассматривая безумие как предельную рационализацию, Маркузе, как и другие представители франкфуртской школы (Адорно, Хоркхаймер), наметил проблемы, порождаемые обществом потребления. Так, рационализация социального бытия человека, приобретая характер безумного потребления, приводит к эскалации насилия, так как углубляет отчужденность человека от природы и тягу к саморазрушению. Таким образом, деструктивность насилия – это

потребительское использование разума ради подавления и господства. Предельная рациональность проекта Просвещения обернулась безумием, а развитие западной цивилизации оказывается связано с деструктивным отношением человека к природе и к самому себе. Апофеозом самодеструкции западной цивилизации предстал фашизм как деструктивная политическая модель и как логический итог проекта Просвещения. Несмотря на общий пессимистический настрой, представители франкфуртской школы, в частности Маркузе, считали возможным противостоять деструктивности насилия. В качестве минимизации социальной деструкции можно выделить следующие, намеченные ими, пути: отстаивание личного пространства свободы в модусе творческого саморазвития; отстаивание своего прошлого; создание альтернативной эстетической реальности посредством свободного творчества.

Литература

1. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 310 с.
2. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2003. 526 с.
3. Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М.: Наука, 1977. 318 с.
4. Вершинин С. Е., Борисова Г. А. Концепция социальной деструкции франкфуртской школы (историко-философский анализ). Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2009. 126 с.

References

1. Khorkkхайmer M., Adorno T. *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskiye fragmenty* [Dialectic of Enlightenment. Philosophical fragments]. Moscow, St. Petersburg, Medium, Yuventa Publ., 1997. 310 p.
2. Markuze G. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyy chelovek: issledovaniye ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva* [Eros and civilization. One-dimensional man: a study of the ideology of advanced industrial society]. Moscow, AST Publ., 2003. 526 p.
3. Davydov Yu. N. *Kritika sotsial'no-filosofskikh vozzreniy Frankfurtskoy shkoly* [Criticism of social-philosophical ideas of the Frankfurt school]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 318 p.
4. Vershinin S. E., Borisova G. A. *Kontseptsiya sotsial'noy destruktсии frankfurtskoy shkoly (istoriko-filosofskiy analiz)* [The concept of social degradation of the Frankfurt school (historical-philosophical analysis)]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Rossiyskogo gosudarstvennogo professional'no-pedagogicheskogo universiteta Publ., 2009. 126 p.

Информация об авторе

Сидоренко Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки. Белорусский государственный университет (220050, г. Минск, ул. Кальварийская, 9, Республика Беларусь). E-mail: iri_na2000@rambler.ru

Information about the author

Sidorenko Irina Nikolayevna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Methodology of Science. Belarusian State University (9, Kal'variyskaya str., 220050, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: iri_na2000@rambler.ru

Поступила 15.02.2017

УДК 316.4

Ю. Ю. БеловаПоволжский государственный технологический университет
(Йошкар-Ола, Российская Федерация)**ПРОЦЕСС АЛКОГОЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ
И РЕКОНСТРУКЦИИ**

В статье с позиций концепции дезорганизации У. Томаса и Ф. Знанецкого анализируется структура процесса алкоголизации населения. Обосновано его дезорганизующее воздействие на индивида и общество в той мере, в какой он влияет на процесс социальной дифференциации. Показана необходимость профилактики распространения практик потребления алкоголя в обществе через категории данной концепции. Сделан вывод, что формирование и накопление культурного, человеческого и символического капиталов в обществе способно повлиять на его физический капитал. Такой подход при определенных условиях может быть действенной альтернативой мерам рестриктивной политики в отношении потребления алкоголя. При ее грамотной организации велика вероятность формирования здорового поколения как фактора социальной дифференциации.

Ключевые слова: алкоголизация, пьянство, алкоголизм, дезорганизация, социальная дифференциация, стратификация, ресурсный подход, профилактика, социальная реконструкция.

Yu. Yu. Belova

Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

**PROCESS OF ALCOHOLIZATION OF THE POPULATION
AND ITS OVERCOMING IN THE CONTEXT OF SOCIAL
DISORGANIZATION AND RECONSTRUCTION PROBLEMS**

Structure of process of alcoholization of the population from line items of the concept of disorganization by U. Thomas and F. Znanetsky in the article is analyzed. Its disorganizing influence on the individual and society in that measure in what it influences process of social differentiation is proved. Need of prevention of distribution the practician of consumption of alcohol in society through categories of this concept is showed. It is concluded that the formation and accumulation of cultural, human and symbolic capital in the society is able to influence its physical capital. Such an approach under certain conditions, can be an effective alternative to measures restrictive policy on alcohol consumption. Formation of a healthy generation as a factor of social differentiation is perhaps.

Key words: alcoholization, drunkenness, alcoholism, disorganization, social differentiation, stratification, resource approach, prevention, social reconstruction.

Введение. Проблемный характер процесса алкоголизации населения существенным образом уточняется в призме теории дезорганизации У. Томаса и Ф. Знанецкого. Согласно их определению, социальная дезорганизация отражает «уменьшение влияния существующих социальных правил поведения на индивидуальных членов группы» [1, с. 135]. Ученые определили, что следствие социального явления (в нашем случае процесса алкоголизации) зависит и от субъективной позиции индивида по отношению к нему, и от объективных его условий [2]. Проблема взаимовлияния индивида и социальной организации для У. Томаса и Ф. Знанецкого центральная и для социальной практики [2].

Основная часть. Итак, на развитие процесса алкоголизации в обществе влияют и индивидуальные действия, и масштабные социальные процессы. В свою очередь, процесс алкоголизации населения становится фактором дезорганизации общества в той мере, в какой он влияет

на процессы социальной дифференциации. Чтобы это показать, проанализируем, какую роль алкогольные практики играют в социально-стратификационной структуре общества.

Современное понимание социальной стратификации связано с ресурсным подходом, допускающим признание критериями стратификации ресурсов (У. Бек), капиталов (П. Бурдьё), активов (Э. Соренсен) индивида. Важнейшим из этих критериев является здоровье, которое определяется как наиболее значимый фактор стратификации среди всех аскриптивных признаков человека в современной России [3, с. 75]. Согласно исследованиям, среди тех, кто характеризует свое здоровье как хорошее, больше людей с высоким социальным статусом, и наоборот [3, с. 75]. З. Т. Тихонова утверждает, что «классовая принадлежность... предопределяет очень разное качество жизни даже в таких областях, как здоровье...» [3, с. 137]. На связь состояния здоровья и социального статуса

индивида указывают Н. М. Римашевская, Н. Л. Руסיнова, В. С. Тапилина, Я. М. Рощина и др. За последние 15 лет значимость этого фактора сильно усилилась [3, с. 137]. Здоровье как критерий социальной стратификации влияет и на социальные позиции индивидов, и на их благосостояние, поскольку предопределяет возможность качественной занятости, способной приносить доход, а также на величину жизненных шансов успешного трудоустройства. Э. Соренсен рассматривает здоровье как часть человеческого капитала и считает, что люди с более высоким социальным статусом склонны инвестировать в него [1, с. 255]. Согласно В. В. Радаеву [4, с. 24], здоровье – это элемент физического капитала, лежащего в основе физико-генетической стратификационной системы общества, где отношение к индивиду зависит от состояния его здоровья, трудоспособности и некоторых физических и психических качеств, определяющих способность к труду. В. В. Радаев отмечает, что в физико-генетической стратификационной системе дифференциация построена на различиях в способности к труду, а значит, и в уровне здоровья. Эти различия могут фиксироваться, предположим, сравнением стилей и образа жизни, оценкой нормативности поведения, сопоставлением уровней заболеваемости или склонности к болезням. Воспроизводство таких различий порождает неравенство. Физический капитал имеет высокий ресурсный потенциал, поскольку способен мобилизовать другие виды ресурсов, что обеспечивает результат в трудовом процессе. Формой институционализации физического капитала является медицинское заключение о состоянии здоровья [4, с. 24]. С точки зрения В. В. Радаева здоровье – это особый, центральный элемент физического капитала и важнейший ресурс для индивида и общества, который неразрывно связан с экономическим, культурным, социальным и т. д. капиталами.

Широко распространенным в России фактором риска для здоровья является такая деструктивная поведенческая практика, как потребление психоактивных веществ и особенно алкоголя. Изменение структуры потребления алкоголя в обществе приводит к трансформациям в состоянии здоровья. Некоторые эмпирические замеры современных исследователей позволяют говорить о взаимозависимости между типами потребления алкоголя и социальными классами [5]. Структура потребления алкоголя – своеобразный индикатор занимаемой статусной позиции индивида в обществе. Вылившись в массовый социальный процесс, алкоголизация стала одним из мощнейших факторов угроз в сфере здоровья, который наносит непоправимый ущерб физическому капиталу отдельного человека и общества в целом,

снижая их иммунитет к вызовам современности. Поскольку физический капитал взаимосвязан с другими капиталами, процесс алкоголизации в обществе дезорганизующе воздействует на его важнейшие потенциалы: экономический, духовный, демографический, человеческий и др.

В то же время, согласно концепции дезорганизации У. Томаса и Ф. Знанецкого, социальная дезорганизация неотделима от процесса социальной трансформации. Диалектика противоречий вполне применима к понятию дезорганизации, которая немыслима без противоречий. Диалектична и позиция синергетики, видящая в дезорганизации кризис, который определяется «не только как апогей дезорганизации, но одновременно как появление новой организации, борющейся с возникшей дезорганизацией» [6, 10]. Сущность кризиса состоит в единстве деструктивного и конструктивного начал [6, 10]. Процессы алкоголизации порождают в обществе защиту от нее в форме деалкоголизации, являются факторами социальной детерминации, превенции алкоголизации населения.

В институционализированном состоянии система социальной превенции подкрепляется системой права в области профилактики алкоголизации населения, программ социальной профилактики, учебных планов превентологической науки, документов об образовании в сфере превентологии, способных оказать существенное влияние на здоровье человека и общества и т. д.

В свою очередь, социальная система превенции алкоголизации населения становится фактором формирования здорового поколения и сбережения здоровья населения как элемента физического капитала, связанного с другими важнейшими капиталами человека и общества, влияющими на развитие и сохранение их базовых потенциалов.

Согласно теории дезорганизации У. Томаса и Ф. Знанецкого, если нарушениям, способствующим процессу дезорганизации, не оказывать противодействия, то «они имеют тенденцию к умножению и ведут к полному разрушению институтов» [1, с. 136]. Следовательно, превенция распространения процесса алкоголизации населения требует регулирующих мер и не может быть пушена «на самотек».

У. Томас и Ф. Знанецкий рассмотрели вопрос соотношения социальной теории и практики в решении социальных проблем общества и сделали вывод, что не здравый смысл, выражающийся в карательных мерах, а социальная теория, включающая социальные ценности и личностные установки, должна являться основой социальных преобразований. В то же время социальная реконструкция, основанная на здравом смысле, также может иметь ожидаемый результат, хотя скорее будет незащищенной и во многом ошибочной.

Для наибольшей результативности, по мнению У. Томаса и Ф. Знанецкого, необходимо соблюдать условие дифференцированного подхода как к жизненной и институциональной организации, так и к преодолению индивидуальной и социальной дезорганизации. Дело в том, что разнообразие «жизненных организаций» индивидов, их индивидуальных особенностей и социального опыта не позволяет эффективно установить общие для всех социально-санкционированные схемы поведения. Особенности и жизненные траектории одних индивидов отличаются от особенностей и биографий других. Рано или поздно в процессе своей жизнедеятельности индивиды создадут свои собственные схемы поведения, вне предложенной, либо примут доступные, но существенно дополнят их своими правилами. При этом, как отмечают У. Томас и Ф. Знанецкий, «институциональная организация и жизненная организация любого индивида, посредством деятельности которого институты социальности реализуются, частично совпадают» [1, с. 135]. Это дает основание считать, что дифференцированный подход к процессу социальной превенции алкоголизации населения может способствовать приближению к индивидуальным запросам членов общества, что обеспечит результативность профилактических мер.

Определенный уровень стабильности может поддерживаться и укреплением правил с помощью социальных санкций, но только лишь некоторое время. Когда попытки укрепления правил уже не могут сдерживать процесс дезорганизации, стабильность нарушается. Так, начинают преобладать дезорганизующие процессы, что увеличивает риск негативных социальных последствий. Если же начать процесс противодействия дезорганизации до момента достижения определенного предела, она прекращается действием нового процесса, который У. Томас и Ф. Знанецкий назвали реорганизацией: «Процесс реорганизации заключается не в простом укреплении распадающейся организации, а в производстве новых схем поведения и новых институтов, лучше адаптированных к изменившимся требованиям группы, мы называем это производство новых схем и институтов *социальной реконструкцией*» [1, с. 136–137].

Под социальной реконструкцией можно понимать систему мер социальной превенции процесса алкоголизации населения, которая побуждает членов общества к здоровьесбере-

гающему поведению как части своей идентичности. Тем самым профилактика будет наиболее результативна при условии, если в первую очередь на уровне индивидуальных практик будет закреплено соответствующее поведение.

Заключение. Социальная реконструкция, выражающаяся в формировании системы социальной превенции и ее институционализации, может рассматриваться как фактор накопления культурного, человеческого, символического капиталов, поскольку она неотделима от процессов воспитания, образования, социализации индивида в обществе, в результате которых происходит производство мнений и трансляция символов. Более того, объемы культурного и человеческого капиталов могут измеряться временем, затраченным на осуществление воспитательного и образовательного процесса, что позволяет рассматривать систему социальной превенции в динамике. Процессы воспитания, образования и социализации, в свою очередь, определяют поведение, ценности, установки, привычки, знания индивида, а поэтому влияют на его отношение к употреблению психоактивных веществ. Соответственно, профилактика алкоголизации населения в большей степени должна осуществляться через механизмы формирования и накопления культурного, человеческого и символического капиталов в обществе, которые способны повлиять на его физический капитал, в том числе за счет конвертации и с опорой на дифференцированный научно обоснованный подход. Социальная профилактика, таким образом, при определенных условиях может быть действенной альтернативой мерам рестриктивной политики в отношении потребления алкоголя. При ее грамотной организации в обществе велика вероятность формирования здорового поколения как фактора социальной дифференциации. Отдельной стороной исследуемой проблемы является ясное понимание причин и факторов, приводящих к социальной и индивидуальной дезорганизации. Главными макрофакторами являются масскультурная глобализация, западофикация и связанная с ними псевдолиберализация [9, 11] и насаждаемые ценности и стиль жизни в обществе потребления [7, 8]. Их роль настолько велика, что позволяет говорить о новом бифуркационном типе человека, формирующегося под их влиянием [7], сопряженного с социальной мутацией современных обществ [9].

Литература

1. Томас У., Знанецкий Ф. Понятие социальной дезорганизации // Контексты современности-II: хрестоматия / сост. и ред. С. А. Ерофеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 188 с.
2. Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. 496 с.

3. Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.
4. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2010. Вып. 4, т. 3. С. 20–32.
5. Мартыненко П. А., Рощина Я. М. Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах // Экономическая социология. 2014. Т. 5, № 1. С. 20–42.
6. Романов В. Л. Самоорганизация, организация и управление в социальных процессах [Электронный ресурс] // Социальная самоорганизация и государственность [сайт]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Romanov2.htm> (дата обращения: 20.01.2017).
7. Шалаев В. П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // Socio Time/Социальное время. 2016. № 2. С. 71–81.
8. Шалаев В. П. Мировоззренческо-образовательная западофикация как технология глобализации и угроза национальной безопасности России (философский анализ) // Socio Time/ Социальное время. 2015. № 1. С. 57–71.
9. Шалаев В. П. Осторожно мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // Socio Time/Социальное время. 2015. № 3. С. 48–57.
10. Шалаев В. П. Синергетика в пространстве философских проблем современности: монография. Йошкар-Ола: Изд-во МарГТУ, 2009. 360 с.
11. Шалаева С. Л., Шалаев В. П. Либеральная (псевдолиберальная) культура как фактор глобальной западофикации и глобального управления // Socio Time/Социальное время. 2015. № 2. С. 112–122.

References

1. Tomas U., Znanetsiy F. The concept of social disorganization. *Konteksty sovremennosti-II* [Contexts of modernity-II]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ., 2001. 188 p.
2. Tomas U., Znanetsiy F. Methodological notes. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1994. 496 p.
3. Tikhonova N. E. *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [The social structure of Russia: theories and reality]. Moscow, Novyy khronograf, Institut sotsiologii RAN Publ., 2014. 408 p.
4. Radayev V. V. The concept of capital, forms of capital and their conversion. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 2010, issue 4, vol. 3, pp. 20–32 (In Russian).
5. Martynenko P. A., Roshchina Ya. M. The structure of alcohol consumption as an indicator of a social group in modern Russian cities. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 2014, issue 5, vol. 1, pp. 20–42 (In Russian).
6. Romanov V. L. Self-organization, organization and management in social processes. *Sotsial'naya samoorganizatsiya i gosudarstvennost'* [Social self-organization and statehood]. Available at: <http://spkurdyumov.narod.ru/Romanov2.htm> (accessed 20.01.2017).
7. Shalayev V. P. Bifurcational person in a global consumer society. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2016, no. 2, pp. 71–81 (In Russian).
8. Shalayev V. P. Worldview-educational westernization as a technology of globalization and a threat to Russia's national security (philosophical analysis). *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 1, pp. 57–71 (In Russian).
9. Shalayev V. P. Caution mutation: man and society facing the challenges of globalization, westernization and consumption: contradictions are mounting. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 3, pp. 48–57 (In Russian).
10. Shalayev V. P. *Sinergetika v prostranstve filosofskikh problem sovremennosti: monografiya* [Synergetics in the space of philosophical problems of our time: monograph]. Yoshkar-Ola, MarGTU Publ., 2009. 360 p.
11. Shalayeva S. L., Shalayev V. P. Liberal (pseudo-liberal) culture as a factor of global westernization and global governance. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 2, pp. 112–122 (In Russian).

Информация об авторе

Белова Юлия Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных наук и технологий. Поволжский государственный технологический университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Российская Федерация). E-mail: juliya01@mail.ru

Information about the author

Belova Yuliya Yur'yevna – PhD (Sociology), Assistant Professor, the Department of Social Sciences and Technologies. Volga State University of Technology (3, Lenina Sq., 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: juliya01@mail.ru

Поступила 04.02.2017

УДК 1:281.9(476)

Н. М. Кожич

Белорусский государственный технологический университет

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКОВНЫХ БРАТСТВ В БЕЛАРУСИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.**

В статье идет речь о православных братствах. Показано, что они являлись специфическими центрами связи мирских и духовных дел, так как имели статус юридического лица и могли охватить своим влиянием гораздо большую территорию по сравнению с приходами. Их роль в общественной жизни Беларуси в конце XIX – начале XX в. постоянно возрастала, поскольку в их состав входили представители высшей церковной иерархии и деятели культуры. Братства получали финансовую поддержку от правительства для своей экономической, просветительской, религиозной и другой деятельности. Это давало возможность братским организациям осуществлять самостоятельную попечительскую программу. Отмечено, что важной особенностью жизнедеятельности братств данного периода является стремление к объединению своих действий. Таким образом, братства, исторически возникшие как клерикально-церковные организации, постепенно превращались в представительные народные объединения, призванные защищать интересы православия в Беларуси. Однако связь братств с государственными структурами во многом ограничивала их деятельность.

Ключевые слова: православие, братства, миссионерская деятельность, просветительская деятельность.

N. M. Kozhich

Belarusian State Technological University

**ACTIVITY OF ORTHODOX CHURCH BROTHERHOODS IN BELARUS
OF THE END 19 – THE BEGINNINGS OF THE 20TH CENTURY**

In article there is a speech about orthodox brotherhoods. It is shown that they were specific communication centers of wordly and spiritual affairs as had the status of the legal entity and could capture the influence big territories, than arrivals. Their role at the end of 19 – the beginning of the 20th century constantly increased in public life of Belarus as representatives of the highest church hierarchy and cultural figures were their part. Brotherhoods got financial support from the government for the economic, educational, religious and other activity. It gave the chance to the brotherly organizations to carry out the independent trustee program. The author notes that important feature of activity of brotherhoods of this period is the aspiration to association of the actions. Thus, the brotherhoods which have historically arisen as the clerical and church organizations, gradually turned into the representative national associations designed to protect interests of orthodoxy in Belarus. However communication of brotherhoods with government institutions in many respects limited their activity.

Key words: orthodoxy, brotherhoods, missionary activity, educational activity.

Введение. В настоящее время наблюдается активизация церковных организаций. Их деятельность нередко выходит за пределы религиозной области. Одними из таких учреждений являются православные церковные братства, которые имеют определенные исторические традиции в Беларуси. Особенно показательным примером в этом отношении являются братства, осуществлявшие деятельность в конце XIX – начале XX в. Именно в данный период их общественно-политическая значимость была особенно велика.

Основная часть. Православные церковные братства рассматривались как «общества лиц разных сословий для взаимной помощи в нуждах мирских и духовных...» [1, с. 407]. Их идейной основой была христианская любовь – глав-

ный принцип нравственных отношений между людьми. Членом братства мог стать любой православный независимо от социальной и национальной принадлежности. Братства появились в XV–XVI вв. и первоначально представляли собой национально-религиозные и просветительские организации. Они создавались при православных церквях Украины, Беларуси, Литвы и вели борьбу за национально-культурную независимость украинского и белорусского народов. Это выразилось в том, что братские организации отстаивали интересы православного населения перед правителями и гражданскими учреждениями. Обладая значительными материальными средствами, различными привилегиями и правами, они имели возможность открывать монастыри, богадельни, госпитали,

училища, типографии, а также находиться в сношениях по разным вопросам с другими государствами, в первую очередь с Россией, Грецией, Молдавией. Целью этих объединений было поддержание и сохранение православной веры, противостояние унии и католицизму. Братчики занимались не только распространением православия, заботой о построении и благолепии храмов, но и охраной внешних прав церкви и порядка ее внутреннего устройства. Королевская власть, игнорируя церковную, стала самостоятельно избирать кандидатов на епископские кафедры, передавать храмы и монастыри в ведение состоятельным гражданским лицам, а также пользоваться правом верховного суда над епископами и священнослужителями, что неминуемо способствовало бюрократизации церковного управления. С целью избежать негативных последствий патриархи многим братствам присваивали ставропигиальный статус, обеспечивающий независимость от епархиальных властей. При получении этого права храм при братстве подчинялся непосредственно патриарху. Тем самым братчики добились права участия в выборе духовных лиц, контроля их действий, нередко обличали духовенство в пороках и злоупотреблениях.

Важно отметить, что до заключения унии 1596 г. деятельность братств носила, главным образом, благотворительный и религиозно-просветительский характер. После унии братства стали центрами сосредоточения религиозной жизни православных. Они активно проводили апологетическую работу, вели полемику против унии и католицизма. Тем не менее к концу XVIII в. подавляющее большинство населения исповедовало католическую либо греко-католическую веру. К середине XIX в. братства были исключительно редким явлением, кое-где сохраняясь в качестве чисто религиозных объединений, деятельность которых сводилась фактически к исполнению культа.

Идея возрождения православных братств появилась в среде преподавателей Виленской духовной семинарии в конце 50-х гг. XIX в. Инициатором выступил попечитель Виленского учебного округа князь А. П. Ширинский-Шахматов. Его начинания были поддержаны генерал-губернатором М. Н. Муравьевым, что во многом обуславливалось событиями 1863–1864 гг. В то же время ставилась важная задача активизировать участие мирян в церковной жизни. 8 мая 1864 г. Святейшим Синодом были опубликованы «Основные правила для учреждения православных церковных братств», главными задачами которых выступали благотворительность, забота о состоянии церковных зданий, основание школ, апологетическая и миссионерская работа.

Деятельность братств была во многом схожей с деятельностью приходских попечительств, но в отличие от последних первые являлись юридическими лицами и своим влиянием могли охватывать гораздо большую территорию. Они имели право приобретать собственность и функционировали независимо от епархиального управления. «Рост числа братств со второй половины XIX века и расширение сферы их деятельности, – писал И. К. Смолич, – объясняется устройством братств, в своей работе они чувствовали себя значительно свободней, чем приходские попечительства, их члены были выходцами из всех слоев, они сами определяли себе поле деятельности; братчики имели равные голоса при вынесении решений» [2, с. 85].

Правительство благосклонно относилось к идее возрождения братств, поскольку выражало заботу о распространении и укреплении православия. Оно всячески содействовало деятельности братских организаций, выделяя для этой цели финансовые средства. Значимость братств выражалась и в том, что в их состав входили представители высшей церковной иерархии, члены правительственных кругов, общественные деятели. В частности, на общем собрании Гродненского Софийского православного братства, которое состоялось 14 марта 1882 г., в качестве почетных членов были утверждены митрополит Киевский и Галицкий Платон, министр внутренних дел Д. А. Толстой, обер-прокурор К. П. Победоносцев, профессор Санкт-Петербургской духовной академии М. О. Коялович и др.

Братства организовывали публичные богословские чтения для интеллигенции, внебогослужебные собеседования с мирянами, народные чтения религиозно-нравственного характера со световыми картинками, хоровым и общепародным пением. Поскольку социальной опорой православия большей частью были белорусские крестьяне, то именно они составляли основной контингент слушателей этих чтений.

В 1895 г. при Виленском Свято-Духовском братстве открылась специальная комиссия по устройству религиозно-нравственных народных чтений. Ее основал преподаватель Литовской духовной семинарии А. И. Миловидов. Чтения проходили в местных храмах, в зданиях церковно-приходских школ, училищ, как правило, в зимнее время года, когда население было свободным от полевых работ. Главными темами являлись жития святых, описания святых мест, история православных праздников, изложение библейских текстов. Довольно часто чтения были приурочены к какому-либо событию культурной жизни России, истории Северо-Западного края. Виленское братство в 1911 г. отметило 50-летие освобождения крестьян,

200-летие рождения М. В. Ломоносова, 250-летие подвига виленского князя Д. Мышецкого и др. Братские чтения были открыты для лиц разных исповеданий. Организаторы подчеркивали, что тот, кто принадлежит к неправославной вере, «не услышит ни одного оскорбительного слова о своей вере, не почувствует никакого насилия над свободой своей религиозной совести» [3, с. 318]. В печати отмечалось, что ксендзы первоначально запрещали своим прихожанам посещать эти чтения, но поскольку организаторами данных мероприятий являлись светские люди и там действительно не затрагивались вопросы о религиозных разногласиях между православием и католицизмом, они стали относиться к братским чтениям более благосклонно. При проведении чтений нередко использовался метод сопоставления, при котором слушатели на месте получали ответы на интересующие их темы. Крестьянам, помимо религиозно-нравственных наставлений, предоставлялась информация из области сельского хозяйства, медицины, естествознания. Другими словами, чтения, организованные Виленским братством по воскресным дням, способствовали поднятию уровня грамотности среди населения. Кроме того, по словам сотрудников комиссии, «в деревне с введением чтений замечался интенсивный спрос на книгу, удаление от пьянства, стремление к более благородным развлечениям» [3, с. 365].

Следует иметь в виду, что на рубеже XIX–XX вв. деятельность братств была направлена, в первую очередь, на просвещение и укрепление православных в истинах веры. Братства распространяли литературу религиозно-нравственного содержания, раздавали крестики, иконы, медальонные изображения святых, оказывали материальную помощь в содержании церковно-приходских школ. По мере того как росла численность братств и расширялась их деятельность, возрастало и общественно-политическое значение этих организаций. Братчики принимали активное участие в совещаниях по вопросам о выборе депутатов в Государственную Думу, о введении земского самоуправления в западных губерниях и т. д. В октябре 1905 г. при Могилевском Богоявленском братстве образовалась партия русских людей. Она призвала население к компромиссному решению политико-экономических вопросов. За полгода своего существования партия объединила около 10 000 лиц, в основном крестьянского сословия и городских мещан. В своей деятельности она опиралась на официальную доктрину «самодержавие – православие – народность», поддерживала связь с другими монархическими организациями. Партия заявляла о том, что «будет отстаивать самодержавную

власть Государя, но не в прежней ее форме абсолютизма, созданного Петром I, а в новой, создаваемой манифестом 17 октября. Кардинальным положением союза служит сохранение за Государем решающего голоса по важнейшим вопросам государственной жизни» [4, с. 645]. Целью партии было также стремление фактически обеспечить православной церкви в Беларуси «подобное ей по закону первенствующее место», предоставить свободное развитие русской культурной миссии. Организация допускала наличие национальных меньшинств в крае при условии, «если они не клонятся к нарушению основного политического строя государства» [4, с. 645].

Важная особенность жизнедеятельности братств данного периода заключалась в том, что эти организации испытывали потребность в объединении своих действий. Например, Виленское Свято-Духовское братство планировало открыть свое отделение в Москве, чтобы установить связь с центральными епархиями. Предполагалось при отделении совершать богослужения, проводить беседы о положении православия в Беларуси, а собранные деньги направлять на постройку церквей, школ, приютов, на пособие неимущим православным западных губерний. Этой акцией братство рассчитывало обратить внимание российской общественности на положение православия в белорусских епархиях.

Выработка единой идеологической платформы, обмен опытом стали основной задачей братских съездов, состоявшихся в 1907–1909 гг. На этих съездах обсуждалось положение церкви в белорусских епархиях, а также проблемы укрепления православной идеологии в крае. Подчеркивалась необходимость активизации церковно-приходской жизни, объединения местного населения для совместной деятельности. А. И. Миловидов отмечал, что «представителями некоторых отделов братств являются земские начальники, мировые судьи... представители сельской интеллигенции. Такое объединенное сельское народное братство во главе с энергичным просвещенным священником или мирянином вдохновляет приход, сообщает приходской жизни особый характер: улучшается нравственность, возрастает и интерес к приходскому храму, к его благолепию, интерес к школе, книге, ближе становятся отношения пасомых к пастырям...» [5, с. 17]. Епископ Гомельский Митрофан рассматривал деятельность братств в более широком масштабе: «Начиная с семьи братская организация должна охватить все стороны нашей жизни, дух братский должен соединить в один крепкий, стойкий союз селения и города» [6, с. 698].

На первом братском съезде, который состоялся в 1907 г. в Минске, разрабатывалась программа по укреплению православного влияния. Наряду с этим отмечалось стремление братств опереться в своей деятельности на поддержку государства, что нашло выражение в требованиях о закрытии польских обществ, об учреждении специального органа для наблюдения за исполнением католическим духовенством законов при переходе православных в католицизм и т. д.

В 1909 г. состоялся съезд братств в Вильно. В его работе приняли участие «7 епископов, 4 архимандрита, 8 членов Государственной Думы, много священников, не меньше и мирян, представителей различных слоев общества начиная с генералов и кончая простыми крестьянами» [7, с. 294]. Церковная печать отмечала, что «братчики работали весьма энергично и одушевленно, среди них царило замечательное единодушие... клир и миряне, пастыри и паства представляли одно стройное целое, что более всего соответствует понятию братства как церковно-общественной организации» [7, с. 296]. На этом съезде уделялось большое внимание устройству и функционированию братств. Было решено открывать братства в каждом приходе. Их деятельность должна была координироваться уездными и центральными братствами епархии. В качестве объединяющего органа должен был выступать братский съезд, созываемый ежегодно. Было вынесено решение создать общий периодический орган, указывалось на необходимость расширения издательской деятельности, содействия народному просвещению, организации экономической помощи населению через устройство ссудосберегатель-

ных товариществ, выдачи кредитов. В этой связи является вполне очевидным, что братское движение к началу XX в. продолжало набирать силу, стремясь к как можно большему охвату сторон общественной жизни края. Некоторые положения съездов были реализованы на практике. Например, в печати сообщалось, что «духовенство первого благочиннического округа Слуцкого уезда постановило открыть 18 отделов Минского Народного Братства, т. е. во всех приходах первого округа...» [8, с. 320]. Виленское Православное Свято-Духовское братство создало «Общебратский взаимно-вспомогательный капитал», чтобы «путем взаимопомощи поддерживать православно-русские интересы в тех местах края, где им грозит серьезная опасность» [9, с. 826].

Заключение. Таким образом, братства, осуществлявшие свою деятельность в конце XIX – начале XX в., представляли собой подлинно народные объединения. Это выражалось в том, что братская деятельность была направлена на работу с широкими слоями общества. Братства стремились к оживлению церковно-приходской жизни, поднятию религиозно-нравственного уровня народа и одновременно к охвату многих сторон общественной жизни. Программа деятельности братств включала в себя неизменную задачу защиты интересов православия на белорусских землях. Братские чтения имели важное просветительское и миссионерское значение, способствовали укреплению народной нравственности и православия среди населения. Наряду с этим братства были тесно связаны с государственными и политическими структурами, что во многом ограничивало их деятельность.

Литература

1. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 1. М.: Возрождение, 1992. 578 с.
2. Смолич И. К. История русской церкви (1700–1917): в 2 ч. Ч. 2. М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. 798 с.
3. Первое 10-летие деятельности Виленской братской комиссии по устройству религиозно-нравственных народных чтений // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 38–39. С. 316–318.
4. Союз русских людей при Могилевском Богоявленском братстве // Могилевские епархиальные ведомости. 1905. № 22. С. 643–651.
5. Миловидов А. И. Западно-русские православные братства, их современное значение и задачи. Вильна: Русский почин, 1913. 36 с.
6. Речь Митрофана, епископа Гомельского к гомельской пастве о цели и задачах братств // Могилевские епархиальные ведомости. 1909. № 19. С. 691–698.
7. Виленский Братский съезд и его значение // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского Братства. 1909. № 16–17. С. 294–297.
8. Отголоски Виленского Братского съезда в жизни и печати // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского Братства. 1909. № 18. С. 320–322.
9. Довгялло Д. И. Новая эра в жизнедеятельности западнорусских братств // Могилевские епархиальные ведомости. 1909. № 22. С. 825–828.

References

1. *Polnyy pravoslavnyy bogoslovskiy entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh. Tom 1* [Unabridged orthodox theological encyclopedic dictionary: in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Vozrozhdeniye Publ., 1992. 578 p.
2. Smolich I. K. *Istoriya russkoy tserkvi (1700–1917): v 2 chastyakh. Cast' 2* [History of the Russian church (1700–1917): in 2 parts. Part 2]. Moscow, Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya Publ., 1997. 798 p.
3. First 10 anniversary of activity of the Vilensky brotherly commission on the device of religious and moral national readings. *Litovskiy eparkhial'nyye vedomosti* [Lithuanian diocesan sheets], 1905, no. 38–39, pp. 316–318 (In Russian).
4. The union of the Russian people at the Mogilev Bogoyavlensky brotherhood. *Mogilevskiy eparkhial'nyye vedomosti* [Mogilev diocesan sheets], 1905, no. 22, pp. 643–651 (In Russian).
5. Milovidov A. I. *Zapadno-russkiye pravoslavnyye bratstva, ikh sovremennoye znachenkiye i zadachi* [West Russian orthodox brotherhoods, their modern value and tasks]. Vil'na, Russkiy pochin Publ., 1913. 36 p.
6. Mitrofan's speech, the bishop Gomel to the Gomel flock about the purpose and problems of brotherhoods. *Mogilevskiy eparkhial'nyye vedomosti* [Mogilev diocesan sheets], 1909, no. 19, p. 691–698 (In Russian).
7. Vilensky Brotherly congress and its value. *Vestnik Vilenskogo Pravoslavnogo Svyato-Dukhovskogo Bratstva* [Messenger of the Vilensky Orthodox Sacred and Dukhovskiy Brotherhood], 1909, no. 16–17, pp. 294–297 (In Russian).
8. Echoes of the Vilensky Brotherly congress in life and the press. *Vestnik Vilenskogo Pravoslavnogo Svyato-Dukhovskogo Bratstva* [Messenger of the Vilensky Orthodox Sacred and Dukhovskiy Brotherhood], 1909, no. 18, pp. 320–322 (In Russian).
9. Dovgyallo D. I. New era in activity of the West Russian brotherhoods. *Mogilevskiy eparkhial'nyye vedomosti* [Mogilev diocesan sheets], 1909, no. 22, pp. 825–828 (In Russian).

Информация об авторе

Кожич Наталья Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: Kogich@belstu.by

Information about the author

Kozhich Natal'ya Mikhaylovna – PhD (Philosophy), Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Kogich@belstu.by

Поступила 28.02.2017

УДК 347.214.2

Е. М. Сергеева

Белорусский государственный технологический университет

**НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАВЕЩАНИЮ**

Перед каждым человеком рано или поздно независимо от уровня его материального обеспечения встает проблема, связанная с решением имущественного вопроса. Любой гражданин может задуматься о судьбе приобретенного им имущества на случай своей смерти. Поэтому регулируя наследственные отношения, закон в первую очередь предоставляет гражданам право по своему усмотрению распорядиться принадлежащим им имуществом на случай смерти. При этом такое распоряжение может быть выражено только одним способом – путем составления завещания.

В статье исследуются правоотношения, складывающиеся на основе специального юридического факта – завещания, их место в системе наследственных правоотношений.

Ключевые слова: наследование, имущество, имущественные права, наследодатель, нотариус, сделка, завещание.

Ye. M. Sergeeva

Belarusian State Technological University

SOME LEGAL PECULIARITIES OF INHERITANCE BY WILL

Before every man sooner or later regardless of the level of his financial support there is a problem associated with the solution of the property issue. Any citizen may wonder about the fate of the acquired property after his death. Therefore, by adjusting the hereditary relations, the law primarily provides citizens with the right at their discretion to dispose of property belonging to them in the event of death. While such an order may be expressed in only one way – by making a will.

The article examines the legal relations formed on the basis of special legal fact – wills, their place in the system of hereditary relations.

Key words: inheritance, property, imagestone law, testator, notary, deal will.

Введение. Тема завещания актуальна всегда и заключается в том, что у граждан имеется возможность сохранить свое имущество и передать его наследникам путем составления завещания, благодаря которому граждане могут по своему усмотрению распорядиться дальнейшей судьбой своего имущества.

Поэтому все большее число граждан использует предоставленное законом право оставить завещание не только для того, чтобы решить судьбу своей собственности, но и для того, чтобы избавить близких от выяснения отношений, споров, которые могут возникнуть после смерти наследодателя в связи с разделом квартиры, машины, дачи, другого имущества и имущественных прав.

Право наследования гарантировано Конституцией Республики Беларусь [1]. Наследством, в основном, являются имущественные права и обязанности наследодателя, важнейшее место среди которых занимает право частной собственности на жилой дом, квартиру и др.

Основная часть. Гражданский кодекс Республики Беларусь 1998 г. законодательно закрепил свободу завещания в качестве основно-

го принципа наследования (ст. 1041). Наследование по завещанию рассматривается в качестве основного способа призвания к наследству, поскольку позволяет наиболее точно и правильно выразить последнюю волю собственника имущества.

Приоритет наследования по завещанию, в первую очередь, определяется последовательностью расположения норм, регулирующих наследование по завещанию и закону. Гражданский кодекс Республики Беларусь, принятый в 1998 г., поставил на первое место главу «Наследование по завещанию». Поэтому п. 2 ст. 1032 Гражданского кодекса Республики Беларусь закреплено принципиально важное положение, что наследование по закону имеет место лишь тогда, когда завещание отсутствует либо определяет судьбу не всего наследства, а также в иных случаях, установленных Гражданским кодексом Республики Беларусь и принятыми в соответствии с ним иными актами законодательства.

Закон является не главным основанием призвания к наследству, так как наследование по закону имеет место, когда и поскольку оно не изменено завещанием.

Институт наследования насчитывает многовековую историю – с тех пор, как у человека появилась собственность в виде материальных ценностей, которые могут переходить третьим лицам в целях продолжения дела умершего собственника имущества.

Завещание является односторонней сделкой, которая представляет собой волеизъявление гражданина по распоряжению принадлежащим ему имуществом на случай смерти. Распоряжение завещателя принадлежащим ему имуществом на случай смерти состоит в назначении наследников, в определении, кому из них, какое и в каком объеме переходит наследственное имущество, кто из наследников и в чью пользу должен совершить за счет наследства действия, именуемые завещательным отказом, возложением. Обычно в качестве признаков завещания выделяют:

- личный и индивидуальный характер завещания;
- односторонний характер сделки;
- свобода завещания.

Рассмотрим каждый из признаков подробным образом.

Завещание, как уже отмечалось, представляет собой выражение воли завещателя, которая непосредственно связана с его личностью.

Ввиду личного характера завещания, оно не может быть совершено через посредника или представителя, действующих по доверенности или на основании закона. Как сугубо личное, право сделать завещательное распоряжение не может быть ограничено по соглашению с третьими лицами.

Завещание как односторонняя сделка влечет наступление правовых последствий, предусмотренных ею, лишь в случае, если она удовлетворяет общим условиям действительности сделок и условиям действительности завещания, предусмотренным главой 70 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Завещание должно быть совершено лично завещателем, который к тому же обладает дееспособностью в полном объеме, и чтобы в нем содержались распоряжения только завещателя. Действительность завещания, т. е. соответствие его как сделки условиям действительности сделок, определяется на момент составления завещания.

Завещание как односторонняя сделка создает права и обязанности только после открытия наследства. До открытия наследства завещание не может быть оспорено заинтересованными лицами. Завещание при жизни завещателя не ограничивает его в праве распоряжаться завещанным имуществом [2, с. 588].

В завещании выражена воля одного завещателя, поэтому порядок его составления и действительность не зависят ни от согласия наследников с его содержанием, ни от того, известно ли оно им. Односторонний характер завещания позволяет завещателю в дальнейшем при необходимости изменить свои распоряжения.

Термином «завещание» обозначается также документ, в котором в письменной форме зафиксировано волеизъявление гражданина по распоряжению принадлежащим ему имуществом на случай смерти. Завещание должно быть написано ясно и четко, подчистки в его тексте не допускаются. Исправления в текст завещания вносятся так, чтобы ошибочно написанное, а затем зачеркнутое, можно было прочесть в первоначальном виде. В тексте завещания не должны допускаться выражения, которые содержат противоречия и допускают различное толкование [2, с. 588–589].

Действующее наследственное право исходит из принципа свободы завещания. Так, согласно ст. 1041 Гражданского кодекса Республики Беларусь, гражданин может в завещании лишить права наследования одного, нескольких или всех наследников по закону. Завещатель вправе также обусловить получение наследства определенным правомерным условием относительно характера поведения наследника, отменить и изменить составленное завещание в любой момент после его совершения и не обязан при этом указывать или сообщать кому-либо о причинах отмены или изменения им завещания. Закон ограничивает свободу завещательного распоряжения лишь правилами об обязательной доле в наследстве, о недопущении возложения на наследников по завещанию обязанности в свою очередь распорядиться определенным образом завещанным им имуществом на случай их смерти, а также включения противоправных или невыполнимых для наследника условий (например, вступить в законный брак с лицом, указанным наследодателем, избрать местом жительства населенный пункт, где проживал наследодатель, и т. д.). Поскольку такого рода условия ограничивают права и свободы, они считаются незаконными и, следовательно, не подлежат исполнению.

В то же время являются правомерными такие условия, оговариваемые в завещании, как трудоустройство на работу, если к этому нет препятствий по состоянию здоровья; получение наследства по достижении определенного возраста; забота о разумной сохранности наследства.

Свобода завещания состоит в том, что гражданин может:

1) завещать свое имущество либо часть его любому гражданину (гражданам), в том числе зачатому при его жизни и родившемуся живым после открытия наследства, юридическому лицу, Республике Беларусь и административно-территориальной единице;

2) лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, включая и их потомков, которые могут наследовать по праву представления. Лишение наследства наследника по закону не влечет автоматического лишения права наследования его потомков по праву представления. Чтобы наступили такие последствия, завещание должно содержать конкретные указания на сей счет;

3) распорядиться на случай смерти любым имуществом, в том числе тем, собственником которого наследодатель может стать после совершения завещания. При удостоверении завещания от завещателя не требуется предоставления доказательств, подтверждающих права на завещаемое имущество;

4) обусловить получение наследства наследником определенным правомерным условием относительно характера его поведения (например, прекратить злоупотреблять спиртными напитками). Неправомерны те условия, которые влекут ограничение конституционных и иных предусмотренных законодательством прав и свобод граждан (например, о вступлении в брак с определенным лицом, об исполнении религиозных обрядов);

5) отменить или изменить составленное завещание. Лишая наследства одного, нескольких или всех наследников по закону либо отменяя или изменяя составленное завещание, наследодатель не обязан указывать в завещании, объяснять или сообщать кому-либо о причинах своих решений. Завещательная свобода наследодателя ограничена законом, а именно правилами, предусмотренными п. 5 ст. 1041 Гражданского кодекса Республики Беларусь, по которым свобода завещания ограничивается правилами об обязательной доле в наследстве (ст. 1064), о недопущении возложения на лиц, назначенных наследниками в завещании, обязанности в свою очередь распорядиться определенным образом завещанным им имуществом на случай их смерти, включения в завещание противоправных или

невыполнимых для наследника в силу объективных причин условий его поведения для получения наследства [2].

Запрещено включать в завещание противоправные и невыполнимые для наследника в силу субъективных причин условия его поведения для получения наследства. Если же такие условия оказались включенными в завещание, например в закрытое, то наследник по такому завещанию вправе обратиться в суд с иском о признании завещания недействительным в части оговоренного условия.

Если же выполнение правомерного условия стало невозможным для наследника в силу объективных причин, то в случае подтверждения такого обстоятельства решением суда наследник может наследовать по завещанию без учета таких условий.

Принцип свободы завещания наряду с другими средствами обеспечивается тайной завещания. Лицо, удостоверяющее завещание, свидетели, а также гражданин, подписывающий завещание вместо завещателя, не вправе до открытия наследства разглашать сведения, касающиеся содержания завещания, его составления, отмены или изменения [2, ст. 1050].

Составлять завещание не могут несовершеннолетние лица, а также признанные судом недееспособными. Дееспособным гражданин должен быть именно в момент составления завещания, в противном случае оно будет считаться недействительным.

Если над лицом, имеющим в собственности имущество, установлена опека, попечительство, то оно не вправе составлять завещание без предварительного согласия органов опеки и попечительства. Ограниченно дееспособный имеет право составить завещание, а соответствующие должностные лица удостоверить такое при наличии согласия попечителя и разрешения органа опеки и попечительства.

Заключение. Таким образом, завещатель может включить в завещание любое распоряжение и формально можно говорить о полной свободе завещательных распоряжений в наследственном праве Республики Беларусь. Однако этот принцип встречает некоторые ограничения как в нашем законодательстве, так и в законодательстве других стран. Эти ограничения направлены, в первую очередь, на охрану интересов ближайших родственников наследодателя.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск: Амалфея, 2011. 48 с.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 20 февр. 2014 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.

References

1. *Konstitutsiya Respubliki Belarus' 1994 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami, prinyatymi na respublikanskikh referendumakh 24 noyabrya 1996 g. i 17 oktyabrya 2004 g.)* [The Constitution of the Republic of Belarus of 1994 (with amendments and additions adopted at the Republican referendum on 24 November 1996 and 17 October 2004)]. Minsk, Amalfeya Publ., 2011. 48 p.

2. The Civil code of the Republic of Belarus. *Konsul'tant Plus: Belarus'. Tekhnologiya 3000* [Consultant Plus: Belarus. Technology 3000]. Minsk, 2014.

Информация об авторе

Сергеева Евгения Михайловна – ассистент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: sergeeva@belstu.by

Information about the author

Sergeyeva Yevgeniya Mikhaylovna – assistant lecturer, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: sergeeva@belstu.by

Поступила 22.03.2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	5
Рассадин С. Е. Орнамент на Государственном флаге Республики Беларусь: древнейшие истоки	5
Козляков В. Е. К вопросу о содержании социокультурного феномена «русская цивилизация» (исторический аспект)	10
Дамарад А. А. Эвалюцыя правоў і прывілеяў шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XIV – пачатку XVI ст.	15
Дземідовіч А. В. Палітычная актыўнасць Вялікага Княства Літоўскага падчас вайны Швецыі з Рэччу Паспалітай 1625–1629 гг.	20
Матвеев О. В. Некоторые аспекты адаптации белорусов к этносоциальной и природной среде (на примере Кавказской войны)	25
Крючек П. С. Крестьянские переселения из Беларуси в годы Столыпинской аграрной реформы	31
Острога В. М. Материальное положение учителей средних учебных заведений Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.	36
Райченко А. А. Возникновение и развитие белорусского национального движения в Российской империи	42
Семенчик Н. Е. Революции 1917 г. и их последствия в Беларуси	47
Рыжанкоў І. М. Харчовая палітыка Часовага ўрада ў Беларусі (верасень – кастрычнік 1917 г.)	53
Коваль В. У. Сацыяльна-эканамічная і псіхалагічная адаптацыя беларускіх эмігрантаў у міжваенны перыяд	58
Мосейчук Л. И. Преподавание истории и теории религии в Белорусском государственном университете в период становления высшего образования Беларуси	63
Козляков В. Е., Мосейчук Л. И. Источники по истории становления и развития практики научно-методического обеспечения университетского образования Беларуси в 20–30-е гг. XX в.	67
Зайцев А. А., Зайцева Н. В. Обострение военно-политической обстановки в Европе – результат амбиций США	72
ФИЛОСОФИЯ	77
Водопьянов П. А. Пути преодоления вызовов и рисков в жизни общества	77
Шалаев В. П. Синергетика глобального капитализма, потребления и отчуждения человека в обществе	81
Бурак П. М. Риски гносеологического неконформизма в современном обществе и методологические подходы к их регулированию	86
Кирвель Ч. С. Метаморфозы и парадоксы рационального сознания	92
Богаченко В. В. Трансгуманизм как форма эскапизма человека в контексте киберкультуры	98
Лефанова И. В. Феномен виртуальной реальности в эколого-информационном обществе	103
Пунченко О. П. Шелковый путь-2: трансграничный и инновационный характер глобализации по-китайски	108
Сокольчик В. Н. Феномен паранауки и проблема демаркации знания в постнеклассической науке	113
Лазаревич Н. А. Человеческое развитие в условиях новых технологических возможностей	118
Бухарева Л. П., Шалаев В. П. Проблема языкового поведения в контексте сохранения культурно-языковой самобытности малых народов	122
Хренков В. В. Общество потребления как общество отсутствия счастья: социально-философский анализ	126
Сидоренко И. Н. Концепция социального насилия Г. Маркузе	130
Белова Ю. Ю. Процесс алкоголизации населения и его преодоление в контексте проблем социальной дезорганизации и реконструкции	135
Кожич Н. М. Деятельность православных церковных братств в Беларуси конца XIX – начала XX в.	139
Сергеева Е. М. Некоторые правовые особенности наследования по завещанию	144

CONTENTS

HISTORY	5
Rassadin S. Ye. The ornament on the National flag of the Republic of Belarus: the ancient origins	5
Kazliakou Ul. Ye. About sociocultural phenomén “russian civilization” (historical aspect)	10
Damarad A. A. Evolution of the rights and privileges of the nobility of the Grand Duchy of Lithuania in the late 14th – early 16th century	15
Dzemidovich A. V. The political activity of the Grand Duchy of Lithuania during the war between Sweden and Polish-lithuanian commonwealth in 1625–1629	20
Matveev O. V. Some aspects of adaptation Belarusians to ethno-social and natural environment (for example of the Caucasian war)	25
Kruchek P. S. Peasant resettlement of Belarus in the years of the Stolypin agricultural reforms	31
Ostroga V. M. The financial situation of teachers in secondary educational establishments of Belarus in the second half of 19th – early 20th centuries	36
Raychenok A. A. Rise and development of Belarusian national movement in the Russian empire	42
Semenchyk N. E. Revolutions of 1917 and their aftermaths in Belarus	47
Ryzhankou I. M. Food policy of the provisional government in Belarus (september – october 1917) ..	53
Koval V. U. Social, economic and psychological adaptation of Belarusian emigrants during the inter-war period	58
Maseichuk L. I. The teaching of the history and theory of religion in the Belarusian state university in the period of formation of higher education in Belarus	63
Kazliakou Ul. Ye., Maseichuk L. I. The history and development of the practice of scientific and methodological support Belarusian university education in the 20–30’s the twentieth century sources	67
Zaytsev A. A., Zaytseva N. V. The aggravation of the military-political situation in Europe the result of the ambitions of the United States	72
PHILOSOPHY	77
Vodop’yanov P. A. Ways to overcoming challenges and risks in the life of the company	77
Shalayev V. P. The synergetic of global capitalism society, consumption and alienation of the person in society	81
Burak P. M. Epistemological risks of nonconformism in modern society and methodological approaches to its regulation	86
Kirvel’ Ch. S. Metamorphoses and paradoxes of rational consciousness	92
Bogachenko V. V. Transhumanism as a form of human’s escapism in contexts of cyberculture	98
Lefanova I. V. Phenomenon of virtual reality in environmental information society	103
Punchenko O. P. Silk road-2: the transboundary nature and innovation of globalization in chinese	108
Sokolchik V. N. Parascience phenomenon and the problem of demarcation of knowledge in post-nonclassical science	113
Lazarevich N. A. Human development in conditions of the new technological opportunities	118
Bukhareva L. P., Shalayev V. P. The problem of language behaviour in the context of preservation of cultural and language identity of the small people	122
Khrenkov V. V. Consumer society as society of lack of happiness: social-philosophical analysis	126
Sidorenko I. N. The concept of social violence by G. Marcuse	130
Belova Yu. Yu. Process of alcoholization of the population and its overcoming in the context of social disorganization and reconstruction problems	135
Kozhich N. M. Activity of orthodox church brotherhoods in Belarus of the end 19 – the beginnings of the 20th century	139
Sergeyeva Ye. M. Some legal peculiarities of inheritance by will	144

Редакторы: *Ю. Д. Нежикова, Е. С. Ватечкина*
Компьютерная верстка: *О. А. Солодкевич, Е. В. Ильченко*
Корректоры: *Ю. Д. Нежикова, Е. С. Ватечкина*

Подписано в печать 20.06.2017. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,4. Уч.-изд. л. 19,0.
Тираж 100 экз. Заказ 216.

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.